МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ АВТОНОМНОЕ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«САМАРСКИЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ
УНИВЕРСИТЕТ ИМЕНИ АКАДЕМИКА С. П. КОРОЛЕВА»
(САМАРСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ)

На правах рукописи

Губанова Татьяна Сергеевна

«ЖЕНСКИЙ ВОПРОС» И СТЕРЕОТИПЫ ФЕМИННОСТИ В ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ СССР КОНЦА 1960-Х – НАЧАЛА 1980-Х ГГ.

5.6.1. Отечественная история

Диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук

Научный руководитель:
Леонтьева Ольга Борисовна,
доктор исторических наук,
доцент

Самара – 2024

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение 3

Глава 1. Гендерная структура советского общества конца 1960-х – начала 1980-х гг. 41

1.1. Феминистские ценности в идеологии СССР и гендерная политика советской власти 41

1.2. Гендерная культура советского человека в сфере быта и частных отношений конца 1960-х – начала 1980-х гг. 72

Глава 2. Репрезентация моделей феминности и маскулинности в советской культуре 106

2.1. Гендерные стереотипы в системе советского образования и воспитания детей и подростков 106

2.2. Советские печатные СМИ как один из основных каналов трансляции гендерных стереотипов 128

2.3. Феминность и маскулинность в искусстве и массовой культуре конца 1960-х – начала 1980-х гг. на примере советского кинематографа 155

Заключение 182

Список литературы 188

Приложения 243

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность темы исследования. Изучение вопроса о положении женщины в обществе, включающего широкий спектр проблем правового, социально-экономического, политического, символического статуса женщин, к настоящему времени сформировалось в особое междисциплинарное научное направление. Тем не менее, недостаточно изученным аспектом «женского вопроса» являются существовавшие на разных исторических этапах стереотипные представления о феминности и маскулинности, то есть об идеалах женственности и мужественности, особенностях поведенческих норм, социальных ролей и статусов представителей разных полов. Важность их изучения обусловлена тем, что представления о «женском» и «мужском» являются ключевыми категориями культуры, определяют структуру общества и являются базовым элементом многих политических идеологий. Стереотипы феминности и маскулинности (гендерные стереотипы) влияют на повседневные практики, выбор жизненных стратегий, формирование ценностей и ориентиров при воспитании младших поколений, накладывают отпечаток на культуру и искусство каждой исторической эпохи. В силу этого изучение гендерных стереотипов во всей их исторической конкретности важно для понимания сущности «женского вопроса» и путей его решения.

Социальные отношения в позднесоветском обществе на сегодняшний день являются одним из наиболее сложных и наименее изученных предметов исследования, несмотря на существование большого количества разнообразных исторических источников, относящихся к данному времени. Советский период представляет особый интерес для исследователей, поскольку с самого начала своего существования советское общество претерпело ряд существенных социальных трансформаций, повлиявших на

статус женщин и мужчин в социально-политической и культурной жизни и отразившихся в репрезентациях феминного и маскулинного. Утрата главенствующей роли религии и церкви в вопросе регулирования брачно-семейных отношений и повседневных социальных практик сочеталась с возраставшей ролью партии и государства. Третья программа КПСС, принятая на XXII партийном съезде, ставила задачу воспитания коммунистической морали – «самой справедливой и благородной морали, выражающей интересы и идеалы всего трудящегося человечества»[1]. Включенный в партийную программу Моральный кодекс строителя коммунизма устанавливал в качестве ключевых ценностей советского общества «честность и правдивость, нравственную чистоту, простоту и скромность в общественной и личной жизни», а также «взаимное уважение в семье, заботу о воспитании детей»[2]. Однако, несмотря на господство коммунистической идеологии и декларируемое стремление к идейно-политическому единству, в советском обществе сохранялись и воспроизводились сложные и неоднозначные представления о допустимых моделях женского и мужского поведения. Этим продиктована необходимость качественного анализа советского общественно-политического дискурса периода «развитого социализма», в том числе представленных в нем репрезентаций феминного и маскулинного.

Научная значимость исследуемой темы обусловлена сохранением в современной Российской Федерации ряда правовых, политических и социальных норм, выработанных советской системой гендерных отношений (например, конституционное равенство женщин и мужчин[3]), а также

---

[1] Материалы XXII съезда КПСС. М. : Госполитиздат, 1961. С. 410.
[2] Там же. С. 410-411.
[3] Конституция Российской Федерации : принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020 // Официальный интернет-портал правовой информации : [сайт]. М., 2024. URL: http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202210060013 (дата обращения 17.09.2024).

принимаемыми стратегическими программами социального развития (разработка Национальной стратегии действий в интересах женщин[4], актуализация в Конституции РФ особого статуса материнства и детства[5]). Научную значимость также имеет проблема распределения семейных ролей, статуса женщины в семейных отношениях, соотношения фактических и социально одобряемых гендерных семейных функций; внимание к этим проблемам акцентируется осуществлением государственной политики в сфере защиты семьи и традиционных семейных ценностей[6]. Поэтому в сравнительно-исторической перспективе изучение гендерных стереотипов советского общества приобретает особенную значимость.

Объект исследования – место и роль женщины в социальной, политической, экономической и прочих сферах жизни советского общества в общественно-политическом дискурсе конца 1960-х – начала 1980-х гг.

В исследовании выделяются разные уровни общественно-политического дискурса в зависимости от субъектов дискурса, с учетом их неравного положения. Дискурсу «власти» соответствуют речевые и текстовые практики, относящиеся к публичной нормативно-правовой и политической сферам. Под дискурсом «общества» подразумеваются паттерны, конструируемые и распространяемые в неофициальной публичной и частной сферах. Система народного просвещения, СМИ, массовая экранная культура в данной работе рассматриваются как области пересечения и взаимопроникновения дискурсов «власти» и «общества».

---

[4] Об утверждении Национальной стратегии действий в интересах женщин на 2023-2030 годы : распоряжение Правительства РФ от 29.12.2022 № 4356-р // Собрание законодательства РФ. 2023. № 1 (часть III). Ст. 477.

[5] Конституция Российской Федерации : принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020 // Официальный интернет-портал правовой информации : [сайт]. М., 2024. URL: http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202210060013 (дата обращения 17.09.2024).

[6] О проведении в Российской Федерации Года семьи : указ Президента Российской Федерации от 22.11.2023 № 875 // Собрание законодательства РФ. 2023. № 48. Ст. 8560.

Предметом исследования являются стереотипы феминности, распространенные в общественно-политическом дискурсе СССР изучаемого периода. Поскольку представления о «женском» и «мужском», как правило, являются взаимно детерминированными, в данной работе будет уделено внимание также стереотипам маскулинности в советской культуре, анализ которых будет носить вспомогательный характер.

Хронологические рамки исследования охватывают период конца 1960-х – начала 1980-х гг., эпохи «развитого социализма».

Территориальные рамки исследования включают преимущественно территорию РСФСР, что не опровергает возможной схожести протекания ряда социальных процессов в крупных городах советских национальных республик. Вопросы специфических национальных особенностей в репрезентации женского и мужского (как в национальных автономиях РСФСР, так и в союзных республиках СССР) остаются за рамками исследования и рассматриваются исключительно в обобщенном виде.

Степень разработанности темы исследования.

Исследователи достаточно часто обращались к проблемам неравенства женского и мужского социально-политических статусов, положения женщин в государственной и мировой общественных системах. Советские ученые на заре развития отечественной институциональной социологии также уделяли внимание вопросам женского труда, условий жизни и профессионального развития, социально-экономического положения и вовлеченности женщин в общественные процессы. На наш взгляд, историографический обзор для настоящего исследования имеет определенную специфику, что обусловлено постановкой темы и предметом исследования. Особенность предмета исследования обосновывает необходимость использования проблемного, а не хронологического подхода в анализе историографического материала, а также обособления ряда научных работ в особую группу историографических источников. Ввиду ярко выраженной политической

ангажированности, проявившейся в особенностях изложения и анализа материала, использования дискурсивных практик, аналогичных практикам советской официальной партийной риторики, к подобным работам относятся труды советских ученых, посвященные вопросам исследования жизни советских женщин-современниц. В отдельную группу историографических источников также вынесены базовые работы крупных теоретиков марксизма, марксизма-ленинизма, марксистского и социалистического феминизмов.

Исходя из обозначенных особенностей, стоит выделить несколько групп исследований, материалы которых были использованы в работе.

1. Работы о гендерной теории, феминизме, методике, теории и философии женских исследований;
2. Исследования социально-экономического и политического положения женщин в советской и постсоветской России;
3. Исследования частной сферы советских социальных отношений, советской повседневности и быта.

Поскольку гендерные исследования подразумевают междисциплинарный подход, исследуемая тема оставляет достаточно широкое поле для осмысления с точки зрения философии и истории философии. К *первой группе обобщающих работ* следует отнести обзорные работы авторов, которых принято причислять к направлению академического феминизма; они имеют особое значение для данного исследования. Среди них работа доктора философских наук Г.А. Брандт «Философская антропология феминизма. Природа женщины»[7]. Данная работа включает в себя широкий обзор и глубокий анализ основной феминистской литературы. Не менее важное значение имеет исследование И.А. Жеребкиной[8], в котором автор, доктор философских наук, также интерпретирует и сравнивает работы

---

[7] Брандт Г. А. Философская антропология феминизма. Природа женщины. СПб. : Алетейя, 2006. 160 с.

[8] Жеребкина И. «Прочти мое желание...» : постмодернизм, психоанализ, феминизм. М. : Идея-Пресс, 2000. 251 с.

известных представительниц феминистской мысли, дает им собственную оценку. Обе названные работы входят в большую группу обобщающей обзорной литературы, которая оказывается необходимой для исследований сущности подходов к изучению женской и гендерной истории.

Большое значение для настоящего исследования имеет монография известного современного историка Н.Л. Пушкаревой «Гендерная теория и историческое знание»[9]. В данной работе автор всесторонне описывает гендерный подход как методологический принцип исторического исследования, также обращается к истории гендерных исследований, вопросам социологии, психологии, культурологи и философии.

В данной *группе обобщающих работ* следует выделить также другие работы, связанные с толкованием гендера как особого научного и философского понятия, работы, в которых раскрываются категории феминности и маскулинности, характеризуются понятия гендерного равенства, гендерной идентичности. Речь идет об основополагающих для исследований гендера трудах Р. Брайдотти[10], И. Гофмана[11], К. Ханиш[12], Н. Чодороу[13]. Полезными с точки зрения определения базисных понятий и классификаций также являются исследования О.Н. Бушмакиной[14],

---

[9] Пушкарёва Н. Л. Гендерная теория и историческое знание. СПб. : Алетейя, 2007. 495 с. ; Её же. Гендерный аспект «истории повседневности»: содержание и перспективы изучения // Частное и общественное: гендерный аспект : материалы Четвертой Междунар. науч. конф. РАИЖИ и ИЭА РАН. Т. 2. М. : ИЭА РАН, 2011. С. 538-539.

[10] Брайдотти, Р. Женские исследования и политики различия // Введение в гендерные исследования. Ч. II : Хрестоматия / под ред. С. В. Жеребкина. Харьков : ХЦГИ ; СПб. : Алетейя, 2001. С. 13-22.

[11] Введение в гендерные исследования. Ч. II : Хрестоматия / под ред. С. В. Жеребкина. Харьков : ХЦГИ ; СПб. : Алетейя, 2001. С. 306-335.

[12] Ханиш К. Личное есть политическое (февраль 1969 года) // Женщины в политике: новые подходы к политическому : феминистский образовательный альманах. Вып. 2 : Личное как политическое / ред. А. Ю. Першай и Е. М. Иванова. Прага: Адліга, 2013. С. 16–21.

[13] Чодороу Н. Воспроизводство материнства: психоанализ и социология гендера. М. : РОССПЭН, 2006. 496 с.

[14] Бушмакина О. Н. Событие пола в поле социального бытия // Гендерная теория и историческое знание : материалы второй Междунар. науч.-практ. конф. / отв. ред. А. А. Павлов, В. А. Семенов. Сыктывкар : Изд-во СыктГУ, 2005. С. 20–28.

И.Е. Калабихиной[15], Е.В. Михайловой[16], Д.Г. Смирнова[17], И.И. Тюриковой[18], а также исследования, посвященные изучению проблемы гендерных стереотипов[19], как, к примеру, работы М.Н. Шевченко[20], О.С. Селивановой[21].

Исследования стереотипов феминности основываются на широком интересе ученых к изучению феминизма как философии и как социального движения. Значимая часть известных на сегодняшний день работ также посвящена раскрытию вопросов сочетания феминистской социально-политической повестки с идеями социализма, коммунизма, либерализма, технократизма и др., что отмечается и в зарубежной (Р. Стайтс[22]., Х. Хартман[23], Н.С. Нунан[24], Л. Вогель[25], К. Годси[26]), и в отечественной

---

[15] Калабихина И. Е. Как мы узнаем, что наступает гендерное равенство? // Женщина в российском обществе. 2021. № 2. С. 3–16.

[16] Михайлова Е. В. Гендерная философия: маскулинность и фемининность // Вестник Марийского государственного университета. 2011. № 6. С. 11–14.

[17] Смирнов Д. Г. Семиотика международных отношений: гендерное измерение (к постановке проблемы) // Женщина в российском обществе. 2018. № 4. С. 60–70.

[18] Тюрикова И. И. Дихотомия частного / публичного в классических и современных политических теориях : феминистская критика // Частное и общественное: гендерный аспект : материалы Четвертой Междунар. науч. конф. РАИЖИ и ИЭА РАН. Т. 2. М. : ИЭА РАН, 2011. С. 539–543.

[19] Василенко М. В., Михайленко А. В., Полторацкая Н. В., Шевяков М. Ю. Гендерные стереотипы в современном российском обществе : результаты социологических исследований. Волгоград : «АМК», 2006. 140 с.

[20] Шевченко М. Н. Гендерные стереотипы // Вестник Амурского государственного университета. Сер.: Гуманитарные науки. 2010. № 48. С. 173–176.

[21] Селиванова О. С. Гендерные стереотипы как способ репрезентации патриархатной культуры: социально-философский анализ : автореф. дис. … канд. филос. наук. Екатеринбург, 2006. 21 с.

[22] Стайтс Р. Женское освободительное движение в России : феминизм, нигилизм и большевизм, 1860-1930. М. : РОССПЭН, 2004. 616 с.

[23] Хартман Х. Несчастливый брак марксизма с феминизмом: путь к более прогрессивному союзу. М. : Свобмарксизд, 2016. 784 с.

[24] Noonan N. C. Marxism and Feminism in the USSR // Women & Politics. 1988. Vol. 8, № 1. P. 31–49.

[25]Vogel L. Marxism and the oppression of women. Leichhardt (New South Wales) : Pluto press, 1983. 218 p.

[26] Годси К. Почему у женщин при социализме секс лучше. Аргументы в пользу экономической независимости. М. : Альпина нон-фикшн, 2020. 218 с.

историографии новейшего времени (С.А. Батуренко[27], О.А. Воронина[28], Е. Гапова[29], Г.А. Ельникова[30], И.И. Юкина[31]).

Вторая большая группа исследований посвящена общей характеристике социально-экономического и политического положения советских женщин.

В первую очередь, к этой группе можно отнести исторические работы, посвященные изучению «женского вопроса» в период становления советской власти. Исследования, посвященные данной тематике, появились еще в СССР и в целом характеризуются формальным и содержательным соответствием принципам марксистско-ленинской теории (например, В.Л. Бильшай[32], Б.П. Пальванова[33], В.Н. Смирнова[34], Е.Д. Емельянова[35]). Для таких работ характерно подчеркивание особой значимости практики предоставления женщинам свобод через реализацию их права на труд, рассмотрение гендерных отношений через призму концепции классовой борьбы.

В современный период тема решения «женского вопроса» большевиками также не теряет своей научной значимости и находит отражения в диссертационных исследованиях Г.Н. Григорьевой[36],

---

[27] Батуренко С. А. Марксистский феминизм: теоретический проект, генезис и опыт практической реализации в XX в. // Вестник Московского университета. Сер. 18, Социология и политология. 2019. № 1. С. 111–129.

[28] Воронина О. А. Феминизм и гендерное равенство. М. : Эдиториал УРСС, 2003. 320 с.

[29] Гапова Е. Гендер и постсоветсткие нации: личное как политическое // Ab Imperio. 2007. № 1. С. 309-328 ; Её же. Классы наций: феминистская критика нациостроительства. М. : Новое литературное обозрение, 2016. 368 с.

[30] Ельникова Г. А. Духовные и социокультурные основания российского феминизма : автореф. дис. … д-ра социол. наук. Белгород. 2004. 41 с.

[31] Юкина И. И. Русский феминизм как вызов современности. СПб. : Алетейя, 2007. 544 с.

[32] Бильшай В. Л. Решение женского вопроса в СССР. М. : Госполитиздат, 1956. 247 с.

[33] Пальванова Б. П. Дочери Советского Востока. М. : Госполитиздат, 1961. 174 с.

[34] Смирнова В. Н. Женский вопрос на демократическом и социалистическом этапах революции : женщины Татарии в революции и гражданской войне : дис. ... д-ра ист. наук. Воронеж, 1971. 691 с.

[35] Емельянова Е. Д. Революция, партия, женщина : опыт работы Коммунистической партии среди трудящихся женщин (окт. 1917–1925 гг.). Смоленск, 1971. 236 с.

[36] Григорьева Г. Н. Советская власть и женское движение в СССР в 20-е гг. XX в. : автореф. дис. … канд. ист. наук. М., 2004. 16 с.

И.Б. Пресняковой[37], И.Г. Сытник[38], О.А. Тарабриной[39], И.В. Алферовой[40] и др. Современные авторы при обращении к источникам в виде работ К. Маркса, Ф. Энгельса, А. Бебеля, К. Цеткин, В.И. Ленина сохраняют большую объективность и в большей степени уделяют внимание недостаткам советского социального регулирования.

Важнейшими для общей характеристики советского гендерного порядка, безусловно, являются работы Е.А. Здравомысловой и А.А. Темкиной[41], в которых авторы не только характеризуют статусы и роли советских женщин, но и вводят в научный оборот такие понятия, как «этакратический гендерный порядок» и «гендерный контракт работающей матери» применительно к характеристике советских гендерных отношений на государственном уровне. Характеристика гендерной системы советского общества и проблем равноправия, с учетом анализа статистических данных, представлена в исследованиях О.А. Ворониной[42], Е.Б. Груздевой и

---

[37] Преснякова И. Б. Исторический опыт реализации государственной социальной политики решения женского вопроса в период реконструкции народного хозяйства (1925–1937 гг.) : на примерах областей Верхне-Волжского региона : автореф. дис. … канд. ист. наук. Иваново, 2004. 24 с.

[38] Сытник И. Г. Женский вопрос в политике государства и его решение на Южном Урале : 1918-1930 гг. : автореф. дис. … канд. ист. наук. Оренбург, 2006. 26 с.

[39] Тарабрина О. А. Политика советского государства в решении «женского вопроса» в годы Гражданской войны (ноябрь 1917–1920 гг.) : замыслы и реалии: автореф. дис. … канд. ист. наук. Самара, 2006. 24 с.

[40] Алферова И. В. «Женский вопрос» в теории и практике большевизма : первое десятилетие Советской власти, 1917-1927 гг. : автореф. дис. … д-ра ист. наук. СПб., 2011. 24 с.

[41] Здравомыслова Е. А., Тёмкина А. А. Государственное конструирование гендера в советском обществе // Журнал исследований социальной политики. 2003. № 3-4. С. 299–321 ; Их же. Советский этакратический гендерный порядок // Российский гендерный порядок: социологический подход : коллективная монография / [отв. ред. Е. А. Здравомыслова, А. А. Тёмкина]. СПб. : Изд-во Европ. ун-та, 2007. С. 96–138 ; Их же. Кризис маскулинности в позднесоветском дискурсе // О муже(N)ственности : сборник статей / сост. С. Ушакин. М. : Новое литературное обозрение, 2002. С. 433–449 ; Их же. Что такое «маскулинность»? Понятийные отмычки критических исследований мужчин и маскулинностей // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2018. № 6. С. 48–73.

[42] Воронина О. А. Гендерная культура в России: традиции и новации. М. : ИФ РАН, 2018. 111 с.

Э.С. Чертихиной[43], Л.Н. Завадской[44], А.Ю. Котылева[45], Н.Л. Пушкаревой[46], М.Г. Котовской[47], А. Роткирх (в соавт. с А. Темкиной)[48], Ю. Градсковой[49], Н. Рис[50], К. Чухров[51]. Интерес к вопросу положения женщин в советском обществе проявляют и зарубежные исследователи: Дж.М. Быстидзенски[52], Э. Карнахэн и Д. Бахри[53], Дж. Харден[54], Дж. Хайнен[55], М. Ривкин[56], Ф. Струм[57], К.Л. Тедин и О.-К.Ф. Яп[58].

---

[43] Груздева Е. Б. Оплата труда и семейные доходы работающих женщин: проблемы и перспективы // Женщины в современном мире : к итогам X-летия женщины ООН / [Т. Н. Сидорова, Н. А. Бережная, Е. Н. Коршунова и др.] ; отв. ред. В. В. Любимова. М. : Наука, 1989. С. 93–104.

[44] Завадская Л. Н. Российские реалии: проблема равенства полов // Интеграция женщин в процесс общественного развития. Ч. 2. М. : Луч, 1994. С. 393–417.

[45] Котылев А. Ю. Оппозиция мужское/женское в процессе развития российской социокультурной системы конца XIX – начала XXI вв. // Гендерная теория и историческое знание : материалы семинаров / [отв. ред. А. А. Павлов]. Сыктывкар : СыктГУ, 2004. С. 57–91.

[46] Пушкарёва Н. Л. Гендерная система Советской России и судьбы россиянок // Новое литературное обозрение. 2012. № 5. С. 8–23.

[47] Котовская М. Г. Социокультурные аспекты гендерных проблем в России: история и современность : автореф. дис. … д-ра ист. наук. М., 2005. 52 с.

[48] Роткирх А., Темкина А. Советские гендерные контракты и их трасформация в современной России // Российский гендерный порядок: социологический подход : коллективная монография / [отв. ред. Е. А. Здравомыслова, А. А. Тёмкина]. СПб. : Изд-во Европ. ун-та, 2007. С. 169–201 ; Их же. Советские гендерные контракты и их трансформация в современной России // Социологические исследования. 2002. № 11. С. 4–15.

[49] Градскова Ю. «Обычная» советская женщина – обзор описаний идентичности. М. : Спутник+, 1999. 158 с.

[50] Рис Н. Гендерные стереотипы в российском обществе: взгляд американского этнографа // Этнографическое обозрение. 1994. № 5. С. 44–52.

[51] Чухров К. Был ли гендер в СССР // Гендерные исследования. Харьков : ХЦГИ, 2010. № 20-21. С. 249–256.

[52] Bystydzienski J. M. Women and Socialism: A Comparative Study of Women in Poland and the USSR // Signs. 1989. Vol. 14, № 3. P. 668–684.

[53] Carnaghan, E., Bahry D. Political Attitudes and the Gender Gap in the USSR // Comparative Politics. 1990. Vol. 22, № 4. P. 379–399.

[54] Harden J. Beyond the dual burden: Theorising gender inequality in Soviet Russia // Critique : Journal of Socialist Theory. 2002. № 30 (1). P. 43–68.

[55] Heinen J. Inequalities at Work: The Gender Division of Labour in the Soviet Union and Eastern Europe // Studies in Political Economy. 1990. № 33. P. 39–61.

[56] Rywkin M. Soviet society today. New York : M. E. Sharpe, Inc., 1989. 243 p.

[57] Strum Ph. Conversations with Women Policy-Makers in the USSR // Women & Politics. 1980. № 1(3). P. 21-33.

Ключевыми вопросами, к которым обращаются авторы, становятся вопросы вовлечения женщин в трудовую и социально-политическую деятельность[59], в том числе и в сферы, ранее не характерные для женского участия[60] (к примеру, исследования, посвященные привлечению женщин к профессиональной военной карьере[61] или работе в морском флоте[62]).

Характеристика гендерной структуры советского общества, по мнению ряда ученых, является неполной без глубокого гендерного анализа советского законодательства, исследования гендерной политики[63] и уровня политического участия женщин в процессах государственного управления. В связи с этим важные экспертные мнения относительно сущности советской гендерной политики и законотворчества представлены в работах

---

[58] Tedin K. L., Yap O.-K.F. The Gender Factor in Soviet Mass Politics: Survey Evidence from Greater Moscow // Political Research Quarterly. 1993. Vol. 46, № 1. P. 179–211.

[59] Рябцева И. А. Население в ходе экономического развития СССР: роль и специфика включения женского населения в экономику СССР (историографический анализ) // Экономика и управление инновациями. 2021. № 3 (18). С. 47–56 ; Теплякова А. Ю. Исторический опыт вовлечения женщин в трудовую и общественно-политическую деятельность во второй половине XX – начале XXI веков (на примере Воронежской области) : автореф. дис. … канд. ист. наук. Белгород, 2013. 20 с. ; Меньшикова Е. Н. Формирование особой гендерной идентичности советских женщин-железнодорожниц в конце 1960-1980-х годах // НИР. Российский журнал управления проектами. 2020. № 3. С. 747–756 ; Пушкарёва Н. Л. Динамика женского присутствия в российской экономике второй половины XX – начала XXI в. : глазами историка // Гендерная политика в России и в мире: экономика, управление, общество : материалы Всерос. науч. конф. Иваново : Иван. гос. ун-т, 2021. С. 94–101.

[60] Кононенко Р. Советская женщина за рулем : государственная политика и культурные коды гендерного равенства // Советская социальная политика: сцены и действующие лица, 1940–1985 : науч. моногр. / под ред. Е. Р. Ярской-Смирновой, П. В. Романова. М. : Вариант, 2008. С. 358–371.

[61] Батурина З. П. Исторический опыт привлечения женщин на военную службу в отечественные вооруженные силы в XX веке : автореф. дис. … канд. ист. наук. М., 2004. 24 с.

[62] Еременко К. С., Поливанчук Е. А. «Море принадлежит мужчинам?»: женщины в профессиональном сообществе советского торгового флота в 1960–1970-х гг. // Женщина в российском обществе. 2021. № 4. С. 149–168.

[63] Климашевская О. В., Крутов А. В. Гендерная политика государства: генезис понятия // Женщина в российском обществе. 2010. № 4. С. 22–31.

С.Г. Айвазовой[64], А.М. Лушникова[65], О.С. Нагорной[66], Г.Г. Силласте[67], Н.Н. Тарусиной[68], О.А. Хасбулатовой[69], В.В. Чвыкалова[70].

Особая категория работ включает в себя массив исследований советского общественного дискурса[71] на материале советской периодической печати. К авторам, обращавшимся к анализу газет и журналов, выпускавшихся в доперестроечном СССР во второй половине XX века, относятся М. Антонова[72], И. Гевиннер[73], М.Ю. Гудова[74], А.Е. Звонарева[75],

---

[64] Айвазова С. Г. Русские женщины в лабиринте равноправия : очерки полит. теории и истории. Документальные материалы / С. Айвазова. М. : РИК Русанова, 1998. 405 с.

[65] Лушников А. М. «Женский вопрос» и отечественное трудовое право : историко-правовой очерк // Актуальные проблемы российского права. 2015. № 3. С. 182–189.

[66] Нагорная О. С. Женщины в структурах советской культурной дипломатии холодной войны: пространства мобилизации и практики соучастия // НИР. Российский журнал управления проектами. 2020. № 2. С. 451–467.

[67] Силласте Г. Г. Гендерная политика и социальный механизм ее возможной реализации // Гендерная политика в России и в мире: экономика, управление, общество: материалы Всерос. науч. конф. Иваново: Иван. гос. ун-т, 2021. С. 3–13.

[68] Тарусина Н. Н. Гендерная экспертиза российского законодательства. Ярославль : ЯрГУ, 2012. 44 с.

[69] Хасбулатова О. А. Технологии создания мифа о равноправии полов: советские практики // Женщина в российском обществе. 2018. № 4. С. 49–59.

[70] Чвыкалов В. В. Гендерная политика советского государства в социальной сфере в целях защиты прав женщин // Юристъ-Правоведъ. 2011. № 3. С. 74–78.

[71] Афанасьев А. С. Женщина как Другой в советском дискурсе 1970–80-х гг. // Вестник ТГГПУ. 2019. № 3 (57). С.128–131.

[72] Антонова М. Сатира как инструмент дисциплины тела в эпоху хрущёвских реформ : формирование идентичности советской женщины в 1950–1960-е годы (по материалам журнала «Крокодил», «Работница», «Здоровье» // Советская социальная политика: сцены и действующие лица, 1940–1985 : науч. моногр. / [Е. Ярская-Смирнова и др.] ; под ред. Е. Р. Ярской-Смирновой, П. В. Романова. М. : Вариант, 2008. С. 290–312.

[73] Гевиннер И. Гендерные стереотипы: о чем свидетельствуют имиджи женщин в популярных женских журналах СССР и ГДР? // Лабиринт. Журнал социально-гуманитарных исследований. 2014. № 6. С. 25–34.

[74] Гудова М. Ю. Ценностная специфика хронотопа советского и российского женского иллюстрированного журнала (на примере журналов «Советская женщина» и «Крестьянка») // Советская культура в современном социопространстве России: трансформации и перспективы : материалы науч. интернет-конф. Екатеринбург, 2008. URL: https://elar.urfu.ru/handle/10995/1826 (дата обращения: 14.04.2024).

[75] Звонарева А. Е. Образ отца в позднесоветской журнальной периодике (вторая половина 50-х – 80-е годы XX века) // Женщина в российском обществе. 2009. № 1. С. 64–73.

Л.Н. Кузнецова[76], В.В. Смеюха[77], И. Тартаковская[78], О. Шаталова[79], Д.В. Захаров[80].

Со второй половины 2000-х гг. отмечается рост научного интереса исследователей к изучению региональных аспектов гендерной истории. В качестве примеров можно назвать ряд диссертационных исследований, связанных с положением женщин в разных областях СССР и России (Мурманской[81], Тюменской[82] и Иркутской[83]). Несмотря на то, что, на наш взгляд, общими чертами этих регионоведческих исследований является экстраполяция выводов и использование таких спорных характеристик, как «женское движение» применительно к региональному контексту в условиях СССР, появление данных работ является значимым для развития женской истории как направления в целом.

Современные исследователи также уделяют внимание проблеме соотношения гендерной и национальной идентичностей советских женщин:

---

[76] Кузнецова Л. Н. Вначале было слово (Женская проблематика на газетных страницах 70-х) // Женская пресса [сайт]. URL: https://a-z.ru/women/texts/kusnez6-e.htm (дата обращения: 22.07.2022).

[77] Смеюха В. В. Женские журналы СССР в 1945–1991 гг. : типология, проблематика, образная трансформация // Женщина в российском обществе. 2012. № 1. С. 55–67 ; Её же. Отечественные женские журналы : история и типология // Вопросы теории и практики журналистики. 2012. № 2. С. 50-57.

[78] Tartakovskaya I. The changing representation of gender roles in the Soviet and post-Soviet press // Gender, State and Society in Soviet and Post-Soviet Russia. New York : Routledge, 2012. P. 118–136.

[79] Шаталова О. Кухня и освобождение от нее: домашняя работница в советской прессе 70-х гг. // Квир-коммунизм это этика / О. Шаталова, Г. Мамедов. М. : Свободное марксистское изд-во, 2016. С. 85–103.

[80] Захаров Д. В. Трансформация образа женщины в средствах массовой информации России в 70-90 гг. XX века на примерах журналов: «Работница», «Крестьянка», «Космополитен» : автореф. дис. … канд. ист. наук. М., 2004. 26 с.

[81] Кутырова О. В. «Женский вопрос» в Советском Союзе и механизмы его решения в Мурманской области (1917–1980-е гг.) : автореф. дис. … канд. ист. наук. Мурманск, 2007. 27 с.

[82] Черевако Е. И. Социально-политическое положение женщин Тюменской области (II-я половина 1940-х – начало 1990-х гг.) : дис. … канд. ист. наук. Тюмень, 2005. 183 с.

[83] Шевченко Л. А. История женского движения в Иркутской области (1920–1990-е гг.) : автореф. дис. … канд. ист. наук. Улан-Удэ, 2012. 25 с.

здесь стоит упомянуть работы Д. Леинарте[84], Н.Е. Бехзади[85], М.А. Толмачевой[86], С.Н. Абашина[87], Ю. Градсковой[88], Р. Венты[89], Л.А. Королевой и А.А. Королева[90], А. Темкиной[91]; появляются работы, связанные с исследованием проблемы раскрытия гендерной и религиозной идентичностей[92] в условиях атеистической коммунистической идеологии.

Поскольку одним из важных элементов сферы публичных отношений является система образования, исследователи обращаются к изучению вопросов педагогики, процессов воспитания и образования в СССР и постсоветской России[93]. В частности, это исследования следующих авторов:

---

[84] Leinarte D.Family and the State in Soviet Lithuania. New York : Bloomsbury Publishing Plc, 2021. 226 p.

[85] Behzadi, N. E., Direnberger, L. Gender and ethnicity in the Soviet Muslim peripheries: a feminist postcolonial geography of women's work in the Tajik SSR (1950–1991) // Central Asian Survey. 2020. Vol. 39, № 1. P. 202–219.

[86] Tolmacheva M. A. The Muslim woman in Soviet Central Asia // Central Asian Survey. 1993. Vol. 12, № 4. P. 531–548.

[87] Абашин С. Н. Советский кишлак : между колониализмом и модернизацией. М. : Новое литературное обозрение, 2015. 848 с.

[88] Градскова Ю. Кули семьи кули: «женщины отсталых народов» и советские политики культурности // Там, внутри. Практики внутренней колонизации в культурной истории России : сб. ст. / под ред. А. Эткинда, Д. Уффельманна, И. Кукулина. М. : Новое литературное обозрение, 2012. С. 664–683.

[89] Вента Р. Эволюция образа мусульманки в исследованиях XX–XXI вв. // Женщина в российском обществе. 2012. № 1. С. 81–88.

[90] Королева Л. А., Королев А. А. Российская мусульманка-татарка: из советского прошлого, 1940–1980-е гг. (по материалам Среднего Поволжья) // Женщина в российском обществе. 2010. № 2. С. 9–13.

[91] Тёмкина А. Гендерный порядок: постсоветские трансформации (Северный Таджикистан) // Гендер: традиции и современность : сб. ст. по гендерным исслед. / под ред. С. Р. Касымовой. Душанбе, 2005. С. 6–91.

[92] Белякова Н. А., Добсон, М. Женщины в евангельских общинах послевоенного СССР. 1940–1980-е гг. : исслед. и источники. М. : Индрик, 2015. 512 с. ; Полозова К. А., Федотов А. А. Гендерный аспект реализации законодательства, регулирующего религиозную сферу в СССР в 1929–1990 гг. // Женщина в российском обществе. 2013. № 4. С. 57–64.

[93] Губанова Т. С. Гендерные стереотипы в современных российских школьных учебниках по истории и обществознанию // Платоновские чтения : материалы и докл. XXVI Всерос. конф. молодых историков. Самара, 2021. С.115–117 ; Губанова Т. С., Попкова Л. Н. «Постиндустриальный вызов» и проблема гендерного неравенства в российском образовании // Человек в информационном обществе : сб. материалов науч.-практ. Междунар. конф., посвящ. 60-летию полёта в космос Ю.А. Гагарина. Самара, 2021. С.739–743.

А.Л. Арефьев и М.А. Арефьев[94], Т.В. Барчунова[95], С.Ю. Девятых[96], С.Л. Рыков[97], А.В. Смирнова[98], Л.В. Штылева[99], Е.Р. Ярская-Смирнова[100].

К группе работ, вносящих существенный вклад в исследование статуса советских женщин, относятся труды, посвященные истории женского участия в диссидентской культуре[101], взаимоотношениям феминистской и диссидентской групп[102] в СССР, проблемам феминистского самиздата.

Третьей группой работ являются исследования советской повседневности, быта и сферы частных отношений в широком смысле. В данную группу исследований следует также определить работы, связанные с изучением сферы частных отношений в советском обществе. Так, среди исследований брачно-семейных отношений известны работы Р.С. Черепановой[103], Ж. Черновой[104], Г.В. Жирновой[105], О. Казьминой и

---

[94] Арефьев А. Л., Арефьев, М. А. Об инженерно-техническом образовании в России // Высшее образование в России. 2012. № 3. С. 122–131.

[95] Барчунова Т. В. Сексизм в букваре // ЭКО. 1995. № 3. С. 133–155.

[96] Девятых С. Ю. Проблемы нравственно-полового воспитания в советской школе 1920-х – 1980-х годов // Социальное воспитание. 2013. № 1. С. 36–44.

[97] Рыков С. Л. Гендерное измерение содержания отечественных букварей // Проблемы современного образования. 2012. № 5. С. 83–89.

[98] Смирнова А. В. Гендерная социализация в общеобразовательной школе: автореф. дис. … канд. социол. наук. Нижний Новгород, 2005. 25 с. ; Её же. Учимся жить в обществе : гендерный анализ школьных учебников. М. : Олита, 2005. 80 с. ; Её же. Учителя как агенты гендерной социализации в школе // Женщина в российском обществе. 2007. № 1. С. 37–49.

[99] Штылева Л. В. Фактор пола в образовании: гендерный подход и анализ : [монография]. М. : Per Se, 2008. 315 с.

[100] Ярская-Смирнова Е. Р. Гендерное неравенство в образовании: понятие скрытого учебного плана // Гендерные исследования. 2000. № 2. С. 295–301.

[101] Арефьева Т. К. Участие женщин в диссидентском движении // Женщина в российском обществе. 1996. № 4. С. 40–44 ; Чуйкина С. Открытый дом и его хозяйка : (из истории участниц диссидентского движения) / С. Чуйкина // Феминистская теория и практика: Восток-Запад : материалы Междунар. науч.-практ. конф. / отв. ред. Ю. Жукова. СПб., 1996. С. 287–294 ; Её же. Участие женщин в диссидентском движении (1956–1986) // Гендерное измерение социальной и политической активности в переходный период : сб. науч. ст. / ред. Е. Здравомыслова, А. Тёмкина. Спб., 1996. С. 61-81.

[102] Женский проект: метаморфозы диссидентского феминизма во взглядах молодого поколения России и Австрии / под ред. С. Ярошенко. СПб. : Алетейя, 2011. 336 с.

[103] Черепанова Р. С. Дискурс частной жизни в позднем СССР : к постановке проблемы // Вестник ЮУрГУ. Сер.: Социально-гуманитарные науки. 2012. № 10 (269). С. 95–98.

Н. Пушкаревой[106]. Две последние публикации также напрямую связаны и с исследованием повседневных бытовых практик и в том числе помогают проследить эволюцию брачных традиций и обычаев в России и СССР.

Преимущественно в первые два десятилетия XXI века также возрос интерес к исследованию сексуальности как социального явления, в том числе и на примере советского и постсоветского общества. Вслед за социологом И.С. Коном[107] Е.А. Кащенко[108], Д. Михель[109], Н.Л. Пушкарева[110], А. Роткирх[111], А.А. Темкина[112], А. Усманова[113], С. Чуйкина[114], А. Шадрина[115],

---

[104] Чернова Ж. Семья как политический вопрос : государственный проект и практики приватности. СПб. : Изд-во Европ. ун-та, 2013. 288 с. ; Её же. Модель «советского» отцовства: дискурсивные предписания // Российский гендерный порядок: социологический подход : коллектив. моногр. / [отв. ред. Е. А. Здравомыслова, А. А. Тёмкина]. СПб. : Изд-во Европ. ун-та, 2007. С. 138–169.

[105] Жирнова Г. В. Брак и свадьба русских горожан в прошлом и настоящем : (по материалам городов сред. полосы РСФСР). М. : Наука, 1980. 150 с.

[106] Казьмина О., Пушкарёва Н. Брак в России XX века: традиционные установки и инновационные эксперимент // Семейные узы. Модели для сборки : сб. ст. / [сост. и ред. С. Ушакин]. Кн. 1. М. : Новое литературное обозрение, 2004. С.185–218.

[107] Кон И. С. Клубничка на березке. Сексуальная культура в России. М. : ОГИ, 1997. 606 с.

[108] Кащенко Е. А. Основы социокультурной сексологии. М. : ЛИБРОКОМ, 2011. 256 с.

[109] Михель Д. Супружеская спальня: к «святая святых» современной семьи и от нее // Семейные узы. Модели для сборки : сб. ст. / [сост. и ред. С. Ушакин]. Кн. 1. М. : Новое литературное обозрение, 2004. С. 493–514.

[110] Пушкарёва Н. Л. Сексуальность в частной жизни русской женщины (X–XX вв.): влияние православного и этакратического гендерных порядков // Женщина в российском обществе. 2008. № 2. С. 3–17 ; Её же. «Жену с почину берут»? Устыдительные наказания девушек в традиционной русской культуре XIX в. // Женщина в российском обществе. 2009. № 2. С. 3–12.

[111] Роткирх А. Советские культуры сексуальности // В поисках сексуальности : [сб. ст.] / под ред. Е. Здравомысловой и А. Темкиной. СПб. : Дмитрий Буланин, 2002. С. 128–171.

[112] Тёмкина А.А. Половая жизнь в позднесоветском браке // Семейные узы. Модели для сборки : сб. ст. / [сост. и ред. С. Ушакин]. Кн. 1. М. : Новое литературное обозрение, 2004. С. 515–547 ; Её же. Сексуальная жизнь женщины: между подчинением и свободой. СПб. : Изд-во Европ. ун-та, 2008. 376 с.

[113] Усманова А. «Девчата»: девичья честь и возраст любви в советской комедии 1960-х годов // Визуальная антропология: режимы видимости при социализме / под ред. Е. Р. Ярской-Смирновой, П. В. Романова. М. : ЦСПГИ : Вариант, 2009. С. 395–413.

[114] Чуйкина С. Быт неотделим от политики: официальные и неофициальные нормы «половой» морали в советском обществе 1930–1980-х годов // В поисках сексуальности : [сб. ст.] / под ред. Е. Здравомысловой и А. Темкиной. СПб. : Дмитрий Буланин, 2002. С. 99–127.

[115] Шадрина А. Не замужем : секс, любовь и семья за пределами брака. М. : Новое литературное обозрение, 2014. 240 с.

Н. Яргомская[116] раскрывают в своих работах особенности развития сексуальной культуры в советской России, проблему телесности, женской сексуальности[117] и гендерных стереотипов, отражающихся на сексуальной жизни женщин и мужчин. О.М. Здравомыслова[118] и А.А. Темкина[119] также раскрывают особенности протекания сексуальной революции в эпоху позднего СССР.

Достаточно широко представлены в современной российской историографии труды, посвященные непосредственно изучению большого спектра повседневных бытовых практик советских граждан, в том числе в контексте гендерных различий. Среди них – работы о повседневности и быте советских граждан таких авторов, как С. Бойм[120], К.А. Богданов[121], А.В. Голубев[122], С.А. Ивлиев и Т.Н. Кадерова[123], И.Б. Орлов[124], М.Н.

---

[116] Яргомская Н. Трансформация сценария женского сексуального дебюта: «прощание с невинностью» и гименопластика // Новый быт в современной России: гендерные исследования повседненности : коллект. моногр. / под ред. Е. Здравомысловой, А. Роткирх, А. Тёмкиной. СПб. : Изд-во Европ. ун-та, 2009. С. 290–292.

[117] Attwood L. The new soviet man and woman: Sex-Role Socialization in the USSR. Bloomington ; Indianapolis : Indiana univ. press, 1990. 263 p.

[117] Gibson J. T. Sex roles in the family, school and workplace: The Soviet example // International Journal for the Advancement of Counselling. 1988. № 11. P. 209–218.

[118] Здравомыслова О. М. Как рождался «Советский патриархат». Григорий Баткис о сексуальной революции в России // Демографическое обозрение. 2017. Т. 4, №1. С. 124–141 ; Её же. «Постсоветская сексуальная революция»: история и современность : материалы круглого стола // INTER. 2019. № 17. С. 7–31.

[119] Тёмкина А. А. Новый быт, сексуальная жизнь и гендерная революция // Новый быт в современной России: гендерные исследования повседненности : коллект. моногр. / под ред. Е. Здравомысловой, А. Роткирх, А. Тёмкиной. СПб. : Изд-во Европ. ун-та, 2009. С. 33–67.

[120] Бойм С. Общие места : мифология повседневной жизни. М. : Новое литературное обозрение, 2002. 320 с.

[121] Богданов К. А. Повседневность и мифология : исследования по семиотике фольклорной действительности. СПб. : Искусство-СПБ, 2001. 438 с.

[122] Голубев А. В. Вещная жизнь : материальность позднего социализма. М. : Новое литпратурное обозрение, 2020. 328 с.

[123] Ивлиев С. А., Кадерова Т. Н. Повседневная жизнь людей в 1953 – 1964 гг. (на примере Мордовской АССР) // Вестник НИИ гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия. 2022. № 1 (61). С. 124–136.

[124] Орлов И. Б. Советская повседневность : исторический и социологический аспекты становления. М. : Изд. дом Гос. ун-та Высш. шк. экономики, 2010. 316 с.

Федченко[125], И.П. Полякова[126], Е.В. Стяжкина[127], И.В. Утехин[128], М. Рольф[129], Г. Карпова[130]. Ряд авторов смещают акцент своих исследований непосредственно на изучение культуры потребления, в частности, А.А. Гуменюк и А.П. Мякшев[131], Б. Гладарев и Ж. Цинман[132], А.С. Иванова[133], Т.А. Мищенко[134], Э. Уиллис[135], Н. Чернышова[136].

Выделяются работы, посвященные повседневности отдельных категорий советских граждан, например, Э. Ершовой[137] – об условиях жизни жен

---

[125] Федченко М. Н. Повседневная жизнь советского человека (1945–1991 гг.) : монография. Курган : Курганский гос. ун-т, 2009. 231 с.

[126] Полякова И. П. Повседневность в социально-философском контексте: теоретико-методологический анализ : автореф. дис. … д-ра филос. наук. М. , 2011. 45 с.

[127] Стяжкина Е. В. Женская и мужская повседневность в условиях смены гендерных контрактов второй половины XX в. // Российская повседневность в зеркале гендерных отношений : сб. ст. / [отв. ред. и сост. Н. Л. Пушкарёва]. М. : Новое литературное обозрение, 2013. С. 650–700.

[128] Утехин И. В. Очерки коммунального быта. М. : ОГИ, 2004. 277 с.

[129] Рольф М. Советские массовые праздники. М. : РОССПЭН : Фонд Первого Президента России Б.Н. Ельцина, 2009. 439 с.

[130] Карпова Г. «Выпьем за Родину!» Питейные практики и государственный контроль в СССР // Советская социальная политика: сцены и действующие лица, 1940–1985 : науч. моногр. / под ред. Е. Р. Ярской-Смирновой, П. В. Романова. М. : Вариант, 2008. С. 337–357.

[131] Гуменюк А. А., Мякшев А. П. Неудача создания общества потребления в СССР (1953-1985 гг.) как один из факторов распада единого государства // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия : История. Международные отношения. Саратов, 2022. №4. С. 470–476.

[132] Гладарев Б., Цинман Ж. Дом, школа, врачи и музеи: потребительские практики среднего класса // Новый быт в современной России: гендерные исследования повседненности : коллект. моногр. / под ред. Е. Здравомысловой, А. Роткирх, А. Тёмкиной. СПб. : Изд-во Европ. ун-та, 2009. С. 189–222.

[133] Иванова А. С. Магазины «Березка»: парадоксы потребления в позднем СССР. М. : Новое литературное обозрение, 2017. 304 с.

[134] Мищенко Т. А. Советское потребительство в эпоху оттепели: гендерный аспект // Вестник Брянского государственного университета. 2012. № 2 (1). С. 63–69.

[135] Уиллис Э. Женщины и миф о потреблении // Женщины в политике: новые подходы к политическому : феминистский образовательный альманах. Вып. 2 : Пол политики / ред. А. Ю. Першай и Е. М. Иванова. Прага: Адліга, 2013. С. 38–43.

[136] Chernyshova N. Soviet Consumer Culture in the Brezhnev Era. New York : Routledge, 2013. 260 p.

[137] Ершова Э. Гарнизонные Женсоветы в Советской Армии в 60-е – 80-е годы // «О нас и нашем деле» : информ. журнал. 1999. № 3-4. URL: http://womnet.ru/aboutus/3-4/ (дата обращения 20.09.2024).

советских военнослужащих, Н.А. Беловой[138] – о повседневности учителей, а также работы И. Жеребкиной[139] и Р.С. Черепановой[140], на базе которых можно сделать выводы о повседневности советской интеллигенции.

В ряде работ по истории повседневности стоит выделить исследования о моде как социальном явлении, так как в них затрагиваются важные вопросы отражения модных тенденций на женских потребительских практиках и жизни советских женщин в целом. Всесторонний анализ проблем советской моды от специфики развития индустрии до гендерного измерения советского костюма приводят авторы Р. Арнольд[141], Т.Л. Барандова и Е.А. Воронцова[142], К. Бар[143], О. Вайнштейн[144], И.В. Виниченко[145], С.В. Журавлев[146], Л. Свендсен[147], Э. Холландер[148].

---

[138] Белова Н. А. Повседневная жизнь учителей. М. : ИЭА РАН, 2015. 228 с.

[139] Жеребкина И. Это сладкое слово... : гендерные 60-ые и далее. СПб. : Алетейя, 2012. 408 с.

[140] Черепанова Р. С. Быт и бытие. Советский интеллигент в обретении пола, возраста и личной жизни // Российская повседневность в зеркале гендерных отношений : сб. ст. / [отв. ред. и сост. Н. Л. Пушкарёва]. М. : Новое литературное обозрение, 2013. С. 701–769.

[141] Арнольд Р. Мода, желание и тревога. Образ и мораль в XX веке. М. : Новое литературное обозрение, 2016. 176 с.

[142] Барандова Т. Л., Воронцова Е. А. Визуальная семиотика российской моды в процессе политических трансформаций // ΠΡΑΞΗΜΑ [Праенма]. Проблемы визуальной семиотики. 2014. Вып. 1 (1). С. 41–60.

[143] Бар К. Политическая история брюк. М. : Новое литературное обозрение, 2013. 316 с.

[144] Вайнштейн О. Улыбка чеширского кота: взгляд на российскую модницу // Женщина и визуальные знаки : [сборник] / под общ. ред. А. Альчук. М.: Идея-Пресс, 2000. С. 30–40.

[145] Виниченко И. В., Лашина, И. В. Адаптация модных образцов в повседневной жизни советского общества // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2012. № 12 (26), ч. I. С. 48–56 ; Виниченко И. В. Исторические практики трансформации женского образа в советском обществе // Современные исследования социальных проблем. 2017. № 3-1. С. 162–174 ; Её же. Мода в условиях социализма // Russian Journal of Education and Psychology. 2011. № 2. С. 168–171 ; Её же. Советская повседневность 50-х – середины 60-х гг. XX века: женский костюм в моделях одежды и бытовой практике : автореф. дис. … канд. ист. наук. Омск, 2009. 22 с.

[146] Журавлев С. В., Гронов Ю. Мода по плану: история моды и моделирования одежды в СССР, 1917–1991. М. : ИРИ РАН, 2013. 496 с.

[147] Свендсен Л. Философия моды. М. : Прогресс-Традиция, 2007. 256 с.

[148] Холландер Э. Пол и костюм : эволюция современной одежды. М. : Новое литературное обозрение, 2018. 171 с.

В качестве справочной литературы в настоящем исследовании также были использованы материалы обзорных работ[149] по истории и политике СССР, среди которых важно выделить современное исследование Н. Митрохина[150] и работу А.В. Шубина[151]. К этой категории работ, на наш взгляд, следует причислить и те, авторы которых в качестве основного принципа исследования используют проблемный подход к изучению исторической памяти, в том числе исследуя дискурсивные практики представителей различных поколений людей, живших во время существования СССР. Примерами служат исследования Р.С. Черепановой[152], Ж.В. Черновой и Л.Л. Шпаковской[153], Н.Е. Копосова[154], уникальная в плане ценности выводов и объема анализируемого материала монография А. Юрчака[155].

В ходе историографического анализа научной литературы сделан вывод о высокой степени заинтересованности ученого сообщества в исследовании советского общества в целом, социальной политики и гендерной структуры, повседневности женщин и мужчин, их социальных статусов и ролей, репрезентаций женских и мужских образов в культуре и искусстве. В то же время в современной исторической науке в настоящий момент уделено

---

[149] История России. XX век : в 3 т. Т. III : Деградация тоталитарного государства и движение к новой России (1953–2008) / под ред. А. Б. Зубова. М. : Эксмо, 2017. 688 с. ; На пороге кризиса: нарастание застойных явлений в партии и обществе. М. : Политиздат, 1990. 447 с.

[150] Митрохин Н. Очерки советской экономической политики в 1965–1989 годах. Т. 2. М. : Новое литературное обозрение, 2023. 800 с.

[151] Шубин А. В. От «застоя» к реформам. СССР в 1917–1985 гг. М. : РОССПЭН, 2000. 768 с.

[152] Черепанова Р. С. Личный дневник: уровни приватного и дискурсы публичного (на примере нескольких дневников советской эпохи) // Вестник ЮУрГУ. Сер.: Социально-гуманитарные науки. 2018. № 2. С. 49–53.

[153] Чернова Ж. В., Шпаковская Л. Л. Три режима гендерного гражданства: опыт восприятия социальной политики российскими женщинами трех поколений // Интеракция. Интервью. Интерпретация. 2021. Т. 13, № 3. С. 12–43.

[154] Копосов Н. Е. Память строгого режима : история и политика в России. М. : Новое литературное обозрение, 2011. 320 с.

[155] Юрчак А. Это было навсегда, пока не кончилось : последнее советское поколение. М. : Новое литературное обозрение, 2014. 664 с.

недостаточное внимание проведению комплексного анализа дискурсивных практик на предмет выявления стереотипов мужественности и женственности, распространенных в позднесоветском обществе доперестроечного периода.

Исследовательский вопрос данной работы заключается в сопоставлении обозначаемого властью положения женщин (в виде решения «женского вопроса») и фактического положения женщин в позднесоветском обществе для выявления их взаимообусловленности или же внутренней противоречивости.

Цель настоящего исследования состоит в комплексном анализе реального и декларируемого положения женщин в советском обществе и связанных с ним стереотипов феминности в советском общественно-политическом дискурсе конца 1960-х – начала 1980-х гг.

Поставленная цель определяет выполнение следующих исследовательских **задач**:

1. определить основные направления советской гендерно-ориентированной социальной политики в изучаемый период;
2. сопоставить представленные в общественно-политическом дискурсе оценки решения «женского вопроса» в обществе периода «развитого социализма»;
3. охарактеризовать специфику повседневности советских женщин и мужчин, их профессиональных и семейно-бытовых социальных ролей;
4. раскрыть сущность ценностно-нормативных представлений о социальных ролях женщин и мужчин, распространявшихся посредством системы школьного образования;
5. выявить стереотипы женственности и мужественности, транслировавшиеся советскими средствами массовой информации для разных целевых аудиторий;

6. осветить особенности репрезентации женских и мужских образов и представить их типологию в советской экранной массовой культуре изучаемого периода.

Источниковая база исследования. Основу для исследования составили несколько групп источников, выбор и разнообразие которых определялись целью комплексного выявления стереотипов феминности и маскулинности, отраженных в советском общественно-политическом дискурсе.

Первую группу составляют *нормативно-правовые акты и директивные документы*, которые послужили материалом для выявления основных тенденций советского законодательства и определения правового пространства советской политики в отношении прав женщин и мужчин. Обращение к данной группе источников позволяет охарактеризовать базовую структуру социальных норм, существовавших в советском обществе.

Помимо Основного Закона государства – принятой в изучаемый период Конституции СССР 1977 года[156] и ее юридических предшественниц – Конституции РСФСР 1918 г.[157] и Конституции СССР 1936 г.[158], к этой группе относится законодательство о браке и семье[159], а также законы,

---

[156] Конституция (Основной Закон) Союза Советских Социалистических Республик : принята ВС СССР 07.10.1977 : ред. от 14.03.1990 // Ведомости ВС СССР. 1977. № 41. Ст. 617.

[157] Конституция (Основной Закон) Российской Социалистической Федеративной Советской Республики : принята V Всероссийским съездом Советов 10.07.1918 // СУ РСФСР. 1918. № 51. Ст. 582.

[158] Конституция (Основной Закон) Союза Советских Социалистических Республик : утв. Постановлением Чрезвычайного VIII Съезда Советов СССР от 05.12.1936 // Известия ЦИК СССР и ВЦИК 1936. № 283.

[159] Об утверждении Основ законодательства Союза ССР и союзных республик о браке и семье : Закон СССР от 27.06.1968 № 2834-VII : ред. от 05.03.1991 // Ведомости ВС СССР. 1968. № 27. Ст. 241 ; Кодекс о браке и семье РСФСР : утв. ВС РСФСР 30.07.1969 : ред. от 07.03.1995, с изм. от 29.12.1995 // Ведомости ВС РСФСР. 1969. № 32. Ст. 1397 ; О практике применения судами Основ законодательства Союза ССР и союзных республик о браке и семье : постановление Пленума Верховного Суда СССР от 04.12.1969 № 10 // Бюллетень Верховного Суда СССР. 1970. № 1.

затрагивающие права представителей разных полов[160]. Внимание также уделялось документам, имеющим международный правовой статус, в частности, резолюции Генеральной Ассамблеи ООН, связанной с вопросами прав женщин[161].

Директивные документы Коммунистической партии Советского Союза, важные для понимания места и значимости «женского вопроса» в советской идеологии, представлены Третьей программой КПСС, принятой на XXII съезде партии в 1961 г. Дата принятия этой программы выходит за хронологические рамки настоящего исследования, однако сформулированные в ней задачи по строительству коммунистического общества определяли основные направления политики советского государства, в том числе в сферах социального развития, идеологии, воспитания, образования, науки и культуры, вплоть до 1986 г., когда на XXVII съезде КПСС была принята новая редакция Программы КПСС. Составляющей частью Третьей программы КПСС был Моральный кодекс строителя коммунизма, свод принципов коммунистической морали, впервые сформулированный в 12 кратких тезисах[162].

В настоящем исследовании внимание уделялось также официально опубликованным *статистическим данным*, среди которых материалы, полученные в результате Всесоюзной переписи населения 1970 г.[163], и

---

[160] О всеобщей воинской обязанности : Закон СССР от 12.10.1967 № 1950-VII : ред. от 10.04.1989 // Ведомости ВС СССР. 1967. № 42. Ст. 552.

[161] Участие женщин в укреплении международного мира и безопасности и в борьбе против колониализма, расизма, расовой дискриминации, иностранной агрессии и оккупации и всех форм иностранного господства : резолюция от 16.12.1977 № A/RES/32/142 32-сесси Генеральной Ассамблеии ООН. URL: https://web.archive.org/web/20090311023655/http://www.un.org/russian/ga/32/docs/res32_3.htm (дата обращения: 20.03.2022).

[162] Материалы XXII съезда КПСС. М. : Госполитиздат, 1961. 464 с.

[163] Итоги Всесоюзной переписи населения 1970 года : [в 7 т.]. Т. II : Пол, возраст и состояние в браке населения СССР, союзных и автономных республик, краев и областей. М. : Статистика, 1972. 272 с.

статистические материалы сборника «Женщины в СССР»[164] (1985). Содержащиеся в них показатели, характеризующие степень участия советских женщин в общественном производстве, их брачно-семейный статус, уровень образования и профессиональной квалификации, позволяют оценить фактическое положение женщин в советском обществе. Однако при обращении к данным материалам следует учитывать, что статистические сборники имели не только информационно-аналитическую, но и идеологическую составляющую, будучи призваны наглядно демонстрировать преимущества социалистического строя. Это влияло на особенности представления статистических данных: например, на наличие показателей не только абсолютной, но и относительной численности женщин, занятых в какой-либо сфере труда или обладающих высшей профессиональной квалификацией.

Следующую важную группу источников, позволяющих проследить формы выражения стереотипов феминности и маскулинности, составляют *материалы периодической печати*, куда входят советские журналы, изданные в период со второй половины 1960-х до первой половины 1980-х годов. Например, научно-популярный журнал «Здоровье»[165], детские журналы «Веселые картинки»[166], «Мурзилка»[167], журнал для педагогов и родителей «Семья и школа»[168], рекламный журнал «Новые товары»[169], а также материалы советского самиздата в виде журнала российского независимого женского религиозного клуба «Мария»[170], издаваемого

---

[164] Женщины в СССР, 1985 : стат. материалы / ЦСУ СССР. М. : Финансы и статистика, 1985. 35 с.
[165] Здоровье : ежемес. науч.-попул. журн. М-ва здравоохранения СССР. - М., 1968, 1970–1971, 1977–1978.
[166] Веселые картинки : детский юморист. журн. ЦК ВЛКСМ. М., 1963, 1968–1969.
[167] Мурзилка : ежемес. журн. «Рабочей газеты» для детей мл. возраста. М., 1970, 1982.
[168] Семья и школа : журн. для родителей. М., 1973–1975.
[169] Новые товары : информ.-рекламный бюллетень. М. : Госторгиздат, 1968.
[170] Мария : журнал рос. независимого жен. религ. клуба «Мария». Л. ; Франкфурт-на-Майне, 1981.

ленинградскими диссидентками-феминистками на рубеже 1970-1980-х гг. Данные источики имеют ключевое значение для настоящего исследования, поскольку, с одной стороны, позволяют реконструировать официальный дискурс, с другой стороны – выявить его внутреннюю противоречивость и двойственность.

Документы личного происхождения были использованы для исследования вопросов, связанных с повседневностью советских граждан, в т.ч. с традицией празднования Международного женского дня и с представлением о фигуре женщины в социальном процессе. В качестве материалов использовались опубликованные на электронном портале «Прожито»[171] оцифрованные дневниковые записи русскоговорящих современников, которые вели личные дневники в исследуемый период[172], а также печатные издания некоторых дневников[173]. В целом данный тип

---

[171] Прожито : [сайт] / Европ. ун-т в Санкт-Петербурге. СПб., 2024. – URL: https://prozhito.org/page/corpus/ (дата обращения: 18.08.2023).

[172] Абрамов Б. Н. 8 марта 1970 : [фрагм. дневника] // Прожито : [сайт]. Раздел сайта «Корпус дневников». URL: https://corpus.prozhito.org/note/668466 ; Амитров О. В. 8 марта 1968 : [фрагм. дневника] // Прожито : [сайт]. Раздел сайта «Корпус дневников». URL: https://corpus.prozhito.org/note/498309 ; З. Антонина Афанасьевна. 8 марта 1977 : [фрагм. дневника] // Прожито : [сайт]. Раздел сайта «Корпус дневников». URL: https://corpus.prozhito.org/note/604506 ; Артамонов Д. А. 8 марта : [фрагм. дневника] // Прожито : [сайт]. Раздел сайта «Корпус дневников». URL: https://corpus.prozhito.org/note/734448 ; Афонькин Н. Е. 8 марта : [фрагм. дневника] // Прожито : [сайт]. Раздел сайта «Корпус дневников». URL: https://corpus.prozhito.org/note/787469 ; Вронский, Б. И. 8 марта 1965, 1966 : [фрагм. дневника] // Прожито : [сайт]. Раздел сайта «Корпус дневников». URL: https://corpus.prozhito.org/note/293001, https://corpus.prozhito.org/note/565895 ; Красильников В. А. 8 марта 1968 : [фрагм. дневника] // Прожито : [сайт]. Раздел сайта «Корпус дневников». URL: https://corpus.prozhito.org/note/601229 ; Н. Н. 8 марта 1970-1973, 1986, 1987, 1991, 1994 : [фрагм. дневника] // Прожито : [сайт]. Раздел сайта «Корпус дневников». URL: https://corpus.prozhito.org/person/2377 ; Швец В. А. 8 марта 1967 : [фрагм. дневника] // Прожито : [сайт]. Раздел сайта «Корпус дневников». URL: https://corpus.prozhito.org/note/81295 (дата обращения: 18.08.2023).

[173] Агиш, С. «Эти страницы так манят...» : [дневник] / пер. с башкир. Л. Агишевой // Бельские просторы. 2008. № 5-7. С. 98–108 ; Дневник Владимира Васильевича Щастного. 1970–1971 годы / [по публ. Л. Боярского ; подгот. М. Калинина] // Своими словами. 2022. Вып. 3. С. 245–268 ; Крупин В. Н. Выбранные места из дневников 70-х годов // Наш современник. 2004. № 4. С. 1–42, № 5. С. 1–37 ; Орлов А. Н. Дневник пехотного лейтенанта: воспоминания об афганской войне. М. : ВегаПринт, 2014. 222 с.

источников характеризуется высокой степенью субъективности, но именно это представляет особенный интерес для данного исследования в сравнении с другими группами текстовых источников, отражающих цензурированный дискурс.

Важным источником для исследования женских профессиональных и жизненных стратегий в СССР стали и материалы интервью со 100 советскими женщинами[174], опубликованные издательством «Молодая гвардия» в 1975 г.

Исследование общественного дискурса на предмет отражения гендерных стереотипов в настоящей работе также производилось на материале советских *школьных учебников*. Среди них значимое место отводится учебникам для младших школьников и книги для чтения[175], богатые иллюстративным материалом; учебникам по истории СССР и обществоведению[176], необходимые для исследования репрезентаций образов мужских и женских исторических личностей; учебники по разным предметам[177]. К данной группе источников относятся и материалы для учителей, методические рекомендации, пособия по воспитанию, в том числе

---

[174] 100 интервью с советскими женщинами : [сборник]. М. : Мол. гвардия, 1975. 351 с.

[175] Валл Я. И. Букварь : учеб. для II кл. школ с преподаванием нем. (родного) яз. М. : Просвещение, 1972. 128 с. ; Васильева М. С., Горбушина Л. А., Никитина Е. И., Оморокова М. И. Родная речь : кн. для чтения в третьем кл. М. : Просвещение, 1974. 407 с. ; Индеева Р. М., Исачкова В. Г. Книга для чтения : учеб. для 2 кл. школы слабослышащих. М. : Просвещение, 1979. 239 с. ; Смирнова З. Н., Морозова Н. Н. Книга для чтения : учеб. для 4 кл. вспомогательной школы. М. : Просвещение, 1979. 208 с.

[176] Голубева Т. С., Геллерштейн Л. С. Рассказы по истории СССР для 4 класса : учеб. кн. М. : Просвещение, 1971, 1974 ; Федосов И. А. История СССР : учеб. пособие 8 кл. М. : Просвещение, 1974. 224 с. ; Новейшая история (1917–1939 гг.) : учеб. для девятого кл. сред. школы / под ред. В. К. Фураева. М. : Просвещение, 1975. 112 с. ; Новейшая история (1917–1939 гг.) : учеб. для десятого кл. сред. школы / под ред. В. К. Фураева. М. : Просвещение, 1976. 270 с. ; Обществоведение : учеб. для выпускного кл. сред. школы и сред. спец. учеб. заведений / Г. Х. Шахназаров (рук.), А. Д. Боборыкин, Ю. А. Красин, В. В. Суходеев. М. : Политиздат, 1978, 1982. 318 с.

[177] Цузмер А. М. , Петришина О. Л. Человек. Анатомия. Физиология. Гигиена : учебник для 8 кл. сред. школы. М. : Просвещение, 1979. 255 с.

половому[178]. При исследовании процессов воспитания и образования внимание также уделялось специальной гендерно-ориентированной литературе по половому воспитанию подростков[179].

Отдельную группу источников исследования составляют историографические: философские, социологические, правоведческие и публицистические труды, среди которых работы теоретиков марксизма[180] и, в частности, марксистского феминизма, прежде всего А.М. Коллонтай[181], Н.К. Крупской[182], К. Цеткин[183]. Деятельность феминисток не ограничена поиском форм выражения политического протеста. Поэтому для нас оказываются важными теоретические философские обоснования смыслов феминистской борьбы, выраженные в работах, например, прародительницы социалистического феминизма Симоны де Бовуар[184]. Значимость ее

---

[178] Кон И. С. Психология старшеклассника : пособие для учителей. М. : Просвещение, 1980. 191 с. ; Петрунек В. П., Таран Л. Н. Младший школьник : (заметки врачей-психоневрологов). М. : Знание, 1981. 96 с. ; Санюкевич Л.И. Половое воспитание детей и подростков. Минск: Народная асвета, 1979 г. 48 с. ; Хрипкова А. Г. Разговор на трудную тему. М. : Педагогика, 1970. 61 с. ; Фомина Н. К. Обслуживающий труд в школе : IV–VI классы : пособие для учителей. М. : Просвещение, 1972. 223 с.

[179] Винтовкина И. С. Девочке-подростку. М. : Медицина, 1988. 45, [2] с. ; Кассиль Л. А. О счастье и достоинстве // Будь мужчиной : [сборник]. Свердловск : Сред.-Урал. кн. изд-во, 1974. С. 35–60 ; Курм Х. К. Тебе, девушка. Таллин : Валгус, 1971. 47 с.

[180] Бебель А. Женщина и социализм : [пер. с нем.]. М. : Госполитиздат, 1959. 592 с. ; Ленин В. И. Советская власть и положение женщины // О женском вопросе : [сборник] / К. Маркс, Ф. Энгельс, В. И. Ленин. М. : Политиздат, 1978. С. 104–105.

[181] Коллонтай А. М. Из моей жизни и работы: воспоминания и дневники. М. : Сов. Россия, 1974. 412 с. ; Её же. Новая мораль и рабочий класс. М., 1919. 61 с. ; Её же. Социальные основы женского вопроса. СПб. : Знание, 1909. 431 с. ; Её же. Общество и материнство. Государственное страхование материнства. Пг. : Жизнь и знание, 1916. 641 с.

[182] Крупская Н. К. Женщина равноправный гражданин СССР : сб. ст. и речей. М. : Партиздат, 1937. 69 с.

[183] Цеткин К. Женский вопрос : пер. с нем. [Гомель] : Гомельский рабочий, 1925. 70 с. ; Её же. Ленин и освобождение женщины. М. : Московский рабочий, 1925. 25 с. ; Её же. Международный женский коммунистический день : [инструктивный] доклад, [прочит. т. Кларой Цеткин] на собрании агитаторов в МК РКП(б) 12 февр. 1925 г. М. : Московский рабочий, 1925. 61 с. ; Её же. Очерк истории возникновения пролетарского женского движения в Германии. М., 1929. 159 с. ; Её же. Сборник статей и воспоминаний. М. : Партийное издательство, 1933. 96 с.

[184] Бовуар С. Второй пол : тома 1–2 : пер. с фр. М. : Прогресс ; СПб. : Алетейя, 1997. 831 с. (Том 1 : Факты и мифы. Том 2 : Жизнь женщины).

творчества заключается в том, что именно в ее работах были предприняты попытки не только социального, но и философского осмысления «женского».

Для исследования официального политического дискурса в работе также были использованы тексты тематических публичных выступлений представителей советской власти, в частности, Генерального секретаря ЦК КПСС Л.И. Брежнева[185], председателя Комитета советских женщин В.Н. Николаевой-Терешковой[186], заместителя министра здравоохранения СССР по вопросам охраны здоровья детей и женщин Е.Ч. Новиковой[187].

К группе историографических источников относятся также работы советских социологов и социальных исследователей, авторы которых по-своему и часто в русле советской официальной риторики интерпретировали статистические данные и давали оценку положению женщины в советском обществе конца 1960-х – начала 1980-х годов. К данной категории относятся труды Е.Б. Груздевой и Э.С. Чертихиной[188], Е.Н. Коршуновой[189], Л.Н. Кузнецовой[190], Э.С. Новиковой, В.С. Языковой и З.Л. Янковой[191],

---

[185] Брежнев Л. И. Приветствие Генсека ЦК КПСС, Председателя Верховного совета СССР товарища Л. И. Брежнева участникам международной встречи «Женщина и социализм» // Женщина и социализм : сб. выступлений участников Междунар. встречи женщин, посвящ. 60-летию Великого Октября. М. : АПН, 1979. С. 8–9.

[186] Николаева-Терешкова В. Н. Женщина и социализм // Женщина и социализм : сб. выступлений участников Междунар. встречи женщин, посвящ. 60-летию Великого Октября. М. : АПН, 1979. С. 10–27.

[187] Новикова Е. Ч. Забота партии о женщине-матери // Опыт КПСС в решении женского вопроса / [Н. И. Кондакова, Н. И. Дубинина, Я. С. Мазурова и др. ; редкол.: Н. И. Кондакова (отв. ред.) и др.]. М. : Мысль, 1981. 269 с.

[188] Груздева Е. Б., Чертихина Э. С. Труд и быт советских женщин. М. : Политиздат, 1983. 222 с.

[189] Коршунова Е. Н. Международное правовое регулирование положения женщин. Изменение в национальном законодательстве в течение десятилетия женщины Организации Объединенных Наций (1976–1985): проблемы и перспективы // Роль женщины в современном обществе : (к итогам Х-летия женщины ООН) : сб. ст. / редкол.: В. В. Любимова (отв. ред.) [и др.]. Ч. 2. М. : ИНИОН РАН СССР, 1985. С. 7–25.

[190] Кузнецова Л. Н. Женщина на работе и дома. М. : Политиздат, 1980. 231 с.

[191] Новикова Э. Е., Языкова В. С., Янкова З. Л. Женщина. Труд. Семья : (социол. очерк). М. : Профиздат, 1978. 112 с.

С.В. Полениной[192], В.Н. Толкуновой[193], Д.М. Чечота[194], В.П. Шумилиной[195], Н.Г. Юркевича[196]. Противоположным по оценке советской социальной политики является труд антикоммунистически настроенного исследователя-эмигранта И.А. Курганова «Женщины и коммунизм»[197], материалы которого были также проанализированы в настоящем исследовании.

Визуальные источники представлены материалами фондов Российского государственного архива кинофотофонодокументов, оцифрованными и доступными для просмотра в сети Интернет[198]. Большую ценность для настоящей работы представляют *аудиовизуальные источники* в виде художественных кинофильмов. Среди кинокартин, использованных в исследовании, - советские фильмы различных жанров (в том числе многосерийные), снятые и вышедшие в прокат, а также доступные к телевизионному показу на советских экранах с конца 1960-х до начала 1980-х гг. Данные источники использовались с целью выявления специфики репрезентаций образов женщин, мужчин и гендерных стереотипов в целом. Анализ аудиовизуальных источников оказывается также необходимым для выявления степени влияния гендерных стереотипов на представителей советского общества.

В целом источниковая база, используемая в данной работе, делает возможным достижение поставленной исследовательской цели,

---

[192] Поленина С. В. Советская женщина в обществе и семье // Роль женщины в современном обществе : (к итогам X-летия женщины ООН) : сб. ст. / редкол.: В. В. Любимова (отв. ред.) [и др.]. Ч. 2. М. : ИНИОН РАН СССР, 1985. С. 203–218.

[193] Толкунова В. Н. Советское законодательство в период десятилетия женщины ООН // Роль женщины в современном обществе : (к итогам X-летия женщины ООН) : сб. ст. / редкол.: В. В. Любимова (отв. ред.) [и др.]. Ч. 2. М. : ИНИОН РАН СССР, 1985. С. 26–41.

[194] Чечот Д. М. Социология брака и развода. Л. : Знание, 1973. 35 с.

[195] Шумилина В. П. Деятельность КПСС по развитию общественно-политической активности женщин // Опыт КПСС в решении женского вопроса / [Н. И. Кондакова, Н. И. Дубинина, Я. С. Мазурова и др. ; редкол.: Н. И. Кондакова (отв. ред.) и др.]. М. : Мысль, 1981. С. 200–219.

[196] Юркевич Н. Г. Избранные труды. Минск : Промышленно-торговое право, 2015. 592 с.

[197] Курганов И. А. Женщины и коммунизм. Нью Йорк, 1968. 264 с.

[198] Российский государственный архив кинофотофонодокументов (РГАКФФД) : офиц. сайт. М., 2024. URL: http://www.rgakfd.ru/ (дата обращения: 20.08.2024).

заключающейся в комплексном выявлении стереотипов феминности и маскулинности советского общественного и политического дискурсов.

Методологические основы исследования.

Исследование истории женщин и мужчин ввиду сложности поставленных целей и необходимости комплексного изучения исследовательского вопроса подразумевает использование междисциплинарного подхода, что выражается в подборе историографического и научного материала, основу которого составили работы из разных областей гуманитарного знания (исследования по психологии, социологии, истории права, лингвистике, искусствоведению и литературоведению, культурологии) и философии. Настоящее исследование строится на основе принципов системности, историзма и объективности.

Раскрытие сущности «женского вопроса» исследуемого периода базируется на обращении к нескольким ключевым категориям, разработанным в русле гендерных исследований. Несмотря на то, что в советском официальном дискурсе и научной литературе 1960-1980-х гг. не использовалось понятие «гендер» и производные от него термины, с современной исследовательской позиции мы считаем корректным использование данной терминологии для изучения указанных явлений, поскольку, как отмечают методологи истории, применение современного исследовательского инструментария и понятийного аппарата при наличии необходимых оговорок не является модернизацией истории[199].

Первой из ключевых категорий исследования является ***«гендерная политика».*** Определение этого понятия не однозначно в российской историографии и социальных исследованиях[200]. Исследователи как разделяют, так и отождествляют понятия «женской государственной

---

[199] Сюзюмов М. Я. Модернизация и сепаратизация // Античная древность и средние века. Свердловск, 1975. Вып. 11. С. 41–51.
[200] Климашевская О. В., Крутов А. В. Указ. соч. М., 1997.

политики» и гендерной политики государства в целом. Исходя из этого, в дальнейшем анализе мы будем употреблять наиболее широкое из определений, сформулированное в работе Г.Г. Силласте, которая определяет гендерную политику как один из многочисленных видов политики, охватывающей сферу отношений между двумя самыми крупными в социальной структуре социогендерными общностями, которые составляют мужчины и женщины[201]. Г.Г. Силласте также дает определение такого важного для настоящего исследования понятия, как ***гендерный порядок***, называя его «системой социальных норм, политической культуры и социальных институтов, формирующих в обществе отношение к гендерным проблемам и к их решению»[202].

Исследование базируется на применении теории дискурса и методики дискурс-анализа. Понятие «***дискурс***» используется в данной работе в значении, раскрытом М.В. Йоргенсен и Л.Дж. Филлипс: дискурс подразумевает особые речевые практики, паттерны, которые обусловливают высказывания людей в различных сферах социальной жизни[203]. Особую важность для настоящего исследования приобретает феномен так называемой борьбы дискурсов, выявленный и описанный в рамках постструктуралистской теории дискурса Э. Лакло и Ш. Муфф: «Различные дискурсы, — каждый из которых представляет собой определенный способ общения и понимания социального мира, — вовлечены в постоянную борьбу за превосходство. Они "стремятся" зафиксировать свое значение в языке. Тогда, превосходство можно понимать как преобладание одной определенной точки зрения»[204]. В силу этого для данного диссертационного исследования важным является разграничение разных видов и уровней

---

[201] Силласте Г. Г. Указ. соч. С. 3–13.
[202] Там же.
[203] Йоргенсен М. В., Филлипс Л. Дж. Дискурс-анализ : теория и метод. Харьков : Гуманитарный Центр, 2008. С. 17, 49.
[204] Там же. С. 26.

дискурсов (дискурсов «власти» и «общества») в зависимости от субъектов дискурса, занимающих разные позиции в социальной структуре.

Важнейшей категорией настоящего исследования являются ***гендерные стереотипы***. У. Липпман ввел понятие «стереотипов», говоря о том, что они являются «предвзятыми мнениями, решительно управляющими всем процессом восприятия, маркирующими определенные объекты как знакомые и незнакомые, так, что едва знакомые кажутся хорошо известными, а незнакомые – глубоко чуждыми»[205]. Свойства стереотипа: эмоциональность, устойчивость и стабильность, согласованность, неточность. «Основной особенностью гендерных стереотипов является то, что они прочно закреплены в общественном сознании и меняются крайне медленно, частично представляя собой предрассудки, которые воздействуют на каждого человека»[206]. Исследователи допускают, что «социальные стереотипы создают единое культурное пространство, в котором существует общество, и изначально несут позитивный заряд, создавая платформу и задавая границы развития данного социума».[207] Однако вследствие своего развития на определенном этапе общество выходит за рамки социальных стереотипов, а сам стереотип превращается в рудимент, препятствующий развитию новых форм социальных отношений.

В основе любых стереотипов (будь то стереотипы этнические, религиозные, гендерные или какие-либо еще) лежит проблема различий. С философской точки зрения, корень понимания категорий «мужского» и «женского» как в крайней степени поляризированных элементов кроется в противопоставлении категории Я и Другие. Детерминированность гендерных мужских и женских социальных ролей, совокупность гендерных стереотипов находят разные формы выражений и составляют некоторое семиотическое

---

[205] Цит. по: Ядов В. А. К вопросу о стереотипизации в социологии // Философские науки. 1960. № 2. С. 50.
[206] Цит. по: Шевченко М. Н. Указ. соч. С. 173–176.
[207] Василенко М. В., Михайленко А. В., Полторацкая Н. В., Шевяков М. Ю. Указ. соч. С. 4.

поле, характеристику которому достаточно емко дал Д.Г. Смирнов: «Гендерные знаки представляют собой символы или символьные комплексы, обусловливающие легко распознаваемый (в культуре большинства) код традиционных гендерных ролей. […] — представления о свойствах и отношениях (ролях, занятиях), характерных для мужчины и женщины»[208]. В настоящей работе стереотипы феминности и маскулинности рассматриваются как взаимно детерминированные и анализируются в соотнесении друг с другом.

Методы исследования. Наряду с общенаучными методами (индукция и дедукция, анализ и синтез, классификация, обобщение) в настоящем исследовании применялись специальные методы исторического познания. Историко-логический и сравнительно-исторический методы позволяют выявить внутренние противоречия гендерного устройства советского общества, сложившегося в конце 1960-х – начале 1980-х годов. Метод терминологического анализа позволяет определить основные понятия и категории, а также уточнить их значения в дискурсивных практиках. Ретроспективный метод, используемый при обращении к историографическому материалу, позволяет воссоздать представление о гендерном порядке советского общества исследуемого периода.

Ведущим методом исследования является гендерный анализ, который можно определить как специально организованный процесс сбора и обработки информации, подразумевающий практико-ориентированный инструмент гендерного подхода, взаимодействующий с иными подходами комплексного анализа[209]. Контент-анализ в сочетании с принципами гендерной концепции и анализа позволяет произвести качественное исследование письменных источников, к которым относятся публикации в

---

[208] Смирнов Д. Г. Указ. соч. С. 60–70.
[209] Штылева Л. В. Указ. соч. С. 60.

средствах массовой информации, учебниках, а также оцифрованные версии личных дневниковых записей субъектов исторического процесса.

Научная новизна диссертации заключается в том, что в результате проведенного исследования выявлены и систематизированы основные гендерные стереотипы советского общества периода «развитого социализма», определены способы и методы их трансляции через структуры народного образования, периодической печати, кинематографа. Сделаны выводы о многоуровневости дискурса власти и общества изучаемой эпохи, оторванности официальной политической сферы от повседневности, неоднозначности решения «женского вопроса» в СССР, внутренней противоречивости гендерных ролевых моделей и устойчивости стереотипных образов феминности в позднесоветском обществе. Введены в научный оборот ранее не исследовавшиеся источники, в том числе материалы учебной литературы, средств массовой информации и рекламы; проведен комплексный гендерный анализ разнообразных источников, позволивший выявить стереотипы феминности и маскулинности в нормативно-правовой, политической и социокультурной сферах жизни советского общества.

Теоретическая значимость исследования состоит в том, что его материалы позволяют составить комплексное представление о стереотипах женственности и мужественности, распространенных в советском обществе доперестроечного периода, оценить сложную структуру советского общества и неоднозначные оценки социальной роли женщин и мужчин, транслируемые на разных уровнях общественного дискурса. Исследование позволяет сформировать научно верифицированные знания о гендерной структуре советского общества конца 1960-х – начала 1980-х гг., отличающейся от гендерных структур других стран в это же время и от гендерной структуры советского/российского общества в другие периоды исторического развития государства, что может стать отправной точкой для дальнейших исследований в этом направлении.

Практическая значимость исследования состоит в возможности использования его результатов в научно-исследовательской работе по отечественной истории, в частности при исследовании социальной структуры советского общества, повседневности и быта советских граждан, советской культуры. Кроме того, результаты настоящего исследования могут быть использованы в преподавательской деятельности при разработке общих и специальных курсов по истории СССР, при создании учебных пособий и работ научно-популярного характера.

Положения, выносимые на защиту:

1. «Женский вопрос», в основе которого лежит философская проблема дихотомии «женского» и «мужского», использовался советской властью как политический инструмент. В конце 1960-х – начале 1980-х гг. важным элементом официальной коммунистической социальной пропаганды было декларативное утверждение о решенности женского вопроса в СССР.

2. Основными показателями оценки равенства женского и мужского статусов с позиции советской власти выступали формальные признаки, такие как конституционно обозначенная норма равенства женщин и мужчин, широкий доступ женщин к общественному производству и трудовым отношениям, социальная поддержка материнства. Данная репрезентация ограничивала поле общественной дискуссии в иных вопросах, в том числе в вопросе влияния стереотипов феминности и маскулинности на позиции, занимаемые женщинами и мужчинами в советской социальной системе.

3. Степень распространения и закрепления в общественном сознании стереотипов, связанных с феминностью и маскулинностью, можно считать важным показателем социального неравенства, что является определяющим для выявления реального положения женщин и мужчин в позднесоветском обществе периода конца 1960-х – начала 1980-х гг.

4. Основными каналами трансляции и носителями стереотипов феминности и маскулинности в СССР второй половины 1960-х – первой

половины 1980-х гг. являлись система народного просвещения, средства массовой информации и коммуникации, произведения искусства, прежде всего кинематографического.

5. Одной из важных моделей феминности, отображенных в советском общественном дискурсе, являлся образ «работающей матери», имеющий ключевое значение для построения женской идентичности и использования в государственных идеологических целях СССР конца 1960-х – начала 1980-х гг.

6. Сфера частно-бытовых отношений, подразумевающая выполнение родительских обязанностей, функций заботы о семье, организации комфортного быта и досуга, представлена в советском общественно-политическом дискурсе преимущественно как женская, что составляло основу стереотипных моделей феминности. Репрезентация феминности в рамках исследуемого периода часто подразумевала изображение женщин как уделяющих чрезмерное внимание исполнению семейных ролей, что нередко подвергалось общественному порицанию, но в целом вписывалось в рамки социальной нормативности.

7. Советский социально-политический дискурс отражал образы работающей женщины, женщины-профессионала и женщины-руководителя. Тиражирование этих моделей использовалось не только в качестве инструмента пропаганды достижений советской власти в вопросе вовлечения советских женщин в социально-экономическую жизнь страны, но и подразумевало ревизионистский взгляд на необходимость включения женщины в процессы общественного управления и социальной организации.

8. Для исследуемого периода характерно выделение разных уровней дискурса, что было выражено в приватизации частно-бытовых отношений и оторванности официальной политической сферы жизни от процессов повседневности. Расщепление дискурса выражено в разной репрезентации

женской и мужской сексуальности, образов идеальной феминности и маскулинности.

Степень достоверности результатов исследования определяется его методологической базой, прежде всего принципами объективности, системности и историзма, лежащими в основе настоящей работы. Репрезентативность источниковой базы в сочетании с научным анализом источников служит основой достижения цели и задач в соответствии с объектом и предметом исследования.

Апробация результатов исследования. Результаты исследования были изложены автором в 14 научных публикациях, в том числе в 3 статьях, опубликованных в изданиях, включенных в перечень ведущих рецензируемых научных журналов, рекомендованных Высшей аттестационной комиссией Министерства науки и высшего образования РФ. Материалы работы также были презентованы на 15 конференциях международного и всероссийского уровней, а именно: Всероссийская конференция молодых историков «Платоновские чтения» (Самара, 2020-2022), Международные научные конференции РАИЖИ и ИЭА РАН («Женское и мужское в традиционной и современной культуре: сохранение, фиксация, понимание», Казань, 2020; «Женская история сегодня: источниковедение, историография, новые методологические подходы. Кишинев, 2021; «Прошлое, память, нарратив: гендерное измерение повседневности», Пенза, 2022; «Семейное, женское, повседневное в историко-антропологическом измерении», Кострома, 2023), Международная научно-практическая конференция «Тенденции развития образования. Глобальные вызовы и неравные возможности» (Москва, 2021), XIV Конгресс антропологов и этнологов России (Томск, 2021), Международная научно-практическая конференция «Человек в информационном обществе» (Самара, 2021).

Соответствие диссертации паспорту научной специальности. Диссертационное исследование соответствует следующим пунктам паспорта специальности 5.6.1. Отечественная история: п. 6 «История повседневной жизни различных слоев населения страны на соответствующем этапе ее развития»; п. 7 «История развития различных социальных групп России, их общественно-политической и социально-культурной жизни, а также хозяйственной деятельности»; п. 9 «История общественной мысли. Интеллектуальная история. Историческая имагология. История образования и образовательных институтов»; п. 11 «Социальная политика государства и ее реализация в соответствующий период развития страны»; п. 20 «История семьи»; п. 24 «История государственной и общественной идеологии, общественных настроений и общественного мнения».

На основании цели и задач была определена **структура исследования,** включающая в себя введение, три главы, разделенные на параграфы, заключение, список источников и литературы, приложения.

ГЛАВА 1. ГЕНДЕРНАЯ СТРУКТУРА СОВЕТСКОГО ОБЩЕСТВА КОНЦА 1960-Х – НАЧАЛА 1980-Х ГГ.

1.1. Феминистские ценности в идеологии СССР и гендерная политика советской власти

XX век в мировой истории отмечен существенными трансформациями гендерной структуры общества: во-первых, масштабными сдвигами демографической ситуации, во-вторых, качественными изменениями социального и идеологического характера, ярким воплощением которых стало, в частности, развитие трех «волн» феминизма на Западе. В СССР в 1920-х гг. в результате революционных изменений конструируется новый гендерный порядок, который, в свою очередь, не оставался неизменным на протяжении всей эпохи существования советского государства. На фоне социальной активности западных феминистских групп разной направленности, в замкнутой советской системе складывается особый гендерный порядок, который представляет существенный интерес для данного исследования. Таким образом, один из исследовательских вопросов будет заключаться в необходимости выяснения того, в каком виде общественно-политический дискурс в СССР конца 1960-х – начала 1980-х гг. отражал феминистские ценности и можно ли на самом деле охарактеризовать их как феминистские (в том числе сопоставляя с идеей марксистского феминизма)?

Характерными особенностями марксистской трактовки «женского вопроса» является, во-первых, восприятие положения женщин как «угнетенного пола», по аналогии с угнетенными классами («Он [муж] в семье – буржуа, жена представляет пролетариат»[210]); во-вторых,

---

[210] Энгельс Ф. Происхождение семьи, частной собственности и государства // Сочинения : в 30 т. / К. Маркс, Ф. Энгельс. 2-е изд. Т. 21. М. : Госполитиздат, 1961. С.76.

акцентирование внимания не только на правовой и политической, но прежде всего на экономической стороне этого угнетения; в-третьих, убеждение, что «женский вопрос» может быть решен только в результате социалистической революции, которая уничтожит любые формы эксплуатации человека человеком. «Классово сознательный рабочий, – писал А. Бебель в своей работе «Женщина и социализм», – …стремится объяснить женщине ее положение в обществе и воспитать ее как союзника в совместной освободительной борьбе пролетариата против капитализма»[211]. Классическое марксистское понимание освобождения женщины представлено в знаменитом труде Ф. Энгельса «Происхождение семьи, частной собственности и государства». «Когда супруги юридически станут вполне равноправными… обнаружится, что первой предпосылкой освобождения женщины является возвращение всего женского пола к общественному производству, что, в свою очередь, требует, чтобы индивидуальная семья перестала быть хозяйственной единицей общества»[212].

К обсуждению «женского вопроса», как известно, присоединялось большое количество крупных политических фигур со времен революции 1917 г. В.И. Ленин на контрасте с западными «буржуазными демократиями» подчеркивал значение большевистских преобразований в вопросе предоставления прав женщинам: «Буржуазная демократия на словах обещает равенство и свободу. На деле женской половине человеческого рода ни одна, хотя бы самая передовая, буржуазная республика не дала ни полного равенства с мужчиной по закону, ни свободы от опеки и от угнетения мужчины»[213]. В.И. Ленин также подчеркивает дискриминацию женщин на правовом уровне, что, по его мнению, не может быть преодолено западными странами из-за сущности их капиталистических экономик. В.И. Ленин, как и

---

[211] Бебель А. Указ. соч. С. 156.
[212] Энгельс Ф. Указ. соч. С. 77.
[213] Ленин В. И. Указ. соч. С. 103–104.

А. Бебель, говорит об еще предстоящей необходимости освобождения женщин от домашней работы и нагрузки по воспитанию детей, что должно быть выражено в преобразовании инфраструктуры (строительство детских садов, заведений общественного питания и т.п.). Продолжая эту мысль, Н.К. Крупская в одной из статей, выпущенных в 1937 г., говорит: «Сейчас государственная забота о женщине особенно велика. Сталинская конституция записала величайшее завоевание революции – окончательное раскрепощение женщины»[214]. Такое желание оценить проблему неравенства между женщинами и мужчинами как окончательно решенную уже в конце 1930-х гг. может свидетельствовать не только и не столько о самих позитивных изменениях в положении женщин, сколько о попытке замаскировать трудноразрешимые вопросы гендерного неравенства наряду с другими.

Иными словами, вопрос благополучия женщин, равенства мужского и женского статусов в советском общественно-политическом дискурсе можно оценить не как самоценный, так как зачастую он становится одним из инструментов пропаганды, который используется советской властью как на внутри-, так и на внешнеполитической арене для решения определенных политических задач. Под сомнение также ставится и истинная приверженность сочувствующих идее марксистского феминизма, и самодостаточность марксистского феминизма как такового. С. Айвазова, к примеру, так говорит о деятельности А. Коллонтай[215], автора известных сочинений, посвященных женскому вопросу: «Коллонтай как бы предугадала его [государственный – *Т.Г.*] запрос и помогла подвести под него фундамент из почти феминистских идейных конструкций»[216].

---

[214] Крупская Н. К. Указ. соч. С. 7, 24–25.
[215] Коллонтай А. М. Социальные основы женского вопроса. СПб., 1909 ; Её же. Общество и материнство. Государственное страхование материнства. Пг., 1916 ; Её же. Новая мораль и рабочий класс. М., 1919 ; Её же. Из моей жизни и работы. М., 1974.
[216] Айвазова С. Г. Указ. соч.

На сегодняшний день очевидным оказывается то, что научное исследование таких крупных категорий, как феминизм, социализм и марксизм, представляет особую сложность в виду их излишней обобщенности. Все эти социальные направления чрезвычайно пестры по своему составу. Невозможность построения советской политической системы как демократической, а также связывание в общественном сознании марксистского феминизма с деятельностью большевиков становятся основаниями для критики марксистского феминизма в современном общественно-политическом дискурсе. Опыт строительства советского государства, в том числе реализации и модификации советского гендерного проекта, наводит на необходимость постановки вопроса о совместимости левой политической мысли и феминистской идеи в широком смысле (например, О. Оришева приходит к выводу о трудноразрешимости противоречий между левой идеей и феминизмом по причине различия, прежде всего, в этических установках[217]). Те, кого традиционно принято считать идеологами марксистского феминизма, также противопоставляли две эти категории («марксизм» и «феминизм») друг другу, не употребляя понятие «феминизм» в качестве самоназвания для своей идеи или движения. Примером может быть ~~и~~ отношение А. Коллонтай к «западному буржуазному феминизму»: «На основании своих убеждений она вступает в спор с феминистским движением, возникшим в России на рубеже XIX–XX вв., развивавшимся вне рамок марксистского подхода, обвиняя его представителей в попытке раскола социалистического движения и препятствия на пути объединения женщин для классовой борьбы пролетариата»[218].

---

[217] Оришева О. Постмарксизм и «женский вопрос» // Гендерные исследования, 2010. № 20-21. С. 253–256.
[218] Батуренко С. А. Указ. соч. С. 111–129.

С. де Бовуар в своей работе «Второй пол» приходит к выводу о том, что «открываемые Энгельсом истины остаются условными. Оставаясь в пределах исторического материализма, их невозможно развить»[219]. Происходит это по причине того, что проблема гендерного неравенства шире проблемы только экономической. С. де Бовуар посвящает целую главу критике марксистской концепции относительно женского вопроса (гл. «Точка зрения исторического материализма»), несмотря на то, что достаточно часто использует логику рассуждений и аргументы из работы А. Бебеля «Женщина и социализм»[220]. С.де Бовуар считала, что отождествление угнетения женщин с другими формами угнетения не всегда корректно, как минимум потому, что в классовом разделе нет никакой биологической основы, а в разделении по полу – есть. Неомарксист Г. Маркузе в своей лекции в Стенфордском университете 1974 года говорит: «женщины не есть класс в марксистском смысле. Отношения мужчин и женщин проходят поперек классового разделения, но непосредственные потребности и потенциальности женщин, безусловно, имеют в огромной степени классовое происхождение»[221].

Проблема соотношения марксизма и феминизма оставалась дискуссионной и впоследствии: Ф. Струм[222], исходя из личного опыта общения с женщинами-политиками в СССР конца 1970-х г., делает вывод, что в их среде не наблюдалось концептуального единства в вопросах положения женщин, за исключением общей приверженности социалистической идее, лежащей в основе их внешнеполитической пропагандистской деятельности. Одним из главных современных критиков симбиоза марксизма и феминизма является Х. Хартман, которая в своей работе «Несчастливый брак марксизма с феминизмом: путь к более

---

[219] Бовуар С. Указ. соч. С. 87.
[220] Бебель А. Указ. соч. М., 1959.
[221] Маркузе Г. Марксизм и феминизм Марксизм и феминизм : (лекция, прочит. в Стенфордском ун-те 7 марта 1974 года). Б.м. : Свободное марксистское изд-во, 2008. 18 с.
[222] Strum Ph. Op. cit. P. 21–33.

прогрессивному союзу» пишет: «Большая часть марксистских текстов, анализирующих положение женщин, ставит вопрос об отношении женщины к экономической системе, а не к мужчине»[223]. С критикой работ по проблеме угнетения женщин и вклада К. Цеткин и В. И. Ленина в феминистскую борьбу выступает и Л. Фогель[224]. Таким образом, под сомнение ставится сама состоятельность концепции марксистского феминизма, а также прямые и косвенные результаты деятельности марксистских феминисток на примере устройства советского общества XX в.

Очевидно, что подобная точка зрения не совпадает с позицией левых современных исследователей, которые критикуют капитализм, пытаясь найти аргументы в пользу социалистического социально-экономического устройства. Например, К. Годси[225] в своей монографии на примере стран Центральной Европы пытается доказать, что условия свободного рынка оказались менее благоприятными для эмансипации женщин, в сравнении с условиями в странах, некогда стремящихся к социализму. Философ неомарксистского толка Т. Иглтон также, несмотря на умеренную критику отдельных сторон концепции К. Маркса (по параметру так называемой «гендерной слепоты»), в целом позитивно оценивает влияние марксизма на идею защиты прав женщин[226]. «Занять критическую позицию в отношении некоторых аспектов политической теории Маркса – не значит отбросить его наследие или не суметь признать его значения»[227], – говорит С. Федеричи.

Таким образом, анализ отечественной и зарубежной историографии второй половины XX – начала XXI вв. показывает, что марксистский феминизм как идея в своей основе имеет достаточно серьезное противоречие, которое заключается прежде всего в редукционизме: попытке объяснения

---

[223] Хартман Х. Указ. соч. С. 7.
[224] Vogel E. Op. cit. L., 1983.
[225] Годси К. Указ. соч. М., 2020.
[226] Иглтон Т. Почему Маркс был прав. М. : Карьера Пресс, 2012. С. 264-268.
[227] Федеричи С. Патриархат заработной платы : заметки о Марксе, гендере и феминизме. М. : Новое литературное обозрение, 2023. С. 7.

причин гендерного неравенства через неравенство классовое. Исходя из этого, мы предлагаем считать направление марксистского феминизма условной моделью, подразумевающей комплекс идей, близких к феминистским в аксиологическом смысле, но не являющейся феминистским проектом по существу.

Понимание феминизма как социального движения в СССР 1970-1980-х гг. также является ограниченным, поскольку политический режим советского государства характеризуется как недемократический, что означает невозможность свободного существования институтов гражданского общества, деятельность которых инициируется гражданами, а не органами власти. Рубеж 1970-1980-х гг. известен деятельностью подпольной ленинградской феминистской группы в СССР, которая часто в литературе обозначается как советский феминизм. В отличие от понятия марксистского феминизма, определение «советский» в данном случае не указывает на особое концептуальное отличие, а скорее является топографическим и хронологическим маркером. Исходя из этого, понятия «советский» и «ленинградский» феминизм в рамках данного исследования мы считаем тождественными. Советский ленинградский феминизм стоит оценивать не как концептуально единое философское течение, а как деятельность (прежде всего издательскую) группы социально активных женщин с различными взглядами, отчасти имеющими сходство с идеями либеральных западных американских и европейских феминизмов так называемой «второй волны». В то же время взгляды значительной части участниц ленинградской феминистской группы отличались от идей классического либерального или социалистического феминизмов, так как включали в себя идеи христианской религиозной философии[228]. Взгляды представительниц ленинградского феминизма

---

[228] Женский проект: метаморфозы… . С. 11 ; Киналь А. В., Королева Л. А. Независимый альманах «Женщины и Россия» в СССР // Современные научные исследования и

раскрывались в самиздатовских журналах и публицистике[229] и не могли иметь широкого идеологического влияния на большие социальные группы советского общества.

Современные исследователи ленинградского феминизма 1970-х гг. часто обращают внимание на общесоветский, общеевропейский и глобальный контексты его становления. Ленинградский феминизм принято рассматривать как часть диссидентского движения; в свою очередь, деятельность диссидентов напрямую связывают с ростом протестной активности молодежи в Европе 1968 г.[230] По мнению исследователей, несмотря на ощутимое разграничение мужских и женских функций внутри диссидентского движения, женщины в целом играли ключевую роль в формировании и сохранении социальной среды единомышленников[231]. Однако связывание деятельности ленинградских феминисток с диссидентским движением, на наш взгляд, может быть оправдано в случае рассмотрения понятия диссидентства в качестве собирательного наименования граждан-нонконформистов, в широком смысле несогласных с нормами политического режима, установившегося в СССР. Понимание диссидентов как более ограниченного круга лиц, отличавшихся активной социальной деятельностью и оформленной локально организованной субкультурой, не позволяет установить прямой взаимозависимости между диссидентами и ленинградскими феминистками, в том числе по причине отсутствия

инновации. 2015. № 3, ч. 3. URL: https://web.snauka.ru/issues/2015/03/48685 (дата обращения: 21.07.2023).

[229] Горичева Т. Ведьмы в космосе // Мария. 1981. № 1. С. 9–13 ; Ответы на анкету журнала «Альтернативь» // Мария. 1981. № 1. С. 22–31.

[230] Жеребкина И. Это сладкое слово... . С. 27, 32, 40–41, 171–172, 174–176, 194.

[231] Чуйкина С. Участие женщин в диссидентском движении (1956–1986). С. 61–81 ; Её же. Открытый дом и его хозяйка. С. 287–294 ; Арефьева Т. К. Указ. соч. С. 40–44.

чувствительности к гендерной проблематике у многих широко известных членов диссидентских групп[232].

Стоит отметить, что некоторые исследователи в своих работах понятием «советский феминизм» обозначают не социальное движение или философско-мировоззренческую концепцию, а социокультурную практику или гендерную политику советской власти в целом. В качестве примера такого употребления обратимся к тезису одного из социальных исследований: «советский феминизм как социокультурная практика, представленный, прежде всего, в качестве официально провозглашенной государственной политики, имел как свои плюсы, так и минусы. […] Минусы заключаются в установлении лишь формального равенства между мужчинами и женщинами; […] практически не подверглись изменениям традиционные гендерные стереотипы»[233]. На наш взгляд, такая трактовка понятия «советский феминизм» не вполне корректна.

Цель исследования, состоящая в раскрытии стереотипов феминности в социально-политическом дискурсе СССР, ведет к необходимости выявления специфики разных уровней дискурсов.

В данной части исследования обратимся к анализу одного из уровней дискурсов, а именно – к анализу так называемого дискурса власти. В качестве источников будут использованы нормативно-правовые акты, тексты официальных обращений и стенограммы выступлений политических лидеров и представителей органов власти. Также подразумевается использование историографического материала, а именно научных работ советских социологов 1970-1980-х гг. Предположительно, исследование описанного уровня дискурса может позволить раскрыть сущность гендерной политики советской власти 1970-1980-х гг., в равной степени справедливо и обратное

---

[232] Афанасьев А. С. Указ. соч. С. 128–131 ; Феминистский самиздат. 40 лет спустя / [ред., сост. О. Васяниной, Д. Козлова, С. Талавер]. М. : Common place, 2020. С. 55–58 ; Юкина И. И. Указ. соч. С. 456–458 ; Noonan N. C. Op. cit. P. 31–49.

[233] Ельникова Г. А. Указ. соч. Белгород, 2004.

предположение о том, что анализ проявлений гендерной политики советской власти исследуемого периода позволит выявить особенности официального дискурса.

При гендерном анализе нормативно-правовых актов, в частности, Конституции как закона, обладающего высшей юридической силой, стоит отметить эволюцию Конституций с 1918 г. и прогресс в вопросе формального установления принципа равенства женщин и мужчин[234]. Так, Конституция РСФСР 1918 г.[235] закрепила юридическое равенство в избирательном праве граждан вне зависимости от пола, Конституция СССР 1936 г.[236] декларировала полное равноправие женщин и мужчин во всех областях жизни (ст.122), а Конституция СССР 1977 г.[237] закрепила за ними равные возможности в трудовой, общественно-политической и культурной деятельности (ст.35). В качестве дискурсивной практики важна и формулировка нормы Основного Закона: согласно тексту Конституции 1977 г., «женщина и мужчина имеют в СССР равные права», тогда как в Конституции 1936 г. было указано, что «женщине в СССР предоставляются равные права с мужчиной»[238]. При этом справедливо отметить условность реализации прав человека при принятии Конституции 1936 г., а также то, что гендерное равенство отождествлялось с активным вовлечением женщин в экономическое производство[239].

О специфике понимания вопроса женской эмансипации на уровне советского дискурса власти можно судить по речи председателя Комитета

---

[234] Завадская Л. Н. Указ. соч. С. 393–417.

[235] Конституция (Основной Закон) Российской Социалистической Федеративной Советской Республики : принята V Всероссийским съездом Советов 10.07.1918 // СУ РСФСР. 1918. № 51. Ст. 582.

[236] Конституция (Основной Закон) Союза Советских Социалистических Республик : утверж. Постановлением Чрезвычайного VIII Съезда Советов СССР от 05.12.1936 // Известия ЦИК СССР и ВЦИК. 1936. № 283.

[237] Конституция (Основной Закон) Союза Советских Социалистических Республик : принята ВС СССР 07.10.1977 // Ведомости ВС СССР. 1977. № 41. Ст. 617.

[238] Тарусина Н. Н. Указ. соч. С. 12.

[239] Воронина О. А. Феминизм и гендерное равенство. С. 111.

советских женщин, первой женщины-космонавта В.Н. Николаевой-Терешковой, произнесенной перед участниками международной встречи «Женщина и социализм». В.Н. Николаева-Терешкова, хотя и упоминает некоторые нерешенные проблемы жизни женщин в СССР и даже употребляет понятие стереотипа о традиционной роли женщины как домохозяйки, в то же время выстраивает свою речь в русле представления о гендерном контракте «работающей матери»: «Опыт Советского Союза и других социалистических стран убедительно свидетельствует, что проблема социального равенства может быть последовательно и коренным образом решена лишь в условиях социалистических производственных отношений, основой которых служит общественная собственность на средства производства»[240].

Некоторые важные особенности официального публичного дискурса можно выявить при анализе выступления 1981 года заместителя министра здравоохранения СССР по вопросам охраны здоровья детей и женщин Е.Ч. Новиковой[241]. Отличительной чертой данного текста, на наш взгляд, является чередование двух типов формулировок в приблизительно одинаковом объеме. С одной стороны, автор говорит об уже принятых мерах и достигнутых результатах, как о свершившихся фактах, с другой стороны, многие меры рассматриваются именно в контексте планирования. Такое различие в формулировках может свидетельствовать не только о специфике дискурса советской политической власти в целом, что обусловлено особым образом мышления, сформированным коммунистической идеологией с ее плановой экономикой и постоянным целеполаганием (поскольку коммунизм оставался целью, а не данностью). Данные формулировки позволяют сделать вывод о двойственности дискурса власти. С одной стороны, «женский вопрос» зачастую признавался решенным (этой логике на протяжении 1970-

---

[240] Николаева-Терешкова В. Н. Указ. соч. С. 10–27.
[241] Новикова Е. Ч. Указ. соч. М., 1981.

1980-х гг. старались следовать многие исследователи, напр., В. Толкунова пишет: «Принятая ООН в 1979 году Конвенция о ликвидации всех форм дискриминации женщин во всех своих 30 статьях предусматривает меры для обеспечения равноправия женщин. В нашей стране все меры этой Конвенции уже давно полностью осуществлены»[242]). С другой стороны (пусть и в марксистском понимании решенности вопроса), необходимость постановки дальнейших задач по защите интересов женщин свидетельствует о том, что они были на тот момент не достигнуты.

Период «оттепели» и «брежневского правления» характеризуется смягчением советского семейно-брачного законодательства[243], о чем говорят многие исследователи советской гендерной политики: «Либерализация семейно-брачного законодательства, которая происходила в СССР с конца 1960-х годов в период правления Брежнева, для советского законодательства была во многом возвращением к нормам, привнесенным революцией и отвергнутым Сталиным»»[244]. Здесь стоит отметить изменения в системе народного образования, легализацию практики искусственного прерывания беременности, упрощение процедуры развода в брачно-семейных нормах, введение ряда льгот, направленных на поддержку материнства и детства. Эти процессы, в сочетании с урбанизацией и развитием сферы жилищного строительства, создали новые социально-экономические условия для развития общественных, в том числе гендерных отношений.

Тем не менее, можно расценивать гендерную политику советской власти как противоречащую идее эгалитаризма по причине своей ярко выраженной

---

[242] Толкунова В. Н. Указ. соч. С. 26–41.

[243] Об утверждении Основ законодательства Союза ССР и союзных республик о браке и семье : Закон СССР от 27.06.1968 № 2834-VII // Ведомости ВС СССР. 1968. № 27. Ст. 241 ; Кодекс о браке и семье РСФСР : утвержден ВС РСФСР 30.07.1969 // Ведомости ВС РСФСР. 1969. № 32. Ст. 1397 ; О практике применения судами Основ законодательства Союза ССР и союзных республик о браке и семье : постановление Пленума Верховного Суда СССР от 04.12.1969 № 10 // Бюллетень Верховного Суда СССР. 1970. № 1.

[244] Цит. по: Здравомыслова О. М. Как рождался «Советский патриархат». С. 124–141.

асимметричности[245]. А.М. Лушников[246] констатирует наличие теоретико-правовой дилеммы, заключающейся в противопоставлении двух логик в понимании справедливого гендерного порядка: суть первой состоит в равенстве возможностей без преимуществ (в том числе женщин), суть второй – в необходимости учета особенностей женского организма, что выражается в предоставлении льгот. Выходит, что с одной стороны, льготный характер законодательства может наделять правовые нормы дискриминационным смыслом по отношению к женщине как к обособляемой категории[247], с другой стороны, уравнивание женщины и мужчины при игнорировании половых особенностей может негативно отразиться на статусах женщин и мужчин[248]. Автор советского периода С.В. Поленина говорит о необходимости учета материнства как «специфической функции женщины»: «подлинное равенство женщины с мужчиной возможно лишь тогда, когда женщины, имея все те же права, что и мужчины, наделены еще и дополнительными правами и льготами»[249]. «Женщина в роли матери – ключевая действующая фигура в сфере социального воспроизводства. Именно к этой сфере она принадлежит, и именно эта принадлежность определяет социальное лицо женщины, так считают феминисты – последователи Маркса и Энгельса; так считают Леви-Стросс и феминистские антропологи, Парсонс и исследователи семьи»[250]. В силу этого О.А. Воронина предлагает разделить так называемые защитные меры в области советского трудового законодательства на два типа: защищающие женщину как женщину – и женщину как мать[251].

---

[245] Чвыкалов В. В. Указ. соч. С. 74–78.
[246] Лушников А. М. Указ. соч. С. 182–189.
[247] Айвазова С. Г. Свобода и равенство советских женщин [очерк] // Русские женщины в лабиринте равноправия : очерки политической теории и истории. Документальные материалы. М. : РИК Русанова, 1998. С. 66–99.
[248] Чвыкалов В. В. Указ. соч. С. 74–78.
[249] Поленина С. В. Указ. соч. С. 203–218.
[250] Чодороу Н. Указ. соч. С. 19.
[251] Воронина О. А. Феминизм и гендерное равенство. С. 112–114.

Провозглашение равенства мужчин и женщин в Конституции 1977 года не повлекло за собой полного уравнивания прав, прежде всего по причине сохранения за женщиной специфической роли матери как доминирующей[252]. Ключевым гендерным контрактом советского общества на протяжении всего его существования был контракт «работающая мать», подразумевающий существование особой модели феминности, которая воспринималась как нормативная. Данная модель подразумевала доминирующую жизненную стратегию самореализации женщины в виде совмещения функций работницы, то есть участницы общественного производства, с функцией матери, то есть репродуктивной, функциями по заботе о детях и их воспитанию и т.п. Порядок советского государственного регулирования социальных отношений между полами можно назвать этакратическим и патримониальным[253], что означает особенный вид нормативности в конструировании гендерной структуры, выражающийся прежде всего в трансформации модели семейных отношений (в досоветской традиционалистской культуре частные семейные отношения были организованы по патриархальному принципу, в советской культуре – государство берет на себя часть функций, выполняемых мужчиной). Многие современные исследователи считают, что гендерное равенство не было достигнуто в советском обществе в публичной сфере, несмотря на конкретные достижения советской власти в вопросах предоставления прав женщинам, расширением их сферы деятельности. О.А. Воронина даже называет тип гендерной системы СССР «советским неопатриархатом»[254]. О.С. Селиванова настаивает на необходимости использования понятия «псевдоэмансипации»[255].

---

[252] Котовская М. Г. Указ. соч. С. 34–35.
[253] Здравомыслова Е., Тёмкина А. Советский этакратический гендерный порядок С. 96–138.
[254] Воронина О. А. Феминизм и гендерное равенство. С. 108–109, 114–115.
[255] Селиванова О. С. Указ. соч. С. 15–17.

Анализ советской историографии 1970-х – начала 1980-х гг. имеет большое значение для определения общественно-политического дискурса и его последующих изменений. В качестве примера обратимся к социологическому очерку Э.С. Новиковой, В.С. Языковой, З.Л. Янковой, опубликованному в 1978 г. и посвященному женщине в трудовых и семейных отношениях СССР 1970-х гг.[256] Авторы ссылаются на решение XXVII сессии Генеральной Ассамблеи ООН, в частности, на тезис о необходимости активного участия женщин в борьбе за свои права, а далее выстраивают нарратив, исходя из представления о достигнутом «подлинном равноправии» женщин с мужчинами во всех сферах общественной жизни. Анализируя статистические данные, авторы чаще акцентируют внимание на росте вовлеченности женщин в ту или иную отрасль производства, при этом с осторожностью обходят вопрос разрыва в заработных платах. Своеобразием отличаются и выводы. Например, отмечая профессиональную неудовлетворенность работниц, занятых ручным неквалифицированным трудом, исследователи усматривают причину этого прежде всего в ориентации советской женщины на работу в коллективе: «во-первых, о том, что человеческим отношениям (в бригаде, в цехе, вообще с товарищами по работе), возникающим в процессе труда, придается первостепенное значение и, во-вторых, что предприятие в нашей стране – не только производственная единица, выпускающая тот или иной вид продукции, но и ячейка общества…»[257]. Стоит отметить, что данные выводы авторы подкрепляют результатами опросов, однако, на наш взгляд, в этом ключе важно различие между реальными мотивами женщин и мотивировками, как оправданиями своего выбора и действий. Зачастую авторы говорят только о численности женщин, без сравнения с численностью мужчин в отрасли: «Если в 1970 году в стране было 60 тысяч женщин-кандидатов наук и 3 тысячи женщин-

[256] Новикова Э. С., Языкова В. С., Янкова З. Л. Указ. соч. М., 1978.
[257] Там же.

докторов наук, то уже в 1976 году их насчитывалось соответственно 97 тысяч и 4,8 тысячи» или «15 тысяч женщин являются членами творческих союзов»[258].

Особое место в общественно-политическом дискурсе занимает вопрос о регулировании трудоустройства женщин, что логически обосновано риторикой советской власти, видевшей в предоставлении права на труд основной механизм решения «женского вопроса». Исследователи говорят о тенденции значительного роста трудового участия советских женщин в секторах экономики, традиционно маркируемых как «мужские» (напр., Е.Н. Меньшикова[259] пишет о женщинах-железнодорожницах, К.С. Еременко и Е.А. Поливанчук – о работницах торгового флота 1960-1970-х гг.[260]). Однако в меньшей степени проработанным в плане исследования гендерной структуры общества и гендерных стереотипов является вопрос службы женщин в армии и профессиональной военной карьеры. Говоря об исследованиях опыта привлечений женщин на службу в Советской Армии, З.П. Батурина отмечает, что в послевоенный период военно-политическое руководство СССР не занимается привлечением женщин на военную службу целенаправленно[261]. Несмотря на технологическое усовершенствование военной сферы, в 1980 г. доля женщин среди личного состава Вооруженных Сил составляла 1,6%, в 1985 г. – 1,8%. Эти данные в очередной раз свидетельствуют о достаточно четком распределении гендерных ролей в советском обществе. В стране, в которой «женский вопрос решен» и женщины и мужчины имеют равные права и возможности их реализации, социальный институт армии сохранял за собой статус мужской сферы. Обязанность «всех мужчин – граждан СССР» проходить действительную военную службу в рядах Вооруженных Сил СССР устанавливалась ст.3

---

[258] Новикова Э. С., Языкова В. С., Янкова З. Л. Указ. соч. М., 1978.
[259] Меньшикова Е. Н. Указ. соч. С. 747–756.
[260] Еременко К. С., Поливанчук Е. А. Указ. соч. С. 149–168.
[261] Батурина З. П. Указ. соч. С. 6, 20.

закона «О всеобщей воинской обязанности»[262]. Эта необходимость, конечно, рождает особые условия жизни мужчин в период прохождения воинской службы. Иерархичность структуры армии (как формальная, так и неформальная, выражавшаяся в практике «дедовщины») также является предметом исследования маскулинности и стереотипов «мужского»[263]. Проблема гендерной структуры и стереотипов в Советской Армии заслуживает отдельного внимания и исследования.

Искажения в понимании свободы, равенства и справедливости, которые обоснованы принципами функционирования системы патриархата, могут находить материальное выражение в низком уровне социально-экономической удовлетворенности женщин. Р. Арон на примере западных обществ говорит, что при равных условиях найма на работу женщины часто получают меньшую зарплату, их практически не берут на некоторые должности, вопреки запрещающему дискриминацию закону: «отсутствие свободы делать или не делать нечто зачастую определяется не законами, а предрассудками или вообще той совокупностью моральных убеждений, которые разделяются большинством членов данного общества»[264]. Именно об этих проблемах, но уже на примере советского общества 1960-1980-х гг. говорит О.А. Воронина: «в 60-е – 80-е годы XX века для занятых в промышленности зарплата женщин составляла в среднем 70% от зарплаты мужчин, а в сельском хозяйстве – 75% соответственно»[265].

В 1960-1980-х гг. становится заметным особый научный интерес к проблеме участия и вклада женщин в советскую экономику, что подтверждается более чем сотней диссертаций о женщинах в

---

[262] О всеобщей воинской обязанности : Закон СССР от 12.10.1967 № 1950-VII // Ведомости ВС СССР. 1967. № 42. Ст. 552.
[263] Левинсон А. Об эстетике насилия. Армия и общество в СССР // Неприкосновенный запас: дебаты о политике и культуре. 1999. № 2. С. 10–20.
[264] Арон Р. Эссе о свободах. М. : Праксис, 2005. С. 162–166.
[265] Воронина О. А. Феминизм и гендерное равенство. С. 112–114.

социалистическом производстве[266]. В первой половине 1980-х гг. выходит достаточно много работ, затрагивающих проблемы участия женщин в общественном производстве. Среди них – исследование Е.Б. Груздевой и Э.С. Чертихиной[267], в котором авторы с достаточной прямотой пишут о некоторых проблемах использования физического и интеллектуального женского труда. Они выявляют диспропорции в гендерном составе работников на руководящих должностях, приводя в пример ситуацию с учительским трудом (когда, по словам авторов, со ссылкой на статистико-социологический очерк, доля женщин-учителей средних школ на рубеже 1979/80 годов составляла 80 %, а женщин-директоров – 32 %) и ситуацию в промышленном производстве, где процент женщин-руководителей не достигал и 20 %. Авторы также открыто указывают на причины этого в виде женской загруженности домашней работой, и в целом достаточно чувствительны к голосам женщин и во многом объективны (ссылаются на интервью с советскими женщинами и отмечают некоторые недочеты в статистических данных, с которыми работают), несмотря на клише, что идеологически обосновано: «и многие другие советские женщины, обретшие счастье в труде, постоянно стремятся к профессиональному совершенствованию, повышению своей деловой квалификации. Они понимают, насколько важен и интересен для них труд на благо общества, и оценивают свою жизнь в зависимости от нужности, полезности и содержательности своей работы»[268].

Стоит добавить, что издание «100 интервью с советскими женщинами»[269] пользовалось достаточной популярностью у исследователей 1980-х гг., однако особенность представления материала и выбора респондентов в сборнике подталкивала авторов к практически единственно

---

[266] Рябцева И. А. Указ. соч. С. 47–56.
[267] Груздева Е. Б., Чертихина Э. С. Труд и быт советских женщин. С. 11–145.
[268] Там же.
[269] 100 интервью с советскими женщинами. М., 1975.

допустимой в идеологическом смысле интерпретации: «Материалы книги “100 интервью с советскими женщинами” показывают, что ее героини независимо от профессии, уровня общих и специальных знаний огромное значение придают общественной деятельности»[270]. В другом своем исследовании, опубликованном уже после начала «перестройки», Е.Б. Груздева и Э.С. Чертихина обращаются к проблеме неравенства в заработных платах мужчин и женщин 1970-х – начала 1980-х гг., анализируя разные сферы труда и приводя численные показатели, согласно которым заработная плата женщин-работниц составляла по-прежнему около 70% заработной платы мужчин-работников[271]. Аргумент некоторых социологов того времени заключался в объяснении этого неравенства через отставание женщин-работниц в уровне профессиональной квалификации.

Историк Н.Л. Пушкарёва отмечает общую мировую тенденцию на рынке труда с конца 1960-1980-х гг., проявлявшуюся как в странах Запада, так и в СССР. Эта тенденция заключалась в расширении сферы обслуживания и гендерной диспропорции, при которой низшие административные должности занимали преимущественно женщины, а менеджерами высшего звена были чаще всего мужчины: «В 1976 г. женщины составляли до 70–80 % трудящихся среди самых неквалифицированных категорий и занимали лишь 5–6 % среди самых высших и высокооплачиваемых (в частности управленческих) должностей на предприятиях»[272].

Проблема гендерной сегрегации труда заключается не только в различии уровня мужских и женских заработных плат. Неравенство часто влияет и на эмоциональный труд. Под эмоциональным трудом в настоящем контексте мы

---

[270] Шумилина В. П. Указ. соч. С. 200–219.
[271] Груздева Е. Б., Чертихина Э. С. Оплата труда и семейные доходы работающих женщин. С. 93–104.
[272] Пушкарёва Н. Л. Динамика женского присутствия в российской экономике второй половины XX – начала XXI в. С. 94–101.

будем понимать те эмоционально-психологические ресурсы, которые человек вынужден тратить, выполняя свои трудовые функции[273]. С. Харрис пишет, что эмоциональный труд на рабочем месте в неравной степени распределен между женщинами и мужчинами, что обусловлено несколькими причинами: «а) профессии и рода занятий могут быть сегрегированны по полу; б) задачи в рамках работы могут быть сегрегированны в соответствии с полом; в) к работникам-женщинам относятся по-другому даже при выполнении одинаковых задач в рамках одного и того же занятия»[274]. Исходя из этой позиции, ощутимый перевес в численности женщин, работающих в секторе услуг или в дошкольном и школьном образовании в СССР, может считаться свидетельством гендерного неравенства в советском обществе 1970-1980-х гг.

В целом гендерную политику советской власти возможно охарактеризовать как «гендерное мифостроительство»: «Высокая производственная и бытовая загруженность, работа на пределе человеческих возможностей выдавались за равноправие полов», - говорит О.А. Хасбулатова[275].

Советские авторы также с позитивной стороны представляют вопрос участия женщин в политическом управлении СССР, говоря, прежде всего, об отсутствии законодательных барьеров в праве избирать и быть избранными, работе в составе избирательных комиссий (что очень опосредованно может подтверждать политическую активность женщин), «широкой представленности во всех органах государственного управления», членстве в КПСС и ВЛКСМ, избрании в профсоюзные органы[276]. Однако вопрос активной вовлеченности женщин в процессы политического управления в

---

[273] Hochschild A. R. Emotion Work, Feeling Rules and Social Structure // American Journal of Sociology. 1979. Vol. 85, № 3. P. 551–575.
[274] Харрис С. Приглашение в социологию эмоций : учебник. М. : Изд. дом Высш. шк. экономики, 2020. С. 119–122.
[275] Хасбулатова О. А. Указ. соч. С. 49–59.
[276] Новикова Э. С., Языкова В. С., Янкова З. Л. Указ. соч. М., 1978.

позднесоветском обществе остается более сложным. Квоты на избрание женщин в органы государственной власти СССР не решали проблему отчуждения женщин от сферы политики, присутствующие во властных структурах женщины-депутаты не являлись выразителями интересов советских женщин как социальной группы: «интересен язык официальных партийных документов на эту тему: никогда в них речь не шла о реальном участии женщин в политике, а только об их “вовлечении”, т. е. сама формулировка утверждала пассивность и аполитичность женщин»[277]. М. Ривкин, характеризуя жизнь в советском обществе по многим, в том числе и по гендерному, аспектам, утверждает, что «Советскому Союзу не удалось произвести на свет таких женщин, как Тэтчер, Ганди, Меир или Вайль. Среди революционеров Надежда Крупская, в конце концов, была известна как жена Ленина, Р.Люксембург жила в Германии, а А.Коллонтай так и не добралась до вершины»[278]. Пример Екатерины Фурцевой, возглавлявшей Министерство культуры в 1960-1974 гг., выглядит скорее исключением, подтверждающим общее правило[279]. Наряду с этим, по оценкам некоторых исследователей, уделяющих внимание региональному аспекту развития политической системы СССР, результаты «вовлечения» женщин в политическое управления являются незначительными, о чем, к примеру, говорит Д.Лейнарте, при наблюдении / констатируя незначительность позитивной динамики в числе женщин, избранных в Верховный Совет Литовской СССР (1967 г. – 32,4%, 1971 – 32,33%, 1975 – 34%, 1980 – 35%)[280]. В середине 1970-х доля женщин, состоявших в рядах Коммунистической партии, насчитывала около 25 %, о чем заявляли партийные лидеры[281]. Понимание «женского вопроса» как решенного в свою очередь противоречит обозначенным

---

[277] Воронина О. А. Гендерная культура в России: традиции и новации. С. 36–38, 40–41, 43.
[278] Rywkin M. N. Op. cit. P.148.
[279] Медведев Ф. Н. Екатерина Фурцева. Любимый министр. М. : Алисторус, 2012.158 с.
[280] Leinarte D. Op. cit. P. 157.
[281] Доклад мандатной комиссии XXV съезда КПСС : доклад пред. комис. тов. И. В. Капитонова // Материалы XXV съезда КПСС. М. : Политиздат, 1976. С. 106.

цифрам, поскольку равенство политического участия женщин и мужчин должно было бы выражено как минимум в пятидесятипроцентном соотношении, при учете демографической картины.

Советские исследователи говорят также о деятельности Комитета Советских женщин и Международной демократической федерации женщин как о свидетельстве высокой политической активности своих современниц. В.П. Шумилина дает следующую характеристику деятельности Комитета Советских женщин: «…От имени всех советских женщин Комитет выступил против производства нейтронной бомбы, размещения американского ракетно-ядерного оружия в Европе, агрессивной политики американского империализма…»[282]. Такая трактовка целей Комитета и факт его участия в Международной демократической федерации женщин дает основания полагать, что деятельность Комитета имела двойственное значение. С одной стороны, работа в комитете становилась одной из немногих возможностей участия в международной политике для женщин, с другой стороны, открытым остается вопрос связи между интересами Комитета с интересами женщин в прямом смысле.

Практическое отождествление интересов политики разрядки международной напряженности с интересами женщин Л.И. Брежнев комментирует, используя стереотипное представление о женщине как матери, следующим образом: «Быть может, лучше, чем кто-либо другой, женщина-мать понимает важность сохранения и упрочения мира, необходимого, чтобы обеспечить светлое будущее всем детям земли, сохранить жизнь нынешнему и будущему поколениям»[283]. Однако, такая риторика не соответствует особенностям внешней политики советской власти конца 1970-х – начала 1980-х гг., а именно, вводу советского военного

---

[282] Шумилина В. П. Указ. соч. С. 200–219.
[283] Брежнев, Л. И. Приветствие Генсека ЦК КПСС, Председателя Верховного совета СССР товарища Л. И. Брежнева участникам международной встречи «Женщина и социализм». С. 8–9.

контингента в Афганистан. С.Г. Айвазова, цитируя авторов журнала «Мария», говорит об их антивоенной риторике и последующих санкциях со стороны власти в виде предложения покинуть СССР под угрозой длительных тюремных сроков: «Феминистическое движение возглавило протест матерей против войны, одной из главных своих целей оно полагает цель борьбы за мир, разъяснение матерям того факта, чем действительно является война в Афганистане, призыв к ним рвать повестки и предложить своим сыновьям почетную тюрьму вместо позорной смерти солдата-агрессора»[284]. Проводя сравнение между цитатами Л.И. Брежнева и коллективного ответа на интервью участниц клуба «Мария», можно заметить очевидное сходство в понимании связи интересов женщин с пацифистскими идеями. Тем не менее, официальный политический дискурс в условиях недемократического режима представляется нормативным, а неофициальный оппозиционный маргинальным.

В описанной выше и других проблемах участия советских женщин в международной дипломатии О.С. Нагорная[285] отмечает неразрывность вопросов прав женщин с общими проблемами прав и свобод человека. Отсутствие в СССР свободы совести и информация о нарушении прав заключенных бросали тень на принципы советской эмансипации женщин, в том числе транслируемые советскими организациями, имеющими международное представительство. Очевидно, что иной трактовки советской международной политики придерживались исследователи советского времени. Примером может быть работа Е.Н. Коршуновой[286], в которой автор анализирует инновации в международном праве периода провозглашенного ООН Десятилетия женщины (1975-1985 гг.) и не упускает возможности критики политики США (в том числе и гендерной). В целом советские

---

[284]Ответы на анкету журнала «Альтернативь» // Мария. 1981. № 1. С. 29 ; Айвазова С. Г. Свобода и равенство советских женщин. С. 66–99.
[285] Нагорная О. С. Указ. соч. С. 451–467.
[286] Коршунова Е. Н. Указ. соч. С. 7–25.

исследования зачастую повторяют нарративы, отраженные в публичных выступлениях политических лидеров и по большей части комментируют уже приведенные в статистических сборниках или в периодической печати данные, которые строятся на сравнении показателей СССР с США или с дореволюционной Россией[287].

Тот же метод сравнения, но с противоположной классической советской историографии оценкой, используется и в проведенном в 1968 г. исследовании И.А. Курганова[288], который на основе данных статистики 1950-1960-х гг. одним из первых в русскоязычном научном пространстве делает выводы о значительных различиях между декларируемым и реальным статусом советской женщины. Вероятно, ярко выраженная антикоммунистическая позиция этого исследователя позволяет ставить вопросы, которые зачастую не решались поставить советские исследователи, в частности, вопрос о методике подсчета успехов социалистической системы. Говоря о положении женщин в науке и высшем образовании СССР, исследователь, в отличие от, к примеру, Э.С. Новиковой, В.С. Языковой, З.Л. Янковой, не только говорит о количестве женщин-ученых, а раскрывает проблемы и специфику развития системы образования в СССР: широкое распространение вечернего и заочного образования, инженерно-технический характер высшего образования (причем здесь еще стоит отметить, что в инженерно-технических вузах женщины составляли около трети студентов в 1970-1980-х гг.[289]). Также автор предлагает учитывать количество студентов на 10 000 населения, а не в общем. Проблемы, описанные И.А. Кургановым, во многом развивают и другие российские исследователи гендерной структуры и всего советского общества и применительно к 1970-1980-м гг., в том числе и в вопросе политического управления государством.

---

[287] Женщины в СССР, 1985. С. 7, 10.
[288] Курганов И. А. Указ. соч. Нью Йорк, 1968.
[289] Арефьев А. Л., Арефьев М. А. Указ. соч. С. 10.

Исследователи, в особенности западные, говорят о гендерном различии в политическом поведении мужчин и женщин. На примере исследования политической ситуации 1990 г. американские ученые отмечают особенности политических взглядов московских женщин, отличие которых от мужчин заключается в меньшей радикальности настроений, большей готовности к участию в голосовании[290]. Э. Карнаган и Д. Бари выдвигают предположение о том, что советские женщины обладают меньшим, чем у мужчин, чувством личного влияния и интереса к политике, они менее демократичны, менее терпимы, более религиозны, больше заинтересованы в повышении расходов на социальные программы и менее – на увеличение оборонного бюджета и государственного контроля над экономикой[291]. На наш взгляд, важно добавить, что советский гендерный порядок нуждается в отдельном рассмотрении, в отличие от гендерного устройства социалистических обществ в целом, несмотря на то, что в ряде исследований часто встречаются обобщения в виде определения специфики социалистических моделей в целом (в противопоставлении капиталистическим). В таком случае упускаются некоторые различия между социалистическими обществами, о которых, к примеру, говорит Дж. Быстыдзиенски[292], сравнивая опросы женщин в Польше и СССР и обнаруживая разницу во взглядах на участие в общественной жизни тех и других.

Говоря о периоде «стабильности/застоя», важно отметить то, о чем в достаточно эмоциональной форме писали В.В. Журавлев, Л.Н. Гордон, Э.В. Клопов. Речь о сохранении директивного порядка управления государством, этакратического порядка, при котором представительство женщин в том или ином органе власти не имело серьезного значения, так как сами органы власти часто выполняли декоративную функцию вне

---

[290] Tedin Kent L., Yap O.-K.F. Op. cit. P. 179–211.
[291] Carnaghan E., Bahry D. Op. cit. P. 379–99.
[292] Bystydzienski J. M. Op. cit. P. 668–84.

зависимости от их социального состава: «Даже среди тех рядовых тружеников, кто были и тогда в числе избранных в партийные, государственные, общественные органы (а число таких людей постоянно возрастало, достигнув к концу 70-х – началу 80-х гг. чуть ли не трети взрослого населения), основная масса была фактически отстранена от реального участия в решении государственных общественных дел»[293]. Если воспринимать данное положение дел в качестве факта, то те принципы активной борьбы женщин за свои права, обозначенные Генеральной Ассамблеей ООН, на которые так часто ссылалась советская пресса и советская наука, не могли быть в действительности реализованы в условиях советской политической системы «брежневской эпохи». Как пишет О.Шаталова: «женщины были отчуждены от собственной эмансипации»[294].

Несмотря на общую ограниченную самостоятельность как органов советской власти, так и общественных организаций, в начале 1960-х на некоторых предприятиях появляются женсоветы, цель которых заключалась в общественном контроле за условиями жизни и работы женщин, а также создается женская комиссия при Всесоюзном Центральном совете профессиональных союзов (ВЦСПС) в 1976 г.[295] Действует такая специфическая организация, как женсовет в Советской Армии, функции которого заключались и в политической работе, и в организации досуга, и в регулировании семейных отношений в семьях военных[296]. Подобные организации отвечали интересам женщин, живших в неординарных условиях, но прежде всего они отвечали интересам государства.

В рамках данного исследования советское общество не представляется как гомогенное. В то же время, исследование специфики гендерной структуры отдельных частей многонационального и, несмотря на

---

[293]На пороге кризиса: нарастание застойных явлений в партии и обществе. С. 34, 36.
[294] Шаталова О. Указ. соч. С. 90.
[295] Стайтс Р. Указ. соч. С. 557.
[296] Ершова Э. Указ. соч.

официальную недопустимость идеологического плюрализма, поликультурного советского общества, на наш взгляд, еще нуждается в применении особых этнографических и социологических методов (к примеру, как в исследованиях Ю. Градсковой[297], Н. Бехзади[298], А. Темкиной[299], С.Н. Абашина[300], Р. Венты[301], Л.А. Королевой и А.А. Королева[302]). В частности, М.А. Толмачева замечает, что в 1960-х гг. сравнительно низкий уровень участия в государственной экономике женщин из числа коренного населения азиатских республик объяснялся традиционными установками, требующими женского уединения и концентрации на домашних обязанностях[303]. По этой причине вопросы подробной характеристики, детализированного описания и категоризации широкого спектра всех национальных, региональных, культурных и иных особенностей гендерной структуры советского общества остаются за рамками данной работы.

В широком смысле можно обратить внимание на те элементы политического и общественного дискурса, которые являются общими, вне зависимости от группы женщин и мужчин, с которыми этот дискурс был связан. В этом ключе, вопрос репрезентации религиозного и гендерного в советском дискурсе представляет значимый интерес: «В представлениях большевиков и их сторонников опорой старых традиций были женщины. Рассказы о “передовых” мужчинах, готовых отказаться от церковного обряда крещения или похорон ребенка и удалить иконы из своих жилищ, и

---

[297] Градскова Ю. Кули семьи кули. С. 664–683.
[298] Behzadi N. E., Direnberger L. Op. cit. P. 202–219.
[299] Тёмкина А. Гендерный порядок: постсоветские трансформации (Северный Таджикистан) С. 77; Её же. А. Подчинение старшим и модернизация патриархата: женская сексуальность в браке (Таджикистан) // Сексуальная жизнь женщины: между подчинением и свободой. СПб. : Изд-во Европ. ун-та, 2008. С. 67–144.
[300] Абашин С. Н. Указ. соч. М., 2015.
[301] Вента Р. Указ. соч. С. 81–88.
[302] Королева Л. А., Королев А. А. Указ. соч. С. 9–13.
[303] Tolmacheva M. A. The Op. cit. P. 531–548.

“отсталых” женщинах, настаивавших на церковных церемониях и водворявших иконы на старое место, служили в методических разработках экспертов доказательствами разницы в зрелости революционного сознания по половому признаку»[304]. И, несмотря на то, что борьба с религией за всю историю существования СССР имела свои этапы, гендерный компонент содержался в антирелигиозной советской пропаганде и на этапе послевоенном. Атеистическая работа в советском обществе проводилась по-разному в отношении мужчин и женщин[305]. На мужчин она была направлена, прежде всего, с целью недопущения получения ими специального религиозного образования, а на женщин – с целью препятствования ~~в~~ формированию религиозного мировоззрения их детей. Значим также и факт гендерного неравенства внутри группы верующих, как в смысле традиционно-патриархального устройства многих религий, так и если рассматривать советских верующих как отдельную субкультуру. Так, несмотря на то, что женщины составляли основную часть православного прихода, они были ограничены в возможностях получения религиозного образования и, тем более, осуществления культа[306]. В целом, данные выводы подтверждают статус женщины как Другого и вытекающую из этого необходимость выполнения особенной социальной роли.

Вопрос восприятия гендерной политики советскими гражданками нуждается в отдельном исследовании, с учетом проблемы поликультурности и полиэтничности советского общества. Поскольку гендерные исследования имеют междисциплинарный характер, для исследования этого вопроса важными оказываются качественные социологические методы, в том числе интервьюирование, что, к примеру, было использовано Ж.В. Черновой и Л.Л. Шпаковской, исследовавшими режимы гендерного гражданства, в

---

[304] Рольф М. Указ. соч. С. 87.
[305] Полозова К. А., Федотов А. А. Указ. соч. С. 57–64.
[306] Белякова Н. А., Добсон М. Указ. соч. С. 85–86, 352–353.

частности на примере поколения женщин, чья молодость приходилась на 1970-1980-е гг.: «вспоминая советское время, респонденты старшей возрастной группы говорят о равенстве всех граждан вне зависимости от пола с точки зрения их государственного обеспечения»[307]. Исследователи отмечают, что государственная поддержка женщины как матери и работницы чаще всего вызывала чувство благодарности, удовлетворения и гордости у женщин, исполняющих эти социальные роли[308].

Таким образом, исследование вопроса о модификации феминистской идеи в советском идеологическом пространстве и анализ научного и социально-политического дискурса, связанного с гендерной политикой советской власти 1970-1980-х гг., проведенный в данной части исследования, позволяет сформулировать следующие положения:

Актуальность «женского вопроса» использовалась в качестве политического инструмента сначала партийной большевистской, затем государственной коммунистической агитации и пропаганды в СССР. На основе тиражирования идеи марксизма и с помощью классового подхода как доминирующей идеологической методологической установки некоторые философы и политические акторы эпохи модернизма формируют особый подход к решению проблемы гендерного неравенства. На основе этой специфической оптики синтетическим образом формируется система взглядов, именуемая в историографии «марксистский феминизм».

Марксистский феминизм в историографии второй половины XX – начала XXI вв. получает неоднозначную оценку со стороны философов и социальных исследователей. Концепция марксистского феминизма, будучи методологически основанной на марксизме с присущим ему классовым подходом, уделяет, по мнению многих ее противников, избыточное внимание

---

[307] Чернова Ж. В., Шпаковская Л. Л. Три режима гендерного гражданства. С. 12–43.
[308] 100 интервью с советскими женщинами. М., 1975.

экономическим причинам социального неравенства, тем самым в значительной степени игнорируя такую категорию, как гендерный стереотип.

Понимание женской эмансипации, разработанное в концепции марксистского феминизма и реализуемое советской властью, подвергалось критике со стороны субкультурной группы гражданок СССР, объединившихся в конце 1970-х гг. в феминистскую группу, организовавшую выпуск самиздатовских журналов с феминистской проблематикой в Ленинграде.

Советская власть в публичном дискурсе уделяла большое внимание вопросам социальной политики, в том числе гендерной политики и прежде всего – политики, направленной на женщин, что следует из анализа текстов, связанных с выступлениями политических лидеров, высокопоставленных должностных лиц и других публичных фигур.

Дискурс «власти» СССР часто отражает в себе двойственность в понимании женского вопроса: с одной стороны, этот вопрос официально называется и публично признается «решенным», с другой стороны, может включать в себя упоминание отдельных проблем в социальном положении женщин. Данные проблемы представлены как уже находящиеся на стадии решения с помощью методов регулирования, характерных для советской политической и экономической системы общественных отношений.

Наряду с этим, дискурс советской власти при обращении к гендерной проблематике отражает в себе и другие ощутимые противоречия. Социалистическое строительство представляется (как внутри советского общества, так и на внешнеполитической арене) как метод достижения всеобщего равенства, в том числе и равенства между мужчинами и женщинами. Интересы женщин воспринимаются как особые, но их особенность – как продиктованная биологической способностью женщины к деторождению. Льготное законодательство, направленное на поощрение и поддержку «материнства» (но не «отцовства»), в советском политическом

дискурсе представлено как инструмент гармонизации гендерных отношений и установления паритета между статусами «мужчины» и «женщины». Такое понимание в особенной степени усиливает дихотомию «мужского» и «женского» через использование стереотипного представления о гендерной роли женщины как материнской.

Дихотомия по многим параметрам, на наш взгляд, может считаться характеристикой советского публичного дискурса в целом, что выражается и в регулярно повторяющемся противопоставлении советского общества обществам капиталистическим (прежде всего, США), обусловленном принципами холодной войны. Политика, направленная на женщин, также становится предметом для соревнования с условным Западом, несмотря на то, что официально интересы женщин представлены как защищаемые советской властью и как пацифистские одновременно.

Для исследуемого периода характерны увеличение численности женщин в различных сферах производства и общественно-политического управления, рост показателей образованности женщин, принятие законодательных мер~~ы~~, направленные на защиту женщины как репродуктивной единицы. Общими характеристиками гендерной структуры и гендерной политики в СССР являются заключения о сущности гендерного порядка как «этакратического», о доминирующем гендерном контракте по типу «работающая мать», о формальном провозглашении «решенности женского вопроса» в СССР, о либерализации законодательства периода оттепели, развитии социальной сферы и урбанизации как факторах, влияющих на гендерную структуру советского общества, о фактическом неравенстве женщин и мужчин (в вопросе дополнительной домашней нагрузки, неравенстве заработных плат и ограниченном представительстве в органах власти).

1.2. Гендерная культура советского человека в сфере быта и частных отношений конца 1960-х – начала 1980-х гг.

Изменение трудового законодательства и вовлечение женщин в процессы производства неизбежно влекли за собой изменения образа жизни женщин, а также логически требовали трансформации гендерных ролей. Вслед за традицией, которую заложил М. Фуко, стоит обратить внимание на тесную взаимосвязь между публичными политическими процессами и сферой частных отношений. Обращение к изучению повседневности приобретает особую значимость, так как жизнь личности и ее межличностные взаимодействия, во-первых, составляют некое социальное полотно, из чего образуются большие группы с их характеристиками, во-вторых, отражают и воплощают крупные политические процессы[309].

Как замечает Н.Л. Пушкарёва, классическая антропология и философия (стоит добавить, и другие области социального знания) долгое время рассматривали человека, игнорируя половые особенности[310]. О.Н. Бушмакина также пишет о необходимости отхода от андроцентрированной социологии и при этом отмечает важные методологические особенности в описании «мужского» и «женского»: «Мужское нельзя описывать как не-женское, а женское как не-мужское […] Мужское и женское взаимосоотносятся в ситуации самообнаружения, или саморефлексии в точке субъекта»[311]. Феминистская концепция подразумевает понимание проблемы дихотомии частного/публичного и женского/мужского соответственно[312]. В то же время понятия «женского» и «мужского» подвижны и подвергаются трансформации в зависимости от исторических,

---

[309] Полякова И. П. Указ. соч. С. 3–4.
[310] Пушкарёва Н. Л. Гендерный аспект «истории повседневности»: содержание и перспективы изучения. С. 538–539.
[311] Бушмакина О. Н. Указ. соч. С. 20–28.
[312] Тюрикова И. И. Указ. соч. С. 539–543.

социально-экономических, политических и других изменений[313], как исторически изменяется и понимание границ частной и публичной сфер.

Идея разделения общественных отношений на области частного и публичного была рассмотрена Ю. Хабермасом[314] при анализе развития западных капиталистических обществ Нового времени. Советская идеология имеет важную особенность, поскольку она изначально подразумевала подавление частного (или его раскрытие исключительно через публичное), всеобъемлющий контроль над общественной жизнью и приоритет коллективистских ценностей над индивидуальными целями. На наш взгляд, позднесоветский период, следующий за «оттепелью», за счет социально-экономических и политических факторов становится тем временем, когда разграничение частного и публичного проявляется более отчетливо. Однако, если в западных капиталистических обществах, по словам Ю. Хабермаса, происходит зарождение публичной сферы, то в позднесоциалистическом обществе, на наш взгляд, напротив, из публичной сферы выкристаллизовывается область частных отношений, что отчетливо проявляется как раз в рамках исследуемого периода. В данной части работы важные исследовательские вопросы будут заключаться в определении общих тенденций развития гендерных отношений в частной сфере (семейные, сексуальные отношения), а также выявлении специфики и воплощений категорий «женского» и «мужского» на уровне быта и повседневности.

Полем, в области которого соприкасаются сферы публичного и частного, является область символического. Примером проявления символической политики советской власти в области гендера было установление в качестве государственного праздника Международного женского дня (8 Марта). Государственные праздники – это не только

---

[313] Котовская М. Г. Указ. соч. С. 4.

[314] Хабермас Ю. Структурное изменение публичной сферы : исследование относительно категории буржуазного общества : с предисл. к переизд. 1990 года. М. : Весь Мир, 2016. 342 с.

традиции, но и символический конструкт, имеющий идеологическую нагрузку[315]. М. Рольф пишет о том, что приватная форма празднования женского дня становится общесоветским стандартом: «в 1965 г. значение женского дня резко возросло, после того как 8 Марта и День Победы были объявлены нерабочими днями. […] Но не официальные призывы к всемирной женской солидарности играли главную и основную роль в день 8 Марта. Этот праздник скорее служил поводом для собрания в узком кругу, обычно по месту работы, но все больше и в семье»[316]. А.В. Юрчак также говорит о так называемом нормальном советском человеке, который «участвует в формировании и воспроизводстве официального идеологического дискурса — но делает это в основном на уровне формы высказываний, одновременно наделяя их новыми, неожиданными смыслами. В результате такого отношения к высказываниям и ритуалам советской системы “нормальный человек” создает новые пространства свободного действия, которые официальный дискурс системы не в состоянии описать и которых система не ожидает, поскольку они не совпадают с ее дискурсом, но и не находятся в оппозиции к нему»[317].

О том, какое значение имел праздник 8 Марта для советских граждан на самом деле, сложно делать объективные выводы, руководствуясь данными анализа исключительно официального дискурса или материалов печатных СМИ. Поэтому необходимо обращение к таким источникам, как дневниковые записи.

Историк Р.С. Черепанова, работая с дневниками советской эпохи, предлагает разделять личные и личностные цели авторов: дневник может содержать информацию, посвященную не только интимным личным вопросам, но и другим (экономически-бытовым, профессиональным,

---

[315] Воронина О. А. Гендерная культура в России. С. 36–38, 40–41, 43.
[316] Рольф М. Указ. соч. С. 344–345.
[317] Юрчак А. Указ. соч. С. 36–37.

эстетическим и т.д.); но он всегда пишется в личностных целях, таких как самоутверждение, самоидентификация и рефлексия, выработка воли, поиск жизненных целей[318]. При этом исследователь рассматривает личные дневники не только как «сугубо интимный феномен», но и как особую форму соотношения приватного и публичного: в тексте дневника можно выявить «интервенцию публичности в виде литературных или политических дискурсов»[319], а выбор «специфического языка» для рассказа о своем опыте может свидетельствовать о «специфической ментальности» той социальной группы, к которой принадлежит автор[320].

В настоящей части исследования проведено изучение отражения официального политического дискурса в мировоззрении советских граждан на примере восприятия ими Международного женского дня. С этой целью были использованы материалы электронной библиотеки «Прожито»[321], в которой опубликованы различные тексты дневниковых записей с XIX по XXI вв., а также присутствует техническая возможность расширенного поиска текстов по персоналиям и датам. Для изучения был взят период с 1965 г. по 1985 г. Выбор нижней хронологической границы обусловлен юридическим установлением в этом году 8 марта в качестве выходного дня (несмотря на то, что фактически день 8 марта впервые стал выходным в 1966 г., незначительное расширение временных рамок и допустимо в целях выявления общей тенденции). Выбор верхней хронологической границы обоснован начавшейся «перестройкой» и изменением общей политической и социальной конъюнктуры.

---

[318] Черепанова Р. С. Личный дневник: уровни приватного и дискурсы публичного. С. 49–53; Черепанова Р. С. Быт и бытие. С. 701–769.
[319] Черепанова Р. С. Личный дневник: уровни приватного и дискурсы публичного. С. 49.
[320] Черепанова Р. С. Личный дневник В. Н. Антонова как исторический источник: к вопросу об особенностях интеллигентских автобиографических текстов // Наука ЮУрГУ : материалы 66-й научной конференции. Челябинск : Изд. Центр ЮУрГУ, 2014. С. 988.
[321] Прожито : [сайт]. URL: https://prozhito.org/page/corpus/ (дата обращения: 18.08.2023).

С помощью электронного поиска сначала были определены все доступные на портале дневниковые записи, сделанные авторами в день 8 марта. Затем, в целях определения основных модусов, из общего массива записей за каждый год были выявлены те записи, которые в той или иной мере затрагивают тему женского дня. Такие записи должны были содержать определённый контекст, а также слова и словосочетания (в различных грамматических формах): «праздник», «женский день», «поздравить», «отметить» (в значении «отпраздновать»), «подарить». Далее производился подсчет общего количества записей за день в году, из них отдельно количество тематических записей, а затем – доля тематических записей за день от общего количества за день в году.

База данных за указанный период составила 555 дневников, в части которых в указанные даты было сделано 262 записи, 74 из них оказались тематическими (в 14-ти дневниках). На основе количественного этапа исследования можно сделать следующие выводы. Средним значением доли тематических записей от общего количества записей за указанные даты было ≈30 %. Максимальные значения доли тематических публикаций составляли 59 % и 55 %, что пришлось на 1967 и 1971 гг. соответственно. Минимальные значения пришлись на 1974 (8 %), 1976 и 1979 гг. (отсутствие тематических публикаций). В среднем на 8 марта каждого года приходится 12,5 дневниковых записей, 3,9 из которых тематически относились к празднику. На основе полученных данных можно сделать вывод о наиболее высоком интересе к теме Международного женского дня на рубеже 1960-1970-х гг., падению популярности темы с дальнейшими ежегодными «скачками» интереса в 1970-х и относительной стабилизации популярности темы с начала 1980-х.

Авторами исследуемых текстов являются представители разных социальных категорий советского общества. Очевидно, что чаще всего записи делали представители интеллигенции (работники интеллектуального

труда в сфере искусства, науки, образования), в том числе имеющие достаточную известность в своей среде, встречались записи людей, не обладающих известностью, а также те, данные о ком установлены в ограниченной степени (в числе дневников есть и дневники известных диссидентов), некоторые находились за пределами СССР в момент записи. Авторы большей части материалов – мужчины.

Этап проведения качественного исследования заключается в обращении к самим тематическим записям и выявлении общих особенностей дискурса. Множество записей в целом похожи друг на друга: нарративы имеют общую особенность, которая заключается в констатирующем упоминании праздника, что больше похоже на указание даты в целом. То есть это такие нарративы, по которым заметно, что автор не придает принципиального значения этому дню. Упоминание женского дня происходит наряду с описанием погоды. Например, токарь в Институте проблем технологии микроэлектроники Афонькин Н.Е. пишет: «8 марта. Женский праздник… погода скверная, туман…»[322]. В этом типе нарративов часто присутствует абстрактная конструкция «поздравил(и) женщин», но внимание на этом не акцентируется (напр., 20-летний востоковед Артамонов Д.А. два года подряд использует фразу «вручил маме подарки»)[323]. Факт поздравлений часто отражается и в женских нарративах. В качестве примера может выступать Антонина Афанасьевна З., которая практически ежегодно ведет своеобразный «подсчет» (порой в буквальном смысле) поздравлений с праздником, наряду с описанием выполнения бытовых функций («помыла посуду», куда-либо отправились и т.п.): «Получили много поздравлений […] Вечером смотрели “Гол[убой] огон[ек]”,

[322] Афонькин Н. Е. 8 марта // Прожито. URL: https://corpus.prozhito.org/note/787469 (дата обращения: 18.08.2023).
[323]Артамонов Д. А. 8 марта // Прожито. URL: https://corpus.prozhito.org/note/734448 (дата обращения: 18.08.2023).

посвященный дню 8 марта. За “этот концерт” устроителям больше двойки нельзя поставить. До конца не хватило терпения смотреть»[324].

Тема подарков, очевидно, в значительной степени затрагивающая мужчин на 8 Марта, находит несколько ярких отражений в дневниках. Интеллектуал Б.И. Вронский пишет: «Утром сегодня поздравил дочку и внучку и преподнес им жалкий подарок – каждой по флакону духов стоимостью 90 коп. флакон. Так низко я еще никогда не опускался»[325]. Нетипичные казусы описывает башкирский писатель Сагит Агишев: «Мои поздравительные открытки женщинам перепутались. Написанное Магафуре Кудашевой, получила Зулейха Гиззатуллина. Звонит Сафи-агай и говорит “Сагит, моя жена же не Зулейха. Но она ничуть не хуже Зулейхи. Это правда, к старости мы с ней стали уже как Юсуф и Зулейха!” Рассказал об этом Фардане, а она: “Вы только к старости почему-то Юсуфами становитесь!”…»[326] или «Сегодня праздник. Хотел было что-нибудь вкусненькое купить Фардане, но она одного не отпустила, не доверяет […] Я, говорит, всю жизнь готова без торта жить, лишь бы ты был трезвый…»[327].

Практика употребления алкогольных напитков мужчинами имеет особенную гендерную окраску в дни праздников, в том числе и 8 Марта. Примечательны две истории, относящиеся к 1968 г. Палеонтолог О.В. Амитров пишет: «…ужинали у нас, поздравляли женщин. А в Москве на улицах – массы пьяных мужчин во-всю отмечают праздник»[328]. 15-летний школьник В.А. Красильников высказывается в этом же ключе: «Женский день! А мы его справляли без женщин. Не успели сказать девочкам и остались одни в этот день. Выпили, только развеселились, и тут появляются

---

[324]З. Антонина Афанасьевна. 8 марта 1977 // Прожито. URL: https://corpus.prozhito.org/note/604506 (дата обращения: 18.08.2023).
[325] Вронский Б. И. 8 марта 1966 // Прожито. URL: https://corpus.prozhito.org/note/565895 (дата обращения: 18.08.2023).
[326] Агиш С. Указ. соч. С. 75.
[327] Там же. С. 33.
[328] Амитров О. В. 8 марта 1968 // Прожито. URL: https://corpus.prozhito.org/note/498309 (дата обращения: 18.08.2023).

они. Ну, мы им объяснили так и так и сказали, чтобы они пришли завтра к 6 часам»[329]. Данные свидетельства говорят о том, что идеологические корни дня борьбы женщин за свои права не просто забывались, но и сами женщины периодически будто бы отчуждались от этого праздника вследствие специфики поведения некоторых мужчин.

В целом советские дневники показывают, что восторженность далеко не всегда была свойством восприятия советскими людьми праздника. Часто личные трагедии, бытовые неурядицы не позволяли радоваться празднику (даже как факту выходного дня), и никакая работа пропаганды не помогала людям отвлечься от личных проблем. Композитор и музыкальный педагог В.Швец тяжело переживает смерть своей матери и несколько лет на 8 марта делает записи о своих походах на кладбище. Очевидно, что праздничная атмосфера находится в диссонансе с его эмоциональным состоянием: «С утра небольшой туман. По радио – назойливые праздничные остроты»[330]. Примечательной оказывается история некой Н.Н., сотрудницы библиотеки (опубликовано анонимно), которая на протяжении длительного времени страдает от неразделённой любви к некоему В., находящемуся за пределами СССР, и смерти ребенка, которого отказался принимать этот мужчина. Праздничный день для нее всегда становится поводом для тяжелых воспоминаний и несбывшихся надежд: «8е марта самый тяжелый из всех праздников. От него ничего нет. И в сущности для меня это все. Год назад 9 марта я уже легла в больницу и начались мои хождения по мукам. И как это все далеко и непонятно ему. 22 марта был бы год моей девочке. А так она лежит в холмике»[331], «Еще одно 8е марта. От него, конечно, ничего нет. 2ой

---

[329]Красильников В. А. 8 марта 1968 // Прожито. URL: https://corpus.prozhito.org/note/601229 (дата обращения: 18.08.2023).

[330] Швец В. А. 8 марта 1967 // Прожито. URL: https://corpus.prozhito.org/note/81295 (дата обращения: 18.08.2023).

[331] Н. Н. Дневник // Прожито. URL: https://corpus.prozhito.org/person/2377 (дата обращения: 18.08.2023).

праздник […] У него есть кого поздравить. Жена, знакомые женщины…»[332], «Праздник. Мать меня била, при Галке […] Гадала на картах, у В. что-то не ладится там, в Руанде, наверно со здоровьем. Целый день плакала. Единственный луч света – В.»[333], «Послезавтра 8е марта, праздник тяжелый для одиноких женщин … Где-то бьется безнадежно надежда. А вдруг В. найдет меня»[334].

К событиям, омрачающим праздничное настроение (вне зависимости от интерпретации значения праздника), относится и участие советских граждан в Афганской войне: «Думали, праздничный день, отдохнем – не угадали»[335], - пишет участник военных действий лейтенант А.Н. Орлов. В целом, можно говорить о целом корпусе дневников военных и политических акторов, которые, находясь в Афганистане в день 8 марта, уделяют внимание специфике жизни и культурной среды афганских женщин.

Встречаются и шутливые выражения на тему контраста внимания к женщинам со стороны общества на 8 марта и в остальные дни. Б. Вронский публикует стихотворение, посвященное этому вопросу: «Наступает день ваш славный - / Вы сегодня равноправны […] И забывши нрав наш прежний, / С вами ласковы и нежны, / Потому что круглый год / Все идет наоборот. / Впрочем, очень может статься, / Это просто агитация»[336].

Исследованные материалы свидетельствуют о том, что в реальности лишь немногие авторы дневников относились к празднику 8 Марта со всей политической серьезностью. Одним из исключений является запись вернувшегося из эмиграции в СССР публициста Б.Н. Абрамова, известного своей остернизированной философией: «День Женщины 8-го марта отметим

---

[332] Н. Н. 8 марта 1969 года // Прожито. URL: https://corpus.prozhito.org/person/2377 (дата обращения: 18.08.2023).
[333] Н. Н. 8 марта 1971 года // Там же.
[334] Н. Н. 6 марта 1981 года // Там же.
[335] Орлов А. Н. Указ. соч. С. 152.
[336] Вронский Б. И. 8 марта 1965 // Прожито. URL: https://corpus.prozhito.org/note/293001 ; https://corpus.prozhito.org/note/565895 (дата обращения: 18.08.2023).

как явление, имеющее всепланетное значение. Эпоха Майтрейи есть Эпоха Женщины, и именно женщине предстоит иметь в ней решающую роль […] Много трудностей придется преодолеть на пути к этой победе. Но эволюция имеет свои задачи и свои пути их осуществления. Мужскому началу придется кое-чем поступиться и отказаться от некоторых привилегий»[337].

Среди авторов дневников замечен православный писатель, который выражает негативное отношение к празднику как к таковому, оценивая его с традиционалистских позиций: «Более идиотского праздника, чем 8 марта, уже не придумать. В нем все ублюдочно, начиная с распродажи лежалых товаров до оскорбительной подачки внимания женщинам раз в год. В их глупые головы вбивается дикая мысль о равенстве […] Эта идея уже разрушила семью и разрушает остатки мужественности. Нравственность подточена …»[338].

Отражение политического дискурса находится в записях В.В. Щастного, который периодически описывает проблемы алкогольной зависимости своей жены и свой переезд в дом-интернат ветеранов труда: «…я приостановил ведение картотеки в виду предстоящего перехода моего в дом пенсионеров. Прочитан журнал “За рубежом” № 45 1970 г. Путь Анджелы Дэвис. Террором, насилием, судебным произволом пытаются власти Америки подавить движение против американской агрессии в Юго-Восточной Азии, задушить всякое проявление инакомыслия»; - и запись 1971 г.: «Счастливо и жизнерадостно встретили свой праздник женщины, живущие в доме ветеранов труда, проводя свою старость в радость с большой благодарностью коммунистической партии и советскому правительству за свою заботу о людях…»[339].

---

[337] Крупин В. Указ. соч.
[338] Абрамов Б. Н. 8 марта 1970 // Прожито. URL: https://corpus.prozhito.org/note/668466 (дата обращения: 18.08.2023).
[339] Дневник Владимира Васильевича Щастного. С. 254, 260.

Таким образом, личные дневники советских граждан позволяют сделать вывод о различиях между монолитным официальным и пестрым повседневным уровнями дискурсов, о широком спектре представлений советских граждан о сущности и значимости женской эмансипации, символическим выражением которой было учреждение Международного женского дня.

Для дальнейшего раскрытия сущности гендерных ролей в советском обществе обратимся к исследованию семейных отношений советских граждан. Поскольку семейная политика была объектом пристального внимания советской власти в 1960-1980-х гг., исследователи часто проявляют интерес к гендерному измерению системы семейных отношений. Ж.В. Чернова пишет: «Женская политика и семейная политика, по сути, стали синонимами»[340]. Современные исследователи часто говорят о натурализации женской роли в советском обществе[341], что было продиктовано социальной политикой советского государства и, в целом, воспринималось женщинами как должное. Помимо того, что советское общество выдвигало к женщине требования становиться матерью, требования подразумевали еще и достаточно жесткие возрастные рамки. С 1941 по 1991 гг. в СССР существовал «налог на холостяков», которым облагались одинокие и семейные, не имеющие детей, граждане: мужчины в возрасте от 20 до 50 лет и женщины в возрасте от 20 до 45 лет[342]. Нормативность советского общества предполагала, что женщина должна следовать стандартному жизненному сценарию, включающему в себя материнство. Советские социологи отмечали различный подход при

---

[340] Чернова Ж. Семья как политический вопрос. С. 97–98, 103–104, 123–132, 161–164.

[341] Здравомыслова Е. А., Тёмкина А. А. Государственное конструирование гендера в советском обществе. С. 299–321.

[342] О налоге на холостяков, одиноких и бездетных граждан СССР : указ Президиума ВС СССР от 21.11.1941 // Ведомости ВС СССР. 1941. № 42.

вступлении в брак у мужчин и женщин[343]. Так, при небольшой (в два-три года) средней разнице в возрасте молодоженов, мужчины имели более высокий брачный возраст, что объяснялось большей заинтересованностью девушек в более раннем вступлении в брак, ориентации родителей девушки на более раннюю «выдачу» ее замуж, прохождением военной службы мужчинами и сдерживанием их родителями от ранних браков с ориентацией на получение образования и приобретение экономической самостоятельности. Неженатые мужчины подвергались общественному давлению, но в меньшей степени, чем женщины: «мужчина начинал восприниматься “старым холостяком” после 40, “старой девой” становились обычно к 30 годам»[344]. Брачные отношения были практически всеобщими, что подтверждают и данные переписи 1979 г. (только 1,9% мужчин и 4,0% женщин России в возрасте 45—49 лет никогда не состояли в браке)[345]. Г.И. Литвинова говорит о разнице между фактическим и юридическим браком, обращая внимание на количественное несоответствие, выявленное при переписи 1970 г.: число женщин, считающих себя состоящими в браке, на 1300 тыс. больше, чем мужчин[346]. В этом отношении уместным может быть наше предположение и об отчасти ложных данных, предоставленных женщинами при опросах, по причине желания соответствовать условной гендерной норме.

Советский исследователь Н.Г. Юркевич на материалах статистики 1960-х гг. по Белорусской ССР делает выводы о проблемах рождаемости, а также отмечает: «По данным медицинской науки, для женщины тем больше опасность остаться бесплодной, чем позже она выходит замуж. Чадородная функция, если она не начала осуществляться своевременно, может угаснуть.

---

[343] Жирнова Г. В. Указ. соч. С. 83–85,90, 92–97, 99,102, 107, 112.
[344] Казьмина О., Пушкарёва Н. Указ. соч. С.185–218.
[345] Там же.
[346] Литвинова Г. И. Надо ли повышать рождаемость? // Свет и тени прогресса : (соц.-демогр. пробл. СССР). М. : Сов. Россия, 1989. С. 63–142.

Кроме того, женщины, впервые становящиеся матерями к 27–30 годам, относятся медицинской наукой к так называемым старым первородящим»[347]. Н.Г. Юркевич является представителем исследователей, разделяющих позицию, нашедшую широкое отражение в публичном советском дискурсе – позицию, при которой находится однозначное обоснование необходимости государственного контроля семейных и брачных отношений.

Для характеристики социальных отношений между полами в конкретно-историческом контексте используется понятие «гендерный контракт»; под гендерным контрактом понимаются правила взаимодействия, права и обязанности, определяющие разделение труда по признаку пола в сферах производства и воспроизводства, а также взаимно ответственные отношения между женщинами и мужчинами[348]. Советский гендерный порядок может быть проанализирован как совокупность нескольких взаимосвязанных гендерных контрактов, а именно: официального (легитимного), повседневного (теневого, частного) и маргинального (нелегитимного). Официальным гендерным контрактом советского общества современные исследователи считают контракт «работающей матери», при котором оплачиваемый труд женщин в общественном производстве сочетается с выполнением функций воспитания детей и обеспечения быта; этот тип гендерного контракта поддерживался государственной политикой, идеологией и социальными институтами. Повседневный (теневой) гендерный контракт существовал за пределами сферы официального регулирования и охватывал область социального воспроизводства и потребления, а также гендерно-маркированных взаимодействий в повседневном функционировании семьи; он подразумевал ответственность женщины за воспитание детей, уход за пожилыми членами семьи и бытовое

---

[347] Юркевич Н. Г. Указ. соч. С. 140.

[348] Российский гендерный порядок: социологический подход : кол. моногр. / [отв. ред. Е. А. Здравомыслова, А. А. Тёмкина]. СПб. : Изд-во Европ. ун-та, 2007. С. 169–170.

обслуживание семьи. Правила повседневного контракта могли включать в себя такие не запрещенные, но и не одобряемые практики, как одинокое и внебрачное материнство, «расширенное материнство» (делегирование ухода за ребенком), фиктивное исполнение рабочих обязанностей, а также добрачные и внебрачные сексуальные отношения. Наконец, маргинальный (нелегитимный) гендерный контракт охватывал сексуальные роли, не связанные с воспроизводством (проституция, порнография, гомосексуализм и др.), существование которых в СССР замалчивалось на уровне официального дискурса и которые вызывали не только моральное осуждение, но и применение санкций вплоть до уголовного наказания[349].

Гендерные нормы могли различаться в зависимости от среды распространения. Так, к примеру, гендерный контракт работающей матери мог нарушаться в среде жен номенклатурных работников и элиты советского общества. С.Чуйкина говорит о различии между советской повседневной и официальной моралью в отношении к семейным отношениям: «С 1970-х годов в некоторых социальных средах добрачный сексуальный опыт стал нормой, тогда как официальная точка зрения оставалась прежней»[350].

Оставаясь в рамках типологии гендерных контрактов советского общества, предложенной современными исследователями, можно сказать о различных проявлениях сексуальности при реализации этих контрактов, но также о некоторой степени их взаимопересечения и смешения. На наш взгляд, справедливым является характеристика советского сексуального и гендерного порядка как многоукладного, во-первых, за счет регионального аспекта, во-вторых, стратификационного. Очевидно, что категория «городского» человека является максимально неопределенной и категоризация как аналитический прием в целом создает такие рамки, при

---

[349] Здравомыслова Е. А., Тёмкина А. А. 12 лекций по гендерной социологии. СПб. : Изд-во Европ. ун-та, 2015. С. 334, 342–344, 349–350 ; Российский гендерный порядок: социологический подход. С. 169–201.

[350] Чуйкина С. Быт неотделим от политики. С. 99–127.

которых практически каждый городской житель будет иллюстрировать своими стратегиями отклонение от нормы (поскольку в среде городских жителей можно выделить представителей разных поколений, разных профессий, различного территориального происхождения). Помимо этого, «сельский» человек также не представляет собой идентичности с едиными характеристиками. По словам Е.А. Кащенко, «сексуальное поведение во многом определяется принадлежностью к определенным социальным слоям, общностям и формациям. […] В советское время выходцы из деревень в своем половом поведении сохраняли некоторые элементы сексуальной культуры, привитые в детстве и юношестве. Они пытались привнести в сексуальную культуру городов патриархальность, сдержанность в поведении между мужчинами и женщинами»[351]. В то же время А. Роткирх, напротив, говорит о свидетельствах большей раскрепощенности в культуре сельских жителей[352].

А. Роткирх[353] и А. Тёмкина[354] делают выводы о поколенческом изменении в паттернах сексуального поведения советских людей и «поведенческом этапе» своеобразной сексуальной революции (изменения в сексуальном поведении без артикуляции их на уровне публичного дискурса, о чем пишет и Н.Л. Пушкарёва[355]). В качестве отличительных черт мужской и женской сексуальности и сексуального поведения авторы, ссылаясь на другие исследования (И.С. Кона, С.И. Голода), и интерпретируя интервью мужчин и женщин, чья сексуальная активность могла приходиться на 1960-1980-е гг., выделяют следующие: гендерные различия и двойной стандарт

---

[351] Кащенко Е. А. Указ. соч. С. 104–106.
[352] Роткирх А. Советские культуры сексуальности. С. 139.
[353] Роткирх А. Советские культуры сексуальности. С. 128–171.
[354] Тёмкина А. А. Сексуальная жизнь женщины: между подчинением и свободой. С. 33–37, 229–298 ; Её же. Половая жизнь в позднесоветском браке. С. 515–547 ; Её же. Новый быт, сексуальная жизнь и гендерная революция. С. 35 ; Здравомыслова О. М. «Постсоветская сексуальная революция»: история и современность. С. 10–16, 18–19.
[355] Пушкарёва Н. Л. Сексуальность в частной жизни русской женщины (X–XX вв.). С. 3–17.

поведения в сексуальной сфере обосновываются через риторику эссенциалистского подхода; в обсуждении половых и психологических различий женщина представлена в качестве реципиента сексуальных отношений, а мужчина — их инициатора[356]; на мужчину возлагается ответственность за качество половой жизни супругов; отсутствие внебрачных связей у женщины объясняется ее нагрузкой при выполнении семейных обязанностей, репродуктивная ответственность возлагается на женщину; женщины среднего класса получают особенно недостаточные сексуальные знания, для более молодого советского поколения (чья молодость приходилась на 1970-е – 1980-е гг.) характерно большее разнообразие паттернов сексуального поведения, что выражалось в некотором снижении требований к гендерным нормам; женская сексуальность теряла исключительно репродуктивный характер, но сохраняла двойной стандарт, сексуальность была представлена как иерархичная и поляризованная.

Многоукладность сферы советской сексуальной жизни подтверждается и спецификой бытовых и жилищных условий в позднем СССР. С одной стороны, учеными подтверждается тенденция приватизации частной сферы за счет развития жилищного строительства и широкого обеспечения граждан индивидуальным изолированным жильем. С другой стороны, смещение фокуса исключительно на эту тенденцию заставляет игнорировать важные факторы, влияющие на мужское и женское сексуальное поведение и гендерную дифференциацию домашнего труда, например, на особую форму повседневности, сформированную спецификой коммунального быта[357]. Тесное проживание с посторонними людьми, представителями разных поколений и социальных групп не могло не

---

[356] Яргомская Н. Трансформация сценария женского сексуального дебюта: «прощание с невинностью» и гименопластика. С. 290–292.
[357] Утехин И. В. Очерки коммунального быта. С. 114.

повлиять на гендерную культуру советских женщин и мужчин, чьи отношения находились в своеобразном «паноптикуме», где условными «наблюдателями» было и государство, и общество (в широком и узком смысле слова). «В коммунальной квартире любая манифестация индивидуализма, любое проявление чего бы то ни было необычного, необщего подвергались остракизму, как это было раньше в крестьянской общине»[358]. С похожими проблемами сталкивались и семьи, получившие отдельное жилье, но проживающие с детьми и родителями[359].

В целом поле повседневности и частных отношений становится областью, в которой проявляется разница между сферами «женского» и «мужского». Рассмотрим данное проявление на примере вопроса о высокой в сравнении с мужчинами бытовой женской нагрузке. И.Е. Калабихина среди сформулированных ей признаков гендерного равенства упоминает «сокращение разрыва в затраченном времени супругов на ведение домашнего хозяйства и уход за членами домохозяйства»[360]. Ж. Хайнен утверждает, что ни одна из стратегий, принятых Советским Союзом или государствами Восточной Европы, не ставит под сомнение ответственность женщин за домашний труд, а вместо этого они подтверждают традиционное разделение между государственной и частной сферами[361]. По утверждению Д. Харден, «двойное бремя» женщин было угнетающим, т.к. работа в домашней сфере рассматривалась как второстепенная по отношению к оплачиваемому труду, но в то же время препятствовала карьерному росту[362].

---

[358] Бойм С. Общие места. С. 191.
[359] Михель Д. Супружеская спальня: к святая святых современной семьи и от нее // Семейные узы. Модели для сборки : сб. ст. / [сост. и ред. С. Ушакин]. Кн. 1. М. : Новое литературное обозрение, 2004. С. 493–514.
[360] Калабихина И. Е. Указ. соч С. 3–16.
[361] Heinen J. Op. cit. P. 39–61.
[362] Harden J. Op. cit. P. 43–68.

Советский исследователь Д.М. Чечот[363] приводит таблицу соотношения мужской и женской инициативы в выполнении разных видов бытовых работ (оплата счетов, приготовление пищи, стирка и т.д.), где по всем параметрам с большим отрывом процент женщин, выполняющих эти обязанности, оказывается выше, часто в десятки раз. Мужчины, к примеру, согласно этим данным, практически никогда не занимались стиркой и глажением белья, менее пяти процентов случаев отводилось на ситуации включения мужчин в процессы приготовления пищи, покупки продуктов и выполнения уборки. Приблизительно с одинаковой частотой мужчины оплачивали счета и делали мелкий ремонт (28 и 27 % соответственно), однако и в этих сферах женщины брали инициативу в свои руки (47 и 50 % соответственно). В целях достижения объективности необходимо отметить, что при таких исследованиях, очевидно, важны характеристики группы респондентов. М.Н. Федченко[364], к примеру, анализирует данные подобного опроса среди негородских жителей и получает несколько другие численные показатели, согласно которым процент вовлеченности мужчин в домашние дела оказывается более высоким, но женская роль по-прежнему остается основной. «Мужским» сектором оказываются только ремонтные работы (62 % работы выполняется мужчинами), а в вопросе воспитания детей обязанности мужчин и женщин распределились в 44 и 51,9 процентов соответственно. Н.Г. Юркевич на материале 1960-х гг. тоже говорит об исследовании отношения супругов к вопросу распределения бытовых задач, отмечает, что 78,7 % анкетируемых согласны с тем, что если оба супруга работают, они должны нести одинаковую по объему нагрузку по ведению домашнего хозяйства и воспитанию детей, но при ответе на вопрос «будет ли полезно прямо сказать об этом в законе?», возражали 27,0 % мужчин и 4,7 % женщин: «Некоторые мужчины объясняли свое возражение словами “это

---

[363] Чечот Д. М. Указ. соч. С. 1–34.
[364] Федченко М. Н. Указ. соч. С. 158.

ничего не даст". Другие считали, что тогда жены будут чаще "приставать" с соответствующими требованиями, а это вызовет конфликты»[365].

Анализ данных опроса, опубликованных в 1974 г., позволяет сделать вывод о различиях в гендерном распределении бытовых обязанностей среди семей рабочих/сельских жителей и интеллигентов. В начале 1970-х годов в семьях первого типа муж по-прежнему играл роль главы семьи, но именно жена отвечала за семейный бюджет и контролировала расходы. В домах интеллигенции хозяйка дома брала на себя повседневные расходы, а муж принимал решения о более крупных статьях расходов или выборе места, куда поехать в отпуск. Обязанности, связанные с образованием, например, отводить детей в школу или следить за их успеваемостью, судя по всему, ложились в основном на женщин[366]. Таким образом, важным является замечание, которое делает Дж. Гибсон «до тех пор, пока сильные традиционные культурные факторы продолжают подчеркивать роль женщин как хранительниц дома и детей, изменения в половых ролях, которые считаются приемлемыми в школе и на рабочем месте, вероятно, будут происходить медленно»[367].

В целом советские исследователи видели пути возможного сокращения домашней нагрузки женщины в повышении уровня потребительских благ (напр., продажа доступных и качественных полуфабрикатов избавляет от необходимости домашнего консервирования продуктов), внедрении результатов научно-технической революции в сферу быта (стиральные машины, пылесосы и прочая бытовая техника сокращает время выполнения домашней работы) и расширении сети обслуживающих заведений, заменяющих домашний труд (заведения общественного питания, прачечные и химчистки как альтернатива домашнему труду). Однако если официальный

---

[365] Юркевич Н. Г. Указ. соч. С. 281.
[366] Mespoulet M. Women in Soviet society: Cahiers du CEFRES // Communism from the viewpoint of societies, Communism from the viewpoint of societies. 2006. № 30. P. 9–117.
[367] Gibson J. T. Op. cit. P. 209–218.

дискурс часто был пропитан технооптимизмом, то дискурс научный периодически такую постановку вопроса ставил под сомнение[368].

Множество советских социальных исследователей, ссылаясь на статистические данные, признавали, что обеспеченность советских семей стиральными машинами, пылесосами и холодильниками, по состоянию на 1970-е годы, хоть и растет, но не близится к 100%. И.А. Курганов находил причины этого в бюджетной политике СССР[369]. В СССР нереализованными оказались проекты широкого внедрения общепита в повседневную практику, что в значительной степени могло бы освободить женщину от необходимости приготовления пищи, а значит, большой части домашнего неоплачиваемого труда[370]. Производя комплексный анализ экономического развития советского общества на рубеже 1970-х-1980-х гг., Н. Митрохин говорит о катастрофическом отставании в потребительской и аграрной сферах, проявляющемся в логистике, маркетинге и дизайне; тем самым, заключает он, «демонстрировалась неспособность советской экономики обеспечить базовые потребности общества и производить, сохранять и доставлять достаточное количество товаров и продовольствия»[371]. М.Н. Федченко[372] пишет о таких явлениях, как снижение заработных плат работников некоторых отраслей (за 1970-е гг.), инфляция, проблемы с перераспределением товаров (в том числе и импортных) в ряде регионов СССР, выявление низкого качества продукции и манипулирование статистическими данными при определении показателей количества и качества потребления в СССР, фактическое неравенство покупательной способности советских граждан в эпоху так называемого «застоя» (об одном

---

[368] Новикова Э. Е., Языкова В. С., Янкова З. Л. Указ. соч. М., 1978 ; Груздева Е. Б., Чертихина Э. С. Труд и быт советских женщин. С. 11–145 ; Кузнецова Л. Н. Женщина на работе и дома. М., 1980.
[369] Курганов И. А. Указ. соч. Нью Йорк, 1968.
[370] Орлов И. Б. Указ. соч. С. 226–227.
[371] Митрохин Н. Указ. соч. С. 158.
[372] Федченко М. Н. Указ. соч. С. 123–132.

из фактических и символических проявлений неравенства пишет и А. Иванова на примере магазина «Берёзка»[373]). Тем не менее, уровень жизни в сравнении с предшествующими периодами по ряду показателей рос («в 1980-1985 гг. с учетом инфляции доходы населения выросли на 5 %. Однако в условиях дефицита на розничную продукцию этому росту еще нужно было найти применение. По данным западных специалистов, советская женщина ежедневно преодолевала в среднем 12-13 километров в поисках необходимых семье продуктов и товаров»[374].

Описанные экономические процессы не могли не повлиять на субъектность советских граждан – мужчин и женщин: «при брежневском режиме впервые легитимируется правозащитная практика “личных потребностей”, которые радикально признаются (в том числе номенклатурой) более важными, чем абстрактные “потребности общества” – личные одежда и квартиры, телевизоры и автомобили, охота и рыбалка, наконец, как уже было сказано, дружба и любовь»[375]. Несмотря на то, что общественный дискурс 1970-х – начала 1980-х гг. зачастую выражает презрение к «вещизму», «страсть к “добыванию” бытовой техники, одежды современного покроя, импортных “стенок” и продуктовых деликатесов охватила массы советских граждан в эпоху «брежневского застоя»[376], – говорят Б. Гладарев и Ж. Цинман. Еще в эпоху «оттепели» коммунистическая идеология самоограничения и уравнительства на всех уровнях общества вступила в конфликт со стремлением покупать товары для выполнения ими престижных социальных функций. Особенностью советского потребительства стали особые социальные практики повседневного потребления (маркируемые как женские)[377]. Именно женщины

---

[373] Иванова А. С. Указ. соч. М., 2017.
[374] Шубин А. В. Указ. соч. С. 149.
[375] Жеребкина И. Это сладкое слово… С. 17.
[376] Гладарев Б., Цинман Ж. Указ. соч. С. 195–197.
[377] Мищенко Т. А. Указ. соч. С. 63–69.

были теми, кто в большей степени ощущал сложности стояния в очередях и поиска нужных товаров (К.А. Богданова о советской очереди пишет: «при том, что в очередях как мужчины, так и женщины, очередь, прежде всего, ассоциируется с женщинами. […] Очередь – в глазах мужчины – атрибут женской субкультуры, проявление не индивидуальных, но неких коллективизирующих, родовых, “материнских” инстинктов»[378]). Сотрудницы некоторых предприятий имели возможность «добывать» покупки в рабочее время и во время обеденного перерыва, а также женщины могли иметь больше связей друг с другом, поскольку сектор услуг, как известно, был преимущественно женским. Женская потребительская стратегия в 1960-1980-х гг. отличалась от мужской особой активностью и компетентностью, о чем пишет Е.В. Стяжкина: «Мужчина-покупатель в советском магазине – объект анекдотический […] Поведение мужчины в магазине (или по приходе из магазина) можно расценивать как бунт, как акт неповиновения или (не)специально спланированные действия, направленные на то, чтобы укрепить женщину в осознании его, мужской, неспособности делать покупки»[379]. Интерес представляют и выводы, которые исследователь делает по вопросу неспособности мужчин выбирать себе одежду (и, стоит добавить, следить за ее состоянием): «Желание купить (сшить) себе что-то воспринималось как опасный сигнал, как знак неповиновения или, того хуже, знак возможности иной жизни»[380]. Также, по мнению автора, мужские сценарии участия в повседневной жизни имели больше отличий между собой, чем женские.

Е.В. Стяжкина говорит об образах «мещанки» и «бездуховного обывателя» как о виде гендерных и поведенческих ролевых моделей в

---

[378] Богданов К. А. Указ. соч. С. 418.
[379] Стяжкина Е. В. Указ. соч. С. 650–700.
[380] Там же.

советском обществе[381]. А. Юрчак также упоминает стереотипную модель советского обывателя, связанную, прежде всего, с одной из форм маскулинности: «Мужчине в советском контексте было легче иметь свободное время, посвященное личным интересам или общению, поскольку к нему в принципе предъявлялось меньше социальных требований по поддержанию домашнего быта, чем к женщине, особенно замужней. Это давало мужчинам больше свободы для экспериментирования с практиками вненаходимости»[382].

В целом гендерные различия в советском обществе могли проявляться в существовании своеобразных «мужских» и «женских» сфер: как на уровне профессиональном в некоторых видах деятельности наблюдалась гендерная диспропорция и сегрегация труда, так и на уровне повседневной деятельности, хобби, досуга, образа жизни, проявлялись гендерные перекосы. Специальные гендерно-окрашенные области быта становились теми сферами, в которых проявлялась специфика внешности, манер и поведения мужчин и женщин – то, что социолог И. Гоффман называл «гендерными дисплеями», которые, «как и прочие ритуалы, могут иконически отражать фундаментальные свойства социальной структуры»[383].

Поскольку биологические особенности являются чертой очевидных различий между мужчинами и женщинами, сферы деятельности, сконцентрированные на телесности и физической силе, часто становятся областью разграничения мужского и женского и в том числе областью дискриминации женщин. Е. Маурер пишет о событиях, связанных с гибелью женской группы советских альпинисток 1974 г. «Когда началось расследование погибших на Памире, советские власти (временно) запретили женским группам заниматься высотными восхождениями […] Но после

---

[381] Там же.
[382] Юрчак А. Указ. соч. С. 463–466.
[383] Гофман И. Гендерный дисплей // Введение в гендерные исследования. Ч. II : Хрестоматия / под ред. С. В. Жеребкина. Харьков : ХЦГИ ; СПб. : Алетейя, 2001. С. 331.

смерти 1974 года в Советском Союзе полностью исчезло женское высотное восхождение, как отмечали как советские, так и западные альпинистки»[384]. Говоря о своеобразных сферах мужского, необходимо, конечно назвать пространство улицы (в особенности, если речь идет о молодых мужчинах, юношах и подростках), разнообразные питейные заведения и в целом места, где можно было с сохранением некоторой степени приватности употреблять алкоголь, а также подвалы и т.н. «качалки», о которых пишет Д.Б. Громов, исследуя организацию особого мужского пространства для занятий любительским спортом (прежде всего, культуризмом) в позднем СССР[385].

Отдельной темой для современных исследователей является проблема выполнения мужчинами отцовских функций. Ж.В. Чернова говорит об особой модели советского отцовства, которая в период 1960-1980-х гг. переживала кризис, выражаясь в бытовой пассивности мужчин и «скрытой безотцовщине»: «Подтверждение депривации мужчин в сфере семьи и родительстве можно увидеть как в субъективных показателях (личностных переживаниях конкретных мужчин), так и в объективных (статистических данных о росте числа разводов, увеличении количества пьющих мужчин)»[386]. Относительно роли отца для детей в семье упомянуто также исследование 1987 г., согласно которому дети до 17 лет чаще готовы делиться переживаниями с матерями. Обновлению в советском законодательстве по вопросу установления отцовства уделяют внимание О.Е. Казьмина[387] и Н.Л. Пушкарева[388]. И.Н. Тартаковская отмечает, что с 1980-х гг. подвергается

---

[384] Maurer E. Gender in Détente and Disaster: Women Climbers in the Soviet International Pamir Camp 1974 // The International Journal of the History of Sport. 2020. № 37 (9). P.1–23.
[385] Громов Д. В. Качалка – место не для девчонок : организация мужского пространства на примере люберецких качалок 1980-х гг. // Российская повседневность в зеркале гендерных отношений : сб. ст. / [отв. ред. и сост. Н. Л. Пушкарёва]. М. : Новое литературное обозрение, 2013. С. 770–798.
[386] Чернова Ж. Модель «советского» отцовства. С. 138–169.
[387] Казьмина О., Пушкарёва Н. Указ. соч. С. 185–218.
[388] Пушкарёва Н. Л. Гендерный аспект «истории повседневности»: содержание и перспективы изучения. С. 8–23.

сомнению автоматическое оставление судом ребенка с матерью при разводе, а с 1970-х в общественном дискурсе проявляется тоска по традиционным гендерным ролям, обеспокоенность феминизацией мужчин и маскулинизацией женщин. Вопрос о маскулинизации женщин и феминизации мужчин был одним из тех, по которому журналисты высказывались особенно красноречиво[389]. «С одной стороны, женщины по-прежнему призывались ставить два своих главных предназначения – работу и материнство – выше отношений с мужчинами. С другой стороны, “естественное” доминирование мужчин и традиционная маскулинность также не подвергались сомнению»[390]. А.Е. Звонарева на основе анализа образа отца в позднесоветской журнальной периодике отмечает, что положительный образ «реального» отца (а не государственного лидера) представлен в 1950-1980-х гг. чаще, чем в предыдущий период, а важность роли отца в воспитании детей подчеркивается как особенно значимая: «Отрицательный образ в исследуемый период не исчез со страниц печатных СМИ и составил 8,6 %, тогда как в предыдущий период — 13,9 %. Наполнение данного образа следующее: пьянство, грубость, невыплата алиментов, невнимание к детским проблемам, отцовская некомпетентность»[391].

Указанная проблема позволяет поставить вопрос о гендерно окрашенном восприятии социальных девиаций в советском обществе. Хотя среди людей, страдавших алкогольной зависимостью, исследователи прежде всего называют мужчин, характеристика алкоголизма как исключительно мужского явления представляет собой гендерный стереотип: «В 1970-е гг. оно охватило студентов, школьников и даже женщин […] Женщины

---

[389] Attwood L. Op. cit. P. 166.
[390] Тартаковская И. Н. Гендерная социология. М. : Вариант, 2005. С. 131–132.
[391] Звонарева А. Е. Указ. соч. С. 64–73.

составляли более трети пьяниц и алкоголиков, молодежь — половину»[392]. Г. Карпова пишет о двойственном отношении к пьянству и о том, что в целом алкоголизм в сознании широкого круга советских граждан принял вид проявления «частной жизни человека»[393]. В свою очередь, можно отметить и особенности гендерного аспекта в специфической оценке проявлений алкоголизма. «В 1968 г. на основании проверки студенческих общежитий Политехнического института Смирнова с осуждением констатирует, что: “Многие девушки пьют и курят”, перечисляет необходимые для студентов просветительские беседы с врачами — терапевтом, невропатологом и “кожником”, а для девушек — также и “геникологом” (орфография и пунктуация автора сохранены), сетует на то, что студсовет не уделяет должного внимания “вопросам гигиены девушек и их поведения в быту (курение, пьянки)”»[394]. Если рождение и воспитание детей является той сферой деятельности, где интересы частного и общественного максимально соприкасаются, то именно эта сфера становилась полем для общественного порицания советских граждан как родителей. При этом можно предположить, что порицание женщин и мужчин имело несколько разную природу. Так, пьющие мужчины могли сталкиваться с социальными санкциями прежде всего в той степени, в какой их зависимость препятствует воспитанию детей женщинами (домашнее насилие по отношению к жене и детям, отсутствие стабильного заработка для содержания семьи). Женский же алкоголизм подвергается критике как таковой, поскольку несет в себе риски исключения женщины из семейных отношений в целом (не позволяет государству рассчитывать на репродуктивный и воспитательный ресурс, который воспринимался прежде всего как женский). Тем не менее, конечно,

---

[392] История России. XX век. Т. III. С. 240.
[393] Карпова Г. Указ. соч. С. 337–357.
[394] Цит. по: Черепанова Р. С. Дискурс частной жизни в позднем СССР. С. 95–98.

ошибочным будет утверждение о том, что мужское пьянство и пассивность в исполнении отцовской роли не находили общественного порицания.

Необходимо отметить также и сохранение норм своеобразного этикета, который не всегда впитывает идеи равенства и трансформируется с их учетом, а продолжает строиться на гендерных различиях, в особенности, различиях в степени допустимого в обществе мужчин совместно и отдельно от женщин. В этом ключе стоит упомянуть советский метаанекдот конца 1960-х гг., воспроизведенный А. Юрчаком, по сюжету которого в качестве экономии времени компания друзей решила пронумеровать анекдоты и называть только порядковые номера, не тратя время на пересказ анекдотических сюжетов: «кто-то начал: “15-й”, и все засмеялись. Другой подхватил: “74-й”, и все снова засмеялись. Но когда кто-то продолжил: “108-й”, повисло долгое напряженное молчание. Наконец кто-то смущенно произнес: “Как ты мог при женщинах такое рассказать?!”»[395]. В этом примере отчетливо прослеживается то, насколько разные позиции в юморе занимают мужчины и женщины – черты очередного гендерного стереотипа, в котором, во-первых, мужчина чаще выступает как актор, тот, кто сочиняет юмористические сюжеты и/или имеет преимущественное право на их воспроизведение, во-вторых, мужчина обладает особым знанием в сфере юмора, которое может (должно) быть недоступным для женщины (неуместным, непонятным, оскорбительным), при этом не теряя смеховые функции в среде мужчин. М. Смирнова, исследуя советские анекдоты, приходит к выводам о том, что «женщины и этнические меньшинства исторически были объектами юмора и лишь изредка субъектами […] Русская мужская точка зрения на анекдоты определяет женщину прежде всего по

[395] Юрчак А. Указ. соч. С. 539.

одной из трех ролей: домохозяйка, проститутка и/или козел отпущения (женщина, которая заслуживает насилия, совершенного над ней)»[396].

О гендерном дисбалансе в юмористической сфере может говорить и состав советских популярных юмористов, среди которых в конце 1960-х – начале 1980-х практически отсутствуют женщины, за исключением, пожалуй, одной только Клары Новиковой (если не учитывать женщин-актрис, которые периодически могли появляться в комедийных кино-жанрах). В целом рассмотрение области юмора и смеховой культуры через проблему поиска гендерных стереотипов раскрывает новые стороны жизни советского общества. Американский антрополог Н.Рис говорит о реакции советских людей на первую женщину-космонавта: «Десятки анекдотов, в том числе неприличных, которые ходили в России о Терешковой после ее космической одиссеи, показывают, что к претензиям женщин на равенство […] русские по большей части относятся с презрением»[397].

Искажение нормативных гендерных моделей, в свою очередь, часто соотносилось с элементами смеховой культуры. Например, мужчины могли выступать в качестве травести-юмористов, однако без кардинальных преображений облика, а женщины, погружаясь в «мужскую сферу», могли становиться предметом не только комедийных сюжетов, но и шуток и насмешек в быту. Так, Р. Кононенко пишет о том, что вождение автомобиля, несмотря на активное освоение женщинами управления техникой во время Великой Отечественной войны, в позднем СССР оставалось преимущественно мужским занятием, а образ женщины за рулем порой воспринимался как образ смешного водителя: «доля женщин – владельцев автомобилей в крупном советском городе конца 1970-х годов составляла

---

[396] Smirnova M. Multiple Masculinities: Gender Performativity in Soviet Political Humor // Men and Masculinities. 2016. Vol. 20, № 2. URL: https://www.researchgate.net/publication/289686897_Multiple_Masculinities_Gender_Performativity_in_Soviet_Political_Humor.

[397] Рис Н. Указ. соч. С. 44–45.

2,5 % […] Женщина за рулем в советское время была чем-то из ряда вон выходящим, особенным, не-повседневным»[398].

Затрагивая проблему внешнего вида и стиля одежды как основных визуальных маркеров гендера, стоит сказать, что современные исследователи часто обращаются к моде в гендерном измерении. Р. Арнольд пишет о пересмотре феминистками норм стиля одежды для женщин, а также консервативной реакции на отступление от гендерных норм во внешнем виде и в западных странах[399]. О влиянии социальных изменений на моду (как высокую, так и повседневную) пишут многие исследователи западной моды. Э. Холландер утверждает, что, несмотря на маркированность половых различий в послевоенной моде, в дальнейшем «возникло представление, что мода генерируется капиталистическим и патриархальным обществом для порабощения женщин незаметно для них самих. […] Поскольку равенство мужчин и женщин уже было провозглашено официально, новый способ ухода от этого романтического мифа заключался в том, чтобы заставить оба пола казаться идентичными — разумеется, с высоты мужской модели»[400]. В качестве проявления этих тенденций исследователи отмечают появление одежды в стиле «унисекс», а также внедрение элементов мужского костюма в женский гардероб. «Вплоть до XIX века более обычным было копирование мужской модой отдельных черт женской, а не наоборот, однако с мужским костюмом произошло обратное»[401]. В качестве социальных факторов влияния на моду европейского типа можно выделить демократизацию, идеологию феминизма, достижения НТР. В этом ключе на проблему смотрит К. Бар, которая говорит о студентках мая 1968 г., разрушающих каноны женственности поколения их «матерей», вовлечении женщин в спорт и освоении космического пространства: «В то время, когда манекенщицы

---

[398] Кононенко Р. Указ. соч. С. 358–371.
[399] Арнольд Р. Указ. соч. С. 125,127, 134, 139, 142.
[400] Холландер Э. Указ. соч. С. 130–135.
[401] Свендсен Л. Указ. соч. С. 61–66.

Куррежа выглядят так, словно они готовы осваивать лунную поверхность, Валентина Терешкова становится первой женщиной-космонавтом: в 1963 году она проводит больше двух дней в космическом пространстве, будучи одетой в комбинезон оранжевого цвета»[402]. Автор также говорит о политическом значении брюк, сформулированном Анджелой Дэвис.

Важное символическое значение приобретают и образы двух упомянутых женщин, В. Николаевой-Терешковой и А. Дэвис, встречавшихся в Москве в ходе совместной политической работы на конференции «Опыт решения женского вопроса в многонациональном государстве» 1972 г.[403] На фоне чернокожей коммунистки, угнетаемой политической системой США, особенно успешными выглядят как нашедшая профессиональную и семейную самореализацию советская женщина-космонавт[404], так и представительницы национальных республик, заседающие на профильных съездах[405].

Несмотря на то, что сюжеты В. Терешковой и А. Дэвис, как прямо, так и опосредованно, связаны с СССР, ряд российских исследователей придерживаются мнения о том, что демократизация оказала ограниченное влияние на советскую моду периода «оттепели» и затем «застоя». С одной стороны, идея равенства находила отражение в моде; так, Т.Л. Барандова и Е.А. Воронцова, анализируя советские фотоснимки из мира моды, приходят к следующему заключению: «Социалистическая модель авторитарно-

---

[402] Бар К. Указ. соч. С. 6, 198, 199, 200, 201–204.

[403] Терешкова Валентина Владимировна, лётчик-космонавт СССР и Дэвис Анджела, участница антивоенного движения и движения черных : фотография / автор съемки В. Володкин. М., 29.08.1972 // РГАКФФД. Ед. хр. 397696. URL: http://photo.rgakfd.ru/photo/227433641 (дата обращения: 20.08.2024).

[404] Терешкова Валентина Владимировна, лётчик-космонавт СССР и Попова Нина Васильевна, председатель Комитета советских женщин : фотография. М., июнь 1964 // РГАКФФД. Ед. хр. 114237. URL: http://photo.rgakfd.ru/photo/95629267 (дата обращения: 20.08.2024).

[405] Керимова Сурая Аббас-Кулу кызы звеньевая колхоза им. Тельмана Агдамского района : фотография / автор съемки Е. Шулепов. М., 04.11.1969 // РГАКФФД. Ед. хр. 295569. URL: http://photo.rgakfd.ru/photo/456550 (дата обращения: 20.08.2024).

эгалитарного режима проявлена в 1980 году, где главной пропагандистской идеологемой является социальное равенство и равноправие полов, а индивидуализация расценивается как эгоизм. Визуально транслируется равенство статусов и “партнёрский” вариант отношений»[406]. С другой стороны, советский вариант эгалитаризма не привел к полной унификации мужского и женского во внешнем виде, и даже, напротив, отмечались тенденции социального контроля за соблюдением гендерных нормативов. Например, женские рабочие и спортивные брюки были нормой, тем не менее, у ношения брюк были издержки: «в советской прессе конца 1960-х годов даже со стороны журналистов и экспертов моды, не говоря уже об обычных читателях, встречается осуждение женщин, которые появляются в брюках в публичных местах, на официальных и праздничных мероприятиях. Это считалось нарушением господствующих правил приличия»[407]. Часть норм поведения продолжала строиться на православной этике, несмотря на антирелигиозную партийную работу. И.С. Кон пишет о том, что партия вела борьбу против разрушения гендерных стереотипов, что выражалось в пересказанных исследователем случаях контроля над внешним видом мужчин. Автор приводит ситуации насилия над юношами, носившими длинные волосы, а также нормативного контроля над внешним видом работников телевидения, появлявшихся на экранах[408].

Некоторые исследователи, среди которых О. Вайнштейн[409] и И. В. Винниченко[410], говорят о своеобразном «советском» стиле, в эстетических основах которого – простота и скромность. Отмечаются социальные различия в одежде и то, что некоторые женщины и мужчины в условиях дефицита и достаточно строгих нормативных установок пытались

---

[406] Барандова Т. Л., Воронцова Е. А. Указ. соч. С. 41–60.
[407] Журавлев С. В., Гронов Ю. Указ. соч. С. 352.
[408] Кон И. С. Клубничка на березке. М., 1997.
[409] Вайнштейн О. Указ. соч. С. 30–40.
[410] Виниченко И. В. Мода в условиях социализма. С. 168–171.

формировать свой индивидуальный стиль[411]. «Одни вещи, являясь проводником господствующих в социуме идеологических догм, помогали создать образ женщины, который соответствовал идеям власти. Другие – давали возможность женщине выделиться на фоне окружающего ее единообразия»[412]. Как показывают данные роста производства отдельных товаров легкой промышленности с 1960-х до 1980-х гг.[413], такое изменение в стратегиях потребления могло быть возможным. Как, в целом, отмечают А. Роткирх и А. Тёмкина, в официальном дискурсе идея женственного внешнего вида появляется в 1930-х годах и находит широкое распространение в 1970-е годы; в советском кинематографе и литературных произведениях становится популярной романтизированная женственность[414].

Таким образом, сопоставление официального дискурса с повседневными бытовыми практиками позволяет выявить противоречивость советских гендерных моделей (образцовых и реальных). Постановка проблемы исследования гендерной культуры, стереотипов, системы и т.д. в значительной степени расширяет материал истории повседневности и микроистории. Исследование гендерной культуры советского человека в сфере быта, повседневности и брачно-семейных отношений позволяет прийти к следующим выводам.

Период середины 1960-х – начала 1980-х гг. становится временем, когда меняются типы взаимосвязей между обществом и государством, частными и публичными отношениями; данный период характеризуется тенденцией «приватизации» частно-семейных отношений при сохранении и

---

411 Виниченко И. В., Лашина, И. В. Указ. соч. С. 48–56.
412 Виниченко И. В. Советская повседневность 50-х – середины 60-х гг. XX века. Омск, 2009 ; Виниченко И. В. Исторические практики трансформации женского образа в советском обществе. С. 162–174.
413 Федченко М. Н. Указ. соч. С. 129, 131.
414 Роткирх А., Темкина А. Советские гендерные контракты и их трасформация в современной России. С. 169–201.

периодическом использовании механизмов вмешательства государства в вопросы личного и личностного планов.

Историография вопроса содержит устоявшееся разделение гендерных контрактов на типы с такими условными обозначениями, как «официальный/легитимный», «повседневный/теневой/частный» и «маргинальный/нелигитимный». Несмотря на целенаправленность семейной политики советской власти с отражением в ней основ марксистско-ленинской идеологии, сфера брачно-семейных отношений откалывалась от сферы публичной, что проявлялось в различиях между официальными и повседневными гендерными контрактами.

Социально-экономические факторы оказывали влияние на быт и повседневность, а также гендерную структуру советского общества, на гендерные модели и роли, механизмы их реализации. Быт мужчин и женщин подразумевал ряд практических и символических различий, которые рассматривались как нормативные, однако допускали модификации и отклонения.

Социально-бытовые условия оказывали влияние на гендерные и сексуальные сценарии и в целом характеризуются противоречием двух тенденций. С одной стороны, наблюдалось улучшение бытовых и жилищных характеристик жизни советских граждан. С другой стороны, сохранялись дефицитные явления, распространение благ характеризовалось неравномерностью.

Разграничение «мужского» и «женского» базировалось не только на социально-экономических факторах, но и на гендерных стереотипах. Сферами «мужского» и «женского» становились области отношений, деятельности и интересов, в том числе потребительская культура, бытовые функции и поведение.

Эго-документы и материалы устной истории являются важными источниками, свидетельствующими о формировании и распространении

стереотипных гендерных ролей и моделей в позднесоветском обществе. Анализ выявленных материалов показывает, что политический дискурс мог находить отражение в мировоззрении советских граждан, но при этом личностная позиция субъекта могла быть выстроена оппозиционно по отношению к нему. Частым проявлением становится обособление частного уровня дискурса от дискурса политического.

Разница между типами гендерных контрактов была обусловлена разницей социальной среды их распространения, т.е. нормами допущения тех или иных поведенческих бытовых и/или сексуальных практик. Разграничение между типами гендерных контрактов не подразумевало безапелляционной жесткости: один и тот же субъект мог реализовывать более одного типа гендерного контракта.

Области брачно-семейных и сексуальных отношений являются теми сферами, в которых гендерные противоречия и стереотипы находят специфические наиболее яркие отражения. Отношение мужчин и женщин к сексуальности, браку, семейным и бытовым ролям имело различия, в том числе обусловленные поколенческими факторами. Основная тенденция, наблюдаемая исследователями, заключается в относительной либерализации брачных отношений, что характеризуется как недискурсивное выражение сексуальной революции. Однако сохранение господствующих ранее (в том числе и в дореволюционную эпоху) мировоззренческих установок не позволяет сделать вывод о тотальном перерождении брачно-семейных и сексуальных отношений в позднесоветском обществе. Гендерные различия в выполнении родительских обязанностей проявлялись особенно ярко и специфично. Помимо существовавшего представления о необходимости гендерной дифференциации семейного труда, существовала фактическая диспропорция в выполнении семейных родительских обязанностей.

ГЛАВА 2. РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ МОДЕЛЕЙ ФЕМИННОСТИ И МАСКУЛИННОСТИ В СОВЕТСКОЙ КУЛЬТУРЕ

2.1. Гендерные стереотипы в системе советского образования и воспитания детей и подростков

Ответ на многие вопросы, связанные с характеристикой гендерной политики, половых взаимоотношений и культурно-мировоззренческих установок в советском обществе позднего периода, на наш взгляд, можно найти, определив сущность распространенных в данном социуме стереотипов феминности и маскулинности.

С точки зрения современной исторической науки исследование существовавших ранее в обществе стереотипов мужественности и женственности становится возможным благодаря применению гендерной теории и методологии. Учитывая, что гендерные стереотипы могут транслироваться с помощью разных каналов и методов (через текст, через изображение, при непосредственном общении), а также могут находить разные выражения, в настоящем исследовании мы обращаемся к репрезентации моделей феминности и маскулинности в системе советского образования и воспитания подрастающего поколения, в печатных СМИ, а также в наиболее популярной отрасли массовой культуры – кинематографе.

В обществах Новейшего времени отмечается утрата семьей и церковью гегемонии в выполнении функции по передаче культурного наследия молодому поколению и резко возрастает значение социального института образования[415]. Школа, в особенности если говорить о школе в советском обществе, является мощным механизмом социализации. В условиях, когда

---

[415] Некрасов С. Н. Частное и общественное при переходе от индустриального к информационному обществу // Частное и общественное: гендерный аспект : материалы Четвертой Междунар. науч. конф. РАИЖИ и ИЭА РАН. Т. 2. М. : ИЭА РАН, 2011. С. 551–552.

школа берет на себя не только образовательные, но и воспитательные функции, большая роль в формировании гендерной культуры подростков отводится процессу образования. СССР как социалистическое государство с недемократическим политическим режимом, предоставляя высокий уровень социального обеспечения граждан относительно капиталистических стран с рыночной экономической системой, так или иначе, пытался взять на себя многие функции, которые прежде должна была выполнять семья. Факт высокого влияния системы образования на процесс социализации молодежи может быть серьезной причиной для того, чтобы рассматривать отношения, возникающие в системе образования предметом для исследования гендерных стереотипов.

Школьное образование, будучи сложно организованной социальной системой, включает в себя ряд взаимосвязанных компонентов. Среди элементов системы школьного образования стоит выделить, во-первых, кадровый профессиональный (педагогические работники как субъекты педагогической деятельности), во-вторых, ценностно-идеологический (как компонент содержания образования), в-третьих, методический (приемы, технологии, методы, способы обучения). Е.Р. Ярская-Смирнова в этом ключе отмечает: «Помимо явно выраженного учебного плана, существует так называемый скрытый учебный план, который упрочивает сексистские определение женщин и мужчин. Скрытый учебный план — это, во-первых, организация самого учреждения, гендерные отношения на работе, гендерная стратификация учительской профессии. Во-вторых, сюда относится содержание предметов, а в-третьих, стиль преподавания»[416]. А.В. Смирнова ранжирует школьные каналы гендерной социализации по степени влияния. Так, по ее мнению, в большей степени влияют на усвоение стереотипов учителя, затем важна фигура директора, определяющая стратегию развития школы, следующим по значимости каналом являются учебники и, наконец,

[416] Ярская-Смирнова Е. Р. Указ. соч. С. 295.

социальная структура и организация физического пространства учебного заведения[417].

Об организации учительского труда и гендерном устройстве в советских школьных трудовых коллективах говорит Н.А. Белова в работе, посвященной повседневности советских учителей. Автор отмечает гендерное неравенство в заработных платах для учителей и директоров начальных и средних школ, что становится причиной ускоренной «феминизации» малооплачиваемых секторов: «Значительно меньше процент женщин директоров был среди учителей в школах 7-8 летнего образования. К 1976 году удельный вес женщин-директоров составлял всего 33%, но в данных учебных заведениях была высокой доля заместителей директоров среди женщин – 65%. Еще меньше женщин было в составе директоров средних школ, в 1938 году их было 18,2%, в 1976 году их стало – 29%»[418]. Проблема профессиональной подготовки и образования всех уровней заслуживает отдельного внимания в исследованиях гендерной структуры советского общества. Л.Н. Кузнецова, говоря о том, что «женский вопрос решен», тем не менее затрагивает тему «феминизации» некоторых профессий, в частности, медицинского персонала и педагогов и вступает в спор с теми, кто считал это явление «издержками»: «Значит ли это, что женщины вообще “плохие” педагоги и врачи? Или это значит, что женщины привносят в любую сферу деятельности свой стиль, свой метод работы и общения, а уже от него – те самые “издержки”? А вдруг мы придумываем “издержки” там, где их нет?»[419]. Однако, как известно из анализа научного советского дискурса, проблема различия в заработных платах находила отражение в работах советских исследователей нечасто.

Если затрагивать вопрос методики преподавания и педагогических подходов, то стоит сказать, что интерес к полу (и гендеру) даже в

---

[417] Смирнова А. В. Гендерная социализация в общеобразовательной школе. С. 13–14.
[418] Белова Н. А. Указ. соч. С. 57–59.
[419] Кузнецова Л. Н. Женщина на работе и дома. М., 1980.

современной педагогической науке и практике наталкивается на противоречие, отраженное в разных направлениях феминистской мысли. Можно сказать, что часть феминистских концепций и воззрений могут строиться на унификации и отождествлении мужского и женского. Их центральная идея может заключаться в следующем: если суть проблемы гендерного неравенства лежит в различиях между мужчинами и женщинами, значит, эти различия необходимо по возможности преодолеть или в ряде случаев в принципе игнорировать. Другие феминистские модели борьбы с системой патриархата и гендерным неравенством напротив, подразумевают обращение к уникальному женскому опыту. В этом случае и женщина, и мужчина оказываются особенно важными как личности и как субъекты. На этом понимании строится и концепция второй волны феминизма на Западе, выраженная в одном из самых популярных лозунгов «Личное есть политическое» К. Ханиш[420]. Так, с одной стороны, концентрация внимания на уже сложившихся биологических и социальных отличиях между полами создает основу для распространения гендерных стереотипов. С другой стороны, уравнительный подход в воспитании женщин и мужчин может характеризоваться негативно. По аналогии с гендерно-чувствительной и гендерно-нечувствительной политикой педагогика может отличаться внимательностью к половым и гендерным особенностям обучающихся, а может быть «бесполой». Л.В. Штылёва в исследовании, посвященном гендерному подходу в образовании, делает вывод: «Чтобы предоставить разным группам равные возможности доступа, необходим учет различий в положении и специальные меры выравнивания в пользу ущемлённой группы»[421]. В то же время, приводя аналогию с семейным советским законодательством, мы видим, как попытка выравнивания гендерного дисбаланса, вызванного репродуктивной способностью женщины, приводит

---

[420] Ханиш К. Указ. соч. С. 16–21.
[421] Штылева Л. В. Указ. соч. С. 32.

к отчуждению мужчины от выполнения родительских функций, тем самым усугубляя неравенство в распределении родительских обязанностей.

Цели образования, сформулированные государственной властью, всегда являются непосредственным отражением государственной политики. По замечанию феминистского философа Р. Брайдотти: «власть обозначает сложный набор взаимоотношений между производством знания, конструированием идентичности и материальными социальными условиями[422]. Очевидно, что значение имеет не только официальная доктрина: особенно важной становится реализация официально установленных принципов или же сопротивление им в среде субъектов педагогической деятельности. Тем не менее, условия ограниченной политической свободы и ограниченности свободы слова в значительной степени затрудняют исследование разного рода отклонений от официальной риторики в дискурсивных практиках системы образования. Иными словами, гендерные стереотипы могут проявляться на разных этапах образовательного процесса и принимать разнообразные (как очевидные, так и скрытые) формы. Наиболее наглядными источниками фиксации этих стереотипов выступают печатные учебные материалы, в частности, учебники, методические пособия, педагогическая литература.

Для данной части исследования особенный интерес представляет то, в каком виде учебная и научно-популярная педагогическая литература, изданная в 1970-е гг., отражала сложившиеся в советском обществе представления о гендерных ролях. В целом, даже при поверхностном знакомстве с учебниками, изданными в 1970-х гг. можно отметить очевидные концептуальные особенности изложения информации, в том числе особенности, которые необходимо учитывать при проведении гендерной экспертизы данного учебного материала. Первой такой особенностью является логично встроенное в коммунистическую идеологию семантическое

---

[422] Брайдотти Р. Указ. соч. С. 16.

преобладание общественного над личным. Выражается это и в особенном подборе текстового и иллюстративного материала, и в постановке дискуссионных вопросов к учебным заданиям. Общая очевидная особенность изложения учебного материала в советских школьных учебниках заключается в том, что даже при обилии тем, казалось бы, максимально отвлеченных от проблемы «женского» и «мужского» (проблемы индивидуального в принципе), тексты и иллюстрации все же в некоторой степени могут отражать стереотипные представления о гендерных ролях. Это в значительной степени может подтверждать гипотезу о том, что решённость «женского вопроса» в советском обществе была иллюзорной.

Для проведения гендерного анализа были взяты учебники по предметам преимущественно гуманитарного цикла (русский язык/родная речь/родное слово/чтение и т.п., история и обществоведение). За основу была взята методика проведения гендерного анализа школьных учебников, описанная кандидатом социологических наук А.И. Смирновой[423]. О методике проведения гендерного анализа школьных букварей писали Т.В. Барчунова[424], С.Л. Рыков[425] и другие исследователи в области педагогики, психологии и социологии. В основу выделения смысловых единиц анализа была положена обозначенная в научной литературе классификация гендерных стереотипов. В настоящем исследовании гендерных стереотипов приоритет отдавался не количественным, а качественным индикаторам. Целью качественного анализа было объяснение причин присутствия некоторых индикаторов явлений и механизмов их изменений на протяжении времени в зависимости от различных социально-исторических обстоятельств. Анализу подвергался текстовый и иллюстративный материал, с которым на школьных занятиях могли быть

[423] Смирнова А. В. Учимся жить в обществе. С. 9–10.
[424] Барчунова Т. В. Указ. соч. С. 133–155.
[425] Рыков С. Л. Указ. соч. С. 83–89.

ознакомлены школьники 1970-х годов разных возрастов, в том числе и школьники с ограниченными возможностями здоровья.

Сюжеты повседневной жизни в большей степени отражены в материале учебников по предметам, развивающим речевую и читательскую культуру у младших школьников (1-4 классов) – подразумеваются так называемые книги для чтения. Именно на их материале можно сформировать некоторое представление о наличии или отсутствии в советском обществе гендерной сегрегации труда, распределения домашних обязанностей и социальных ролей. Так, стоит заметить, что иллюстрации, изображающие процесс выполнения подростками ежедневных бытовых функций (мытье посуды, уборка дома, приготовление еды и т.п.) достаточно часто включают в себя образы как девочек, так и мальчиков. Тем не менее, процесс приготовления пищи с образами мужчин/мальчиков, как правило, не связывается (Приложение 1) [426].

Выполнение деятельности, связанной с каким-либо техническим творчеством или ремонтом, часто соотносится с мужскими образами. Именно мальчики и мужчины на иллюстрациях занимаются инженерными расчетами, изготавливают и ремонтируют предметы быта[427]. Очевидно, что это связано и с особенностями преподавания предмета прикладного характера, известного большинству советских школьников как «Труд». Гендерная сегрегация при проведении этих уроков не ограничивалась лишь физическим разделением групп по половому признаку, а также подразумевала преподавание курсов разной направленности. В методическом пособии по преподаванию «обслуживающего труда» в школе автор сначала говорит о том, что «в процессе трудового обучения элементы электротехники и машиноведения в

[426] Васильева М. С., Горбушина Л. А., Никитина Е. И., Оморокова М. И. Указ. соч. С. 135.
[427] Васильева М. С., Горбушина Л. А., Никитина Е. И., Оморокова М. И. Указ. соч. С. 148–149 ; Индеева Р. М., Исачкова В. Г. Указ. соч. С. 145.

принципе даются в одинаковом объеме девочкам и мальчикам»[428]. Затем, раскрывая содержание предмета, автор употребляет феминитивы («школьницы» и «ученицы»), когда речь идет об обучении шитью и кулинарии. С.В. Поленина, оценивая эту ситуацию, пишет: «школьные уроки по труду и домоводству не предусматривают равного овладения всеми необходимыми по дому работами, как мальчиками, так и девочками. Излишне ориентирована на половой признак профессиональная специализация школьников. Недостаточно скоординированы в вопросе подготовки мальчиков и девочек к будущей семейной жизни усилия семьи и школы»[429]. В.П. Петрунек и Л.Н. Таран в работе «Младший школьник», с одной стороны, замечают проблему разницы в социализации мальчиков и девочек, большей приученности девочек к выполнению кропотливого труда, что сказывается на разнице в успеваемости, но с другой стороны, сами рекомендуют организовывать разную деятельность для детей разного пола: «Не только игры, но и многие домашние работы, требующие повышенной сосредоточенности, могут оказать благотворное педагогическое воздействие. Для мальчика, например, самому, хоть и под руководством отца, «сколотить» полку для учебников. А для чересчур подвижных девочек — кройка, шитье, вязание, вышивка …»[430].

Широкое участие женщин в советском промышленном производстве является основой для критики советскими авторами западных либеральных общественных моделей, которые подразумевали появление активных феминистских групп, но, тем не менее, не могли решить проблему экономической независимости женщин. Предоставление трудовых прав женщинам с последующим их вовлечением в производство – действительно важнейший шаг на пути к построению справедливого гендерного порядка. В

---

[428] Фомина Н. К. Указ. соч. С. 1–8.
[429] Поленина С. В. Указ. соч. С. 203–218.
[430] Петрунек В. П., Таран, Л. Н. Указ. соч. С. 50, 70–74.

то же время на примере советского общества мы видим, что эти меры не решают проблему гендерных стереотипов и гендерного неравенства в полной мере. Ярким примером является следующий факт. В одной из книг для чтения 1979 года для учащихся 4 класса помещен текст, посвященный 8 марта. В тексте описана история знакомства дочери с рабочим местом своей матери. «Вот здесь я и работаю, - услышала Светлана мамины слова. – У нас на фабрике делают материю, из которой потом шьют ребятам красивые платья»[431]. На первый взгляд, смещение акцента на трудовую деятельность женщины действительно является признаком того, что стереотип о женщине-домохозяйке в сознании советского гражданина искоренен, однако проблему сегрегации труда это не решает. Иными словами, занятость женщины именно в отрасли легкой (в данном случае текстильной) промышленности наводит на вопрос о том, почему «мама Светы» не работает в промышленности тяжелой, не является руководителем или, к примеру, не работает в милиции? Таким образом, данный источник, как и другие, содержит в себе иллюстративный материал, на котором, с одной стороны, женщина может сидеть за рулем трактора, с другой стороны, не может руководить, заниматься научной разработкой или нести военную службу как, к примеру, мужчины со страниц учебника немецкого языка[432].

Мальчики и девочки в советских учебниках исследуемого периода наделяются разными качествами: к примеру, девочки представлены, как правило, более аккуратными и старательными, а мальчики – неряшливыми и менее ответственными. В рассказе «Про Лену Фокину» С. Могилевской сказано, что девочку уважают в классе не только потому, что она отвечает на одни пятерки, но и потому что она самая аккуратная, «воротничок и манжеты всегда белоснежные, накрахмаленные». Следующий за данным текстом в этом разделе рассказ «Кляксы» С. Баруздина повествует о мальчике, который

---

[431] Смирнова З. Н., Морозова Н. Н. Указ. соч. С. 136–137.
[432] Валл Я. И. Указ. соч. С. 84–85.

снова получает «двойку»[433]. В этом примере мы снова можем наблюдать разделение гендерных ролей и формирование стереотипов поведения как для девочек, так и для мальчиков. Данное замечание кажется нам особенно важным. Л.В. Штылева на предмете исследования гендерных отношений в постсоветской России замечает, что учителя в принципе по-разному общаются с мальчиками и девочками в одном и том же контексте школьного образования[434]. В своём исследовании повседневного общения учителей с учениками А.В. Смирнова приходит к выводам о том, что «учителя воспроизводят гендерную дифференциацию с помощью следующих технологий: по поводу учебной деятельности чаще общаются на уроках с учащимися того пола, на кого, по их мнению, ориентирована данная дисциплина; на занятии учащимся того пола, для которых, по мнению учителя, этот предмет более важен, предлагают более сложные задания; мальчикам дают больший положительный отклик в случае правильного ответа и большую поддержку и возможность реабилитироваться в случае ошибки; пресекают малейшие нарушения дисциплины со стороны девочек и обращают внимание только на серьезные нарушения мальчиков; предъявляют санкции за выкрик с места, сделанный ученицей, и нейтрально относятся к такому поступку ученика; дают разные поручения мальчикам и девочкам»[435]. Несмотря на то, что А.В. Смирнова проводит работу на материале данных постсоветского образования, гипотеза о различии в воспитательных практиках и нормах, применяемых советскими учителями, не может быть отвергнута, несмотря на официальный дискурс, отражающий ценность идеи равенства, и подтверждается данным типом изложения материала.

---

[433] Индеева Р. М., Исачкова В. Г. Указ. соч. С. 207, 213.
[434] Штылева Л. В. Указ. соч. С. 100.
[435] Смирнова А. В. Учителя как агенты гендерной социализации. С. 37–49.

Наряду со всеми отмеченными данными необходимо также подчеркнуть и традиционно существующую в школьных учебниках диспропорцию в количестве упоминаний женских и мужских образов. Это касается иллюстративного материала (пол на иллюстрациях можно идентифицировать по длине волос, прическе, фасону одежды), это касается и материала текстового. Особенно часто это можно отметить в учебниках по истории[436]. «Факт очередной диспропорции в частоте обращения к историческим фигурам мужского и женского пола демонстрирует традиционное описание публичной истории как “истории мужчин”. Проблема гендерного дисбаланса в репрезентации образов женщин на страницах школьных учебников по истории вытекает из общеисторической методологической проблемы игнорирования учета данных микроистории при составлении учебного материала»[437]. Если считать 1970-е годы временем зарождения микроистории в мире, то очевидно, использование данной методологии было естественным образом невозможным. Помимо того, в учебниках 1970-х годов по идеологическим причинам вопросы частной жизни в изучении событий прошлого не могли быть отражены, так как это противоречило основной концепции понимания истории через категорию «классовой борьбы».

В учебнике по обществоведению для выпускных классов, который несколько раз переиздавался на протяжении 1970-х гг., внимание вопросу семьи и брака уделяется в пункте с одноименным названием. В тексте высказано презрение к бракам по расчету в советском обществе, а также говорится об освобождении женщины и предоставлении ей равных прав с мужчиной: «Плечом к плечу с мужчиной женщина активно участвует в

---

[436] Голубева Т. С., Геллерштейн Л. С. Указ. соч. М., 1971, 1974 ; Федосов И. А. Указ. соч. М., 1974 ; Новейшая история (1917–1939 гг.) : учеб. для девятого кл. сред. школы / под ред. В. К. Фураева. М., 1975 ; Новейшая история (1917–1939 гг.) : учеб. для десятого кл. сред. школы / под ред. В. К. Фураева. М., 1976.

[437] Губанова Т. С. Гендерные стереотипы в современных российских школьных учебниках по истории и обществознанию. С. 116.

коммунистическом строительстве. Перед нею широко открыт мир общественных интересов. В результате исчезла основа экономической и духовной зависимости жены от мужа. Тем большее значение приобрели нравственные и идейные основы семьи: любовь, дружба, взаимное уважение и искренность супругов, общность их взглядов и интересов, трудолюбие, забота о детях»[438].

Однако даже при обилии тем, казалось бы, максимально отвлеченных от проблемы «женского» и «мужского» (как и от проблемы индивидуального в принципе), тексты и иллюстрации все же могут отражать стереотипные представления о гендерных ролях. Одним из результатов гендерного анализа школьных учебников становится выявление диспропорции в количестве упоминаний женских и мужских образов. Это касается, прежде всего, текстового материала учебников по истории. К примеру, в учебнике В.К. Фураева[439] по курсу Новейшей истории 1917-1939 гг. крайне редко упоминаются женщины. Одной из немногих упомянутых стала Роза Люксембург, имя которой было обозначено исключительно инициалом и упомянуто в тексте наряду с Карлом Либкнехтом. Не исключено, что некоторые учащиеся при таких обстоятельствах могли воспринимать фамилию революционерки в мужском роде. Из 22 иллюстраций учебника (за исключением карт, схем и диаграмм) только две изображают известных женщин: Клару Цеткин и Долорес Ибаррури. В целом, диспропорция в частоте обращения к персоналиям мужского и женского пола иллюстрирует традиционное описание публичной истории как «истории мужчин», а также характерное для советской идеологии понимание истории через категорию классовой борьбы.

---

[438] Обществоведение : учеб. для выпускного кл. сред. шк. и сред. спец. учеб. заведений / Г. Х. Шахназаров (рук.), А. Д. Боборыкин, Ю. А. Красин, В. В. Суходеев. М. : Политиздат, 1978, 1982. С. 283.

[439] Новейшая история (1917–1939 гг.) : учеб. для девятого кл. сред. школы / под ред. В. К. Фураева. М., 1975.

Поскольку иллюстративный материал особенным образом влияет на восприятие информации обучающимися, появляется необходимость обратиться и к его анализу. К примеру, учебник по истории СССР для 10-го класса под редакцией М.П. Кима[440] особым образом репрезентирует образы мужчин и женщин. Всего в учебнике представлено 60 иллюстраций (схемы, графики и карты не учитываются). 21 иллюстрацию из них можно отнести к явно деперсонифицированным, т.е. изображающим снимки неодушевленных объектов или скопления людей, трудноразличимых в гендерном отношении. 20 иллюстраций содержат изображения женщин (чаще всего совместно с мужчинами – приблизительно 16 из 20). Иллюстраций, содержащих изображения мужчин, – 35, из которых 19 изображают исключительно мужчин, 17 изображают в том или ином виде мужчин в военной форме, с оружием и военной техникой. По-видимому, причина милитаризированного отображения мужских персонажей заключается в особенности хронологических рамок курса, которые включают период Великой Отечественной войны как самого значимого для советского общества события изучаемого периода. Женщина представлена чаще либо в качестве жертвы (Приложение 2), либо провожающей или встречающей воинов, либо занятой в промышленном производстве (в том числе под руководством мужчины) (Приложение 3).

Гендерные стереотипы часто связаны с представлением, что социальное лицо женщины определяется ее принадлежностью к сфере социального воспроизводства. Материалы учебников и учебных пособий для младших школьников, содержащие большее количество ярких образов, подтверждают особое внимание советского общества к материнской функции женщины. Так, например, учебная книга «Рассказы по истории СССР»[441],

---

[440] История СССР (1938–1978 гг.) : учеб. для 10-го кл. / [П. И. Потемкин, В. М. Балев, И. Б. Берхин, М. П. Ким] ; под ред. М. П. Кима. М. : Просвещение, 1979. 255 с.
[441] Голубева Т. С., Геллерштейн Л. С. Указ. соч. М., 1974.

рассчитанная на преподавание пропедевтического курса истории младшим школьникам 4 класса, наполнена красочными иллюстрациями, изображающими сюжеты повседневного труда людей, физического и экономического угнетения зависимых слоев населения, а также военных сражений. Очевидно, что данный материал подтверждает особое восприятие исторического процесса как истории мужчин. На немногих иллюстрациях, включающих в себя женские образы, сложно найти женщину в роли социального или политического актора. Силуэты женщин часто изображены отстраненными, фигуры располагаются в фоновой области, часто вовсе без лиц, с детьми на руках или в окружении детей. Исключение составляют единичные изображения женщины-работницы, труженицы тыла и учительницы, портреты героинь Великой Отечественной войны Зои Космодемьянской и Зины Портновой.

Крайне редко женские образы и персонажи представлены в учебниках и учебных пособиях по другим курсам истории, в частности, по истории Древнего мира[442], Средних веков, истории СССР[443], Нового и Новейшего времени[444]. Наиболее образно, как на иллюстрациях, так и в тексте, показаны Ж. д`Арк и Елизавета I, С. Перовская, С. Ковалевская. Встречаются редкие изображения женских коллективов (медсёстры Севастополя времен Крымской войны или представительницы национальных меньшинств СССР на занятиях по ликвидации безграмотности – Приложение 4).

Находит отражение в учебниках и роль женщины-матери в сфере социального воспроизводства. Так, советский учебник биологии, авторы которого уделяют внимание теме полового размножения, содержит информацию о зачатии, рождении и развитии детей. Интерес представляет

---

[442] Коровкин Ф. П. История древнего мира : учеб. для 5-го кл. сред. школы. М. : Просвещение, 1984. 255 с.
[443] Берхин И. Б., Федосов И. А. История СССР : учеб. пособие для 9-го кл. М. : Просвещение, 1974. 382 с.
[444] Нечкина М. В., Лейбенгруб П. С. История СССР : учеб. пособие для 7-го кл. М. : Просвещение, 1971. 255 с.

замечание авторов о детях «ясельного периода» (одного-трех лет). «Теперь ребенок уже не так нуждается в постоянном присутствии матери, но непрерывный надзор и уход за ним необходимы. В нашей стране матери детей такого возраста могут не оставлять работы. В яслях каждый ребенок получает нужный уход. Специально подготовленный персонал обеспечивает своим питомцам все условия, необходимые для физического и умственного развития»[445]. Это, казалось бы, незначительное дополнение является важной формальной характеристикой роли материнства в жизни советской женщины. На основе данного описания может сложиться представление о материнстве, сводящееся к репродуктивной, а не социализирующей и нравственной составляющей. В данном параграфе также кратко говорится о подростковых изменениях, происходящих в организме мальчиков и девочек в 13-15 лет. «У мальчиков в это время ломается голос. Девочки становятся женственными. Их голос принимает грудной тембр»[446]. Понятие женственности далее не раскрывается, но, конечно, говорится о том, что в этот период особое значение приобретают трудовое обучение, физкультура и спорт.

Помимо учебников, которые используются ежедневно советскими школьниками и учителями на уроках, в 1970-е годы на территории СССР издаются специальные гендерно-ориентированные пособия для мальчиков и для девочек, задача которых состояла в том, чтобы разъяснить подросткам сущность биологических и социальных изменений, происходящих с ними в процессе взросления[447]. С.Ю. Девятых пишет, что причиной актуализации проблемы школьного полового воспитания стали «демократизация общественной жизни, предпринятая руководством КПСС в середине 1950-х

---

[445] Цузмер А. М. Петришина, О. Л. Указ. соч. С. 241–242.
[446] Там же.
[447] Губанова Т. С. Стереотипы мужественности и женственности в советской гендерно-ориентированной литературе о половом воспитании 1970-х годов // Прошлое, память, нарратив: гендерное измерение повседневности : материалы XV Междунар. науч. конф. РАИЖИ и ИЭА РАН : в 2 ч. Ч. 2. – М. : ИЭА РАН, 2022. С. 352–356.

годов, а также проблемы стабильности семьи (разводы и надвигающаяся на страну малодетность), явственно обозначившиеся уже к началу 1960-х годов»[448]. На страницах журнала «Семья и школа» обсуждается опыт проведения политики по подготовке молодежи к семейной жизни: «в школах Эстонии в курсе личной гигиены для 8-10-х классов широко освещается тема “Дружба, любовь, семья”. Она охватывает вопросы нравственно-психологической готовности молодых людей к вступлению в брак, полового просвещения, социально-правовых знаний о семье, готовности к воспитанию детей. Интересные формы рождаются и во внешкольной работе: “школы молодой семьи” (Тамбовская область, Краснодарский край), факультеты семейнобытовой культуры при народных университетах (Литва), консультации для молодых супругов (Ленинград), клубы девушек, молодых супругов (Ульяновск, Магнитогорск, Пермь. Ташкент, Молдавия)»[449].

В 1977 году выходит брошюра, ориентированная на девочек 12-14 лет, содержащая информацию о половом созревании, личной гигиене и закаливании. В данной брошюре автор уделяет большое внимание такой важной и табуированной в обществе теме, как менструация: достаточно подробно описывает процессы изменения в организме девочки, дает рекомендации по соблюдению гигиенических правил. Автор дает рекомендации и психологического характера, советует девочкам учиться дружить не только с девочками, но и с мальчиками, однако аргументирует эту необходимость исключительно тем, что хорошая товарищеская дружба с мальчиками должна помочь в семейной жизни[450]. Стереотипные представления о феминном также отображаются и в других частях текста. К примеру: «Красивые, блестящие и густые волосы – самое дорогое украшение

[448] Девятых С. Ю. Указ. соч. С 36–44.
[449] Семья и школа. 1974. № 3. С. 22.
[450] Винтовкина И. С. Указ. соч. С. 47.

любого человека, особенно девушки»[451]. Стоит сказать, что понятие «красоты» и «эстетики» в тексте встречается достаточно часто, представляется особой ценностью.

Материал такого рода не был единственным. Ранее, в 1971 году выходит книга «Тебе, девушка» эстонского автора Х. Курм, изданная меньшим тиражом и переведенная на русский язык[452]. В ней автор обращается к теме профессионального самоопределения девушки. Наряду с этим также уделяет внимание женской гигиене, при этом дает советы, из которых можно сделать вывод о необходимости для девушек особенно тщательно скрывать информацию о регулярных биологических процессах в их организме: «Никогда не бросай их [женские прокладки и гигиенические принадлежности по их типу] в шкаф в открытом виде, они могут запылиться, а кроме того, это свидетельство неряшливости и неаккуратности девушки. […] Остерегайся выбрасывать такие пакеты в местах, где они могут раскрыться и попасть на глаза посторонним. Дома же сжигай их или стирай и прибирай так, чтобы это не замечали другие». Х. Курм, как и другие авторы научно-просветительской литературы прошлого и настоящего, преследуя цель обезопасить девочку/женщину от различного рода опасностей и неприятностей, могут использовать порой дискриминирующую аргументацию, сами того не замечая. К примеру, «Обратила ли ты внимание, насколько тяжел воздух в физкультурном зале после урока *девочек*?»[453] или «Еще Ж.-Ж. Руссо утверждал, что неприятнее всего грязная, неряшливая женщина, и он, конечно, был прав»[454].

Данное пособие уникально и тем, что наглядно демонстрирует, каким образом в советском обществе повышалась «сексуальная грамотность» населения, точнее, его женской части. В целом риторика советских гендерно-

---

[451] Винтовкина И. С. Указ. соч. С. 21.
[452] Курм Х. Указ. соч. Таллин, 1971.
[453] Там же.
[454] Там же.

ориентированных пособий противоречит концепту сексуальной революции, происходившей примерно в это же время в странах Запада. Х. Курм утверждает, что «нормальным последствием половой жизни является рождение и воспитание детей». Автор остерегает читательниц от ранних сексуальных контактов, в качестве аргументов приводит то, что считает женской особенностью: «У девушек и женщин психические и физические функции тесно связаны, поэтому ранняя половая жизнь может повлечь за собой очень неприятные последствия […] Спустя некоторое время юноша оставляет девушку. И если после этого девушка также легко сойдется с новым человеком, ей грозит участь пустого безнравственного человека, который в будущем уже не в состоянии ощутить радость и счастье большой любви, который и к своим материнским обязанностям относится как к помехе […] Жизнь показывает, что девушка, допускающая связи с несколькими молодыми людьми, если даже они ей нравятся, переоценивает значение сексуальных отношений в своей жизни и теряет уважение к себе, не говоря об окружающих. Люди с таким жизненным кредо обречены, как правило, на одиночество»[455].

На страницах советских пособий 1970-х годов по половому просвещению в целом отражено то, что сегодня, к примеру, в системе образования США назвали бы методикой «обучение воздержанию». Известный российский социолог И.Кон отмечает: «Новые методы контрацепции, особенно гормональные, не только не внедрялись, но всячески дискредитировались. Приказом Минздрава СССР от 1 августа 1971 г. применение пилюль было разрешено только в лечебных целях, но не как средство предотвращения беременности, потому что долгосрочное применение пилюль якобы дает сильный канцерогенный эффект»[456]. Это в свою очередь порождало крайне негативное отношение населения к

---

[455] Курм Х. Указ. соч. С. 27.
[456] Кон И. С. Клубничка на березке. С. 318.

гормональной контрацепции, а также делало невозможным дискуссию о методах контрацепции в процессе образования подростков. Помимо того, что в СССР 1970-х годов невозможной была риторика на тему использования контрацептивных средств подростками, встречается в текстовых материалах и то, что в современном феминистском дискурсе обозначается как «виктимблейминг» (явление, когда на жертву перекладывается ответственность за совершенное в отношение нее негативное деяние). Говоря об ухаживаниях партнера, находящегося в неподобающем виде и склонного к девиациям, автор заключает: «Если бы у всех девушек хватало женской гордости, то и юноши вынуждены были бы вести себя иначе»[457]. В похожем ключе говорится о подростковых сексуальных отношениях и в книге для мальчиков-подростков «Будь мужчиной». В ней известный советский писатель Лев Кассиль рассуждает: «Конечно же, девушки правы, когда дают отпор приставучим бесстыдникам… И пусть, обвешав себя пестрыми и бренчащими ожерельями, нацепив завядшие венки и пестрые лохмотья, изображают из себя людей, вернувшихся к первозданной свободе любви, всевозможные зарубежные “хиппи”. Мы-то, не раз видевшие их на улицах Западной Европы и Америки, подмечали, какая тоскливая растерянность и неприютная пустота таятся в их нарочито одичалых обликах и бесшабашных повадках»[458]. На этом примере заметно слияние упомянутых нами ранее двух видов проявления дихотомии в публичном советском дискурсе: противопоставление культуры США и СССР и противопоставление мужских и женских норм сексуального поведения.

О том, что вопросы полового воспитания в СССР 1970-х гг были достаточно актуальными, говорит еще как минимум один источник – книга для родителей Л.И. Санюкевича: «Дети, с которыми на темы пола не беседуют родители и учителя, часто получают информацию от подруг и

---

[457] Курм Х. Указ соч. С. 29.
[458] Кассиль Л. Указ. соч. С. 46, 48.

товарищей. Эта информация страдает недостаточной научностью. А ведь незнание порождает опасную самостоятельность. Например, во время болей при менструации девочки самостоятельно принимают лекарства, купаются в реке, загорают на пляжах. Хуже того, отдельные девушки считают, что быть целомудренной в 18—20 лет несовременно и стыдно. Они вступают в половую близость с юношами, мужчинами, не представляя даже, какой невосполнимый вред приносят себе»[459]. При том, что для данного источника местами характерен научный стиль изложения и отсылки к профессиональной литературе, стоит отметить также и транслируемые в тексте стереотипные установки в отношении гендерной социализации мальчиков и девочек: «Но случается и так, что девочка лазает по заборам, играет в военные игры, бегает с автоматом, саблей. В этом случае нужно ей напомнить, что она девочка и не должна вести себя, как мальчик; и, наоборот, если мальчик расстроен и плачет, ему говорят, что он хнычет, как девчонка»[460].

В другом источнике, посвященном аналогичной теме полового воспитания, говорится о недопустимости «бесполого воспитания» для мальчиков и девочек, несмотря на правовое равенство мужчин и женщин в СССР. Обосновано это, прежде всего, репродуктивными функциями женщины. «Ведь не секрет, что основные обязанности по воспитанию детей лежат на женщине. Этот огромный и важнейший для общества труд выполняется женщиной часто наряду с производственной работой. Вот почему почтительное, бережное отношение к женщине надо воспитывать в детях с самых малых лет»[461].

---

[459] Санюкевич Л. И. Указ. соч. С. 7.
[460] Там же. С. 22.
[461] Хрипкова А. Г. Указ. соч. С. 42.

Таким образом, гендерный анализ материалов, связанных с советским школьным образованием и воспитанием, позволяет прийти к следующим выводам:

Школа является мощным механизмом гендерной социализации молодых людей. Среди факторов, прямо и опосредованно влияющих на формирование тех или иных представлений детей и подростков, следует выделить структурно-организационный, ценностный и материальный. Учителя в качестве фигур значимых взрослых, одновременно воплощающих общественно-государственное начало, являются важными агентами социализации детей и подростков. Помимо официальных прямых политических и образовательных установок, школа является институтом, реализующим «скрытый учебный план», частью которого являются гендерные стереотипы.

Печатные материалы, предназначенные для учебных и образовательных целей, отражают гендерные стереотипы через текст и через изображения, в том числе путем различия в количественном и качественном упоминании женских и мужских образов. Советские школьные учебники являются наиболее очевидными и наглядными источниками для определения ценностно-смысловых функций образования и содержат значительное количество гендерных стереотипов, которые отражают представления о закономерно различающихся социальных и бытовых ролях мужчин и женщин/мальчиков и девочек.

Диспропорция в упоминании мужских и женских образов отражена и в текстовом, и в иллюстративном материале. Даже в учебниках по курсу Новейшей истории, в том числе по истории СССР, мужские образы количественно и качественно преобладают над женскими. Исторический процесс в целом представлен как история мужчин, а женщина крайне редко появлялась на страницах учебника в качестве самостоятельного социального или политического актора. Образ женщины по-прежнему часто (в сравнении

с мужским образом) связывается с частной сферой, самая часто упоминаемая социальная роль женщины представлена образом матери.

Наглядные данные отображают наличие скрытого учебного плана в советской системе образования. Представленный в советских учебниках материал является не только отображением недостаточной включенности женщин в исторический процесс в качестве независимых субъектов деятельности, но и является инструментом, конструировавшим гендерную и гражданскую идентичности советских школьников[462].

Школьные советские учебники по причине строгой идеологической цензуры и жесткой унификации своего содержания не отражают в широкой степени проблем гендерных отношений в советском обществе, тема «мужского» и «женского» прослеживается в иных печатных источниках, связанных с системой образования, воспитанием и социализацией советской молодежи.

В СССР 1970-х – начала 1980-х гг. актуализируется вопрос полового воспитания мальчиков и девочек подростков. Свидетельством этого является и возникновение гендерно-ориентированной литературы, методических пособий с советами по половому воспитанию для родителей и педагогов, а также введение в учебную программу в начале 1980-х гг. специальных образовательных курсов, направленных на формирование представлений о системе сексуальных и брачно-семейных отношений.

Сексуальное образование подростков позднесоветского периода сводилось к обучению воздержанию. Стратегии воздержания в большей степени были направлены на девочек/девушек, нежели на мальчиков/юношей.

---

[462] Губанова Т. С. Гендерные стереотипы в советских школьных учебниках по истории и обществоведению 1970-х – начала 1980-х годов // Преподаватель XXI век. 2023. № 1–2. С. 262–269.

Методические пособия по половому воспитанию подростков и гендерно-ориентированная литература содержит в себе стереотипы мужественности и женственности, отличные друг от друга, строящиеся на различных ценностных ориентирах. Характеристиками «женского» являются ценности целомудрия, скромности, аккуратности, прилежности, визуальной эстетики. Характеристиками «мужского» – ценности силы, уверенности, смелости. Поведенческие негативные девиации в большей степени связываются с мужским полом[463].

2.2. Советские печатные СМИ как один из основных каналов трансляции гендерных стереотипов

Помимо материалов учебного характера, основой для исследования феминных и маскулинных конструктов в советском обществе 1970-х годов может выступать и периодическая печать. Цензура и общая идеологическая конъюнктура не позволяют сделать объективные выводы о некоторых реальных проблемах во взаимоотношениях полов в советском обществе. Однако общая информационная повестка позволяет понять образы желаемых моделей социальных отношений и гендерных ролей, а также выявить основные гендерные стереотипы.

С точки зрения философии гендера значимой проблемой является новый способ выражения феминного через текст и язык, которые подразумевают различие и исключают иерархию. «Семиотические теории философии гендера были направлены на поиск отличной от господствующей языковой практики. У Ю. Кристевой семиотический этап формирования субъекта, отвергающий сознательные стереотипы и символы, может наиболее адекватно (плюралистически) выразить бесконечное поливариантное

[463] Губанова Т. С. Гендерные стереотипы в советских школьных учебниках по истории и обществоведению 1970-х – начала 1980-х годов // Преподаватель XXI век. 2023. № 1-2. С. 262–269.

желание, которое лежит в основе субъективной идентичности. … Семиотический анализ связывается с базой для появления феминистского постструктурализма, который имеется в концепциях Ю. Кристевой и последовавших за ней Э. Сиксу, Л. Иригарей и др.»[464].

Л.Н. Кузнецова замечает, что советская журналистика 1970-х гг. проявляет нечувствительность к женскому на уровне языка. Прибегая к сравнению, автор обращается к одному из русскоязычных номеров журнала «Америка» за 1975 г., где опубликованы статьи о положении женщин в США и рекомендации для авторов на тему этически допустимых речевых норм описания женщин и их жизни. «Как не следует писать: Генри Харрис опытный юрист, а его жена Анна привлекательная брюнетка. Как следует писать: Харрисы очень симпатичная пара. Генри интересный блондин, а его жена привлекательная брюнетка. Или: Харрисы хорошо знают свое дело. Анна превосходный музыкант, а Генри весьма сведущий юрист»[465]. Автором отмечено, что как она лично, так и советская журналистика и публицистика в целом не уделяли должного внимание проблеме языка, отдавая первенство социально-экономическим основаниям проблем неравенства мужчин и женщин.

Вопрос отражения гендерной проблематики на страницах советских печатных СМИ периодически актуализируется в современной науке. Очевидно, что в первую очередь материалом для исследования становятся журналы, ориентированные на женскую аудиторию. «Структура советской женской прессы была основана на территориальном принципе деления и подчинялась руководству партийных структур, контролировавших тематику,

---

[464] Михайлова Е. В. Указ. соч. С. 11–14.
[465] Кузнецова Л. Н. Вначале было слово. URL: https://a-z.ru/women/texts/kusnez6-e.htm (дата обращения: 22.07.2022).

проблематику и оказывавших влияние на распространяемые изданиями идеалы, принципы, ценностные ориентации»[466].

Н. Ажгихина замечает, что в достаточно скромном общесоюзном списке женских изданий наиболее популярными являлись «Работница» и «Крестьянка», выходившие тиражами более 10 миллионов экземпляров, направленный на зарубежных читателей журнал «Советская женщина», а также женские журналы, печатавшиеся в республиках СССР. Автор замечает, что популярность журналам обеспечивали не биографические рубрики с жизнеописаниями трудящихся женщин, а разделы с рецептами и схемами для выкроек и вязания. «Девушки брежневской поры и последовавшего за ней перестроечного времени воспитывались на книгах и статьях лучших писателей (в основном мужчин) и публицистов (мужчин и женщин), которые внушали им простые истины: долг женщин — быть женщинами в первую очередь, уступать право первенства “сильному полу”, создавать условия для лидерства мужчин. Тем не менее, согласились с этим не все»[467].

М.Ю. Гудова пишет о советском женском журнале: «В специфическом журнальном пространстве-времени […] читатели и читательское сообщество и социализируются, осваивая и присваивая общественные ценности и нормы, и индивидуализируются, находят свою особость и необычность, формируют мир личностных ценностей, обнаруживают себя как субъекта социального действия»[468]. Как и М.Ю. Гудова, И. Гевиннер говорит о том, что образы женщин в женских журналах были инструментом влияния на читающих, с целью создания «нового советского человека» и формирования стереотипа «труженицы и матери». Автор отмечает то, что советская пресса пыталась замаскировать расхождения между официально провозглашенным желаемым статусом светской женщины и реальным: «отличительные черты имиджей

---

[466] Смеюха В. В. Отечественные женские журналы. С. 50–57.
[467] Ажгихина Н. «Девочки просят внимания!» // Неприкосновенный запас: дебаты о политике и культуре. 2018. № 3. С. 169–179.
[468] Гудова М. Ю. Указ. соч. Екатеринбург, 2008.

женщин заключались, как правило, в активной жизненной позиции, равноправии с мужчиной. … Советские женщины редко изображаются усталыми, поникшими под грудой проблем и сложностью совмещения социальных ролей “труженицы” и “матери”, единичны образы женщин в частной сфере (дома). […] одежда женщин в журнальных изображениях отличается скромностью и функциональностью, подчеркивается не только ее женственность (головной платок, брошь и т.п.), но и практичность в быту, когда необходимо соединять несколько социальных ролей в одном индивиде. [В то же время – Т.Г.] образы подразумевают сдержанность, граничащую с пассивностью социальных ролей»[469].

Советские женские журналы имели свою специфику, что было обусловлено прежде всего социально-политической системой государства и выражалось в специфике обращения к женской теме. «Главным в 70-80-е годы можно считать тот факт, что представление о частной сфере жизни как об области женской компетенции не демонстрировалось, напротив, большинство тиражируемых образов предполагали профессиональную самореализацию женщины. Это выражалось в образах тружениц и рационализаторов»[470].

В.В. Смеюха утверждает, что пресса предпринимала попытки своеобразной нейтрализации нежелательных фактов об эмансипации женщин, актуализировала проблему духовного мира женщины: «Однако говорить о ней как о свободной личности по-прежнему мешали ограничения тоталитарной системы. Потому беседы о любви, верности, взаимоотношениях в семье чередовались с размышлениями о чувстве патриотизма, коллективизма, долге перед обществом, производственных

---

[469] Гевиннер И. Указ. соч. С. 25–34.
[470] Захаров Д. В. Указ. соч. М., 2004.

обязанностях, т. е. происходило утверждение стереотипного поведения женщины»[471].

Несмотря на то, что советская пресса часто демонстрировала «приукрашенный фасад» социально-политического устройства советского общества, материалы периодических изданий становятся полем, где в той или иной степени объективности отражалась желаемая и местами реальная частная жизнь советских людей. Актуализация проблем эмансипации женщин на уровне одного только политического и научного дискурса не может иметь практической эффективности без возможности использования популярных в обществе печатных СМИ, где формально-сухие стенограммы официальных выступлений партийных руководителей могли соседствовать с полезными заметками, практическими советами, увлекательными статьями, рецептами и анекдотами. Исследование особенностей репрезентации повседневности советских людей и гендерных стереотипов на страницах СМИ 1960-1980-х гг., в свою очередь, позволяет раскрыть сущность гендерной структуры советского общества.

Как замечает И.Тартаковская, исследовавшая репрезентации гендерных ролей в газетах «Известия», «Комсомольская правда» и «Советская Россия» 1984 г., источники имеют много общего, но также примечательны и различия. Так, в материалах «Комсомольской правды» сделан акцент на этакратическом характере гендерного взаимодействия, в «Советской России» внимание уделено привилегированному семейному статусу работающего мужчины, а «Известия» представляли путь к светлому будущему через разгрузку работающей матери посредством помощи мужчин ее семьи[472].

О. Шаталова на основе анализа журналов «Работница» и «Советский Красный Крест» 1970-х – начала 1980х гг. обращается к тематике отношения советского общества к проблеме женского труда и повышенных домашних

---

[471] Смеюха В. В. Женские журналы СССР в 1945–1991 гг. С. 55–67.
[472] Tartakovskaya I. Op. cit. P. 118–136.

обязанностей как нерешенной задаче освобождения женщин от «кухонного рабства» – проблемы, сформулированной еще в начале века большевиками. Автор говорит о четырех путях «освобождения» женщины, отраженных в прессе 1970-х гг. Во-первых, «обобществление быта», что выражалось, как правило, в оптимистической оценке работы общепита и учреждений бытовых услуг, со скромными упоминаниями о «проблемах на местах». Во-вторых, уже упомянутое нами внедрение технологических инноваций в сферу быта – расширенное производство и использование бытовых приборов. В-третьих, принцип «научной организации труда», в свою очередь, маскирующий проблемы дефицита. В-четвертых, изменение системы гендерной сегрегации домашнего труда путем разделения бытовых задач с мужьями, что, по утверждению автора и источников, становилось причиной семейных конфликтов: «в одном из номеров “Советского Красного Креста” было опубликовано письмо покинутой мужем читательницы: – Пришей мне пуговицу. – Сам пришей. Я учу английский. Вот он – семейный очаг. Муж действительно мог ее пришить сам, но, может, именно в те минуты он нуждался в теплом участии жены, хотел почувствовать заботу о себе, а вместо этого на него пролился холодный душ отчуждения… …равноправие не предлог к тому, чтобы женщина вела себя в доме как разбушевавшийся начальник… (Что я скажу своему ребенку? Письмо одинокой матери. Советский Красный Крест, 1976.)»[473].

Популярный в СССР журнал «Семья и школа» содержит материалы, позволяющие составить некоторое преставление о «женском» и «мужском» в социально-политическом дискурсе 1970-х гг. Были рассмотрены мартовские выпуски журнала «Семья и школа» 1970-1980 гг. Предметом исследования в первую очередь является отображение проблем «мужского» и «женского» в контексте освещения темы празднования дня 8 Марта. Важным на данном этапе исследовательским вопросом стало выявление особенностей

[473] Шаталова О. Указ. соч. С. 85–103.

отображения темы в 1975 году (в год начала проведения Международного женского дня Организацией Объединенных Наций, с последующим предложением государствам объявить любой день этого года Днём борьбы за права женщин и международный мир Организации Объединённых Наций[474]). Мартовский номер журнала 1975 года начинается со статьи, в которой говорится о целях программы ООН по проведению международного года женщин: «Солидарные с этими целями проведения Международного года женщины, мы с иным настроением отмечаем это всемирное мероприятие в нашей стране, где заботами Коммунистической партии и Советского правительства буквально с первых дней советской власти женщине обеспечено юридическое и фактическое равноправие»[475].

Важно, на наш взгляд, также отметить, что до 1975 года мартовский выпуск сопровождался помещенными на первые страницы номера фотоработами, изображающими женщину с ребенком и женщину в образе работницы-профессионала. Рядом с фото помещались также прозаические и поэтические тексты о роли матери в жизни каждого советского гражданина. После 1975 г. (за исключением мартовского выпуска 1976 года, где теме Международного женского дня вовсе не уделяется значимого внимания) в начале номера, как правило, появляется специальная колонка о роли женщины в советском обществе и о достижениях СССР в вопросе предоставления женщинам широких прав.

Журнал «Семья и школа» позволяет сделать вывод о том, на каком уровне в советском обществе действительно могла существовать дискуссия о роли женщины в историческом процессе. Это может быть значимо как минимум потому, что школьные учебники истории практически не уделяли

---

[474] Участие женщин в укреплении международного мира … : резолюция от 16.12.1977 № A/RES/32/142 32-сесси Генеральной Ассамблеии ООН. URL: https://web.archive.org/web/20090311023655/http://www.un.org/russian/ga/32/docs/res32_3.htm (дата обращения: 20.03.2022).

[475] Семья и школа. 1975. № 3. С. 2.

внимания женским фигурам, даже если это были фигуры, связанные с революционной борьбой. Так, в весеннем номере журнала 1970 г. выходит рецензия на книгу Э. Миндлина «Не дом, но мир»[476] об Александре Коллонтай (Домонтович) под названием «Женщина с большой буквы»[477]. Особенность изложения информации заключается в отсутствии упоминания фактов политических и социальных достижений революционерки-феминистки, однако подчеркиваются стереотипно «женские» черты личности А. Коллонтай: «Сильный, “мужской” интеллект, самобытность и бесстрашие мысли переплетаются в характере Александры Коллонтай с неувядающей женственностью… Даже в периоды “кружения сердца”, когда повышенная впечатлительность и эмоциональность уводили порой Александру Михайловну в сторону от ленинского курса, она ловила себя на том, что мысленно спорит сама с собой, пользуясь аргументами из арсенала Ленина»[478].

Помимо женского вопроса как политического интерес также представляют рубрики, где читатели и читательницы задают волнующие вопросы экспертам и делятся своим родительским семейным опытом. Встречаются истории от женщин, сомневающихся в необходимости повторного заключения брака или столкнувшихся с проблемой алкогольной зависимости супруга[479].

В мартовском номере 1977 года представлены тексты дочерей, посвященные их матерям. Редактор рубрики при этом добавляет, что работы девочек выбраны именно потому, что «мальчики пишут строже, рациональнее, что ли, и … посуше. А работы девочек иначе как лиричными,

---

[476] Миндлин Э. Л. Не дом, но мир : повесть об А. Коллонтай / Э. Л. Миндлин. М. : Политиздат, 1970. 399 с.
[477] Аксенова Е. Женщина с большой буквы // Семья и школа. 1970. № 3. С. 44–45.
[478] Там же.
[479] Семья и школа. 1973. № 3. С.14.

проникновенными не назовешь»[480]. Можно привести в качестве примера историю дочери-инвалида, помещенной в спецшколу и переживающей разлуку со своей матерью, о жизни которой она повествует следующим образом: «Да, немало выпало горя тебе в жизни. Двое детей – инвалиды... Ранним утром начинается твой рабочий день – работа в поле, работа по хозяйству, – и все время мучительная мысль: что еще сделать для того, чтобы поднять на ноги детей, отогнать проклятую болезнь. Куда только ты не ездила с нами, где только нас не лечила...»[481]. Показательна также история от девочки из Чечено-Ингушской АССР, в которой она рассказывает о том, как ее мать, когда-то не закончившая школу и невольно выданная замуж за незнакомца, «благодаря советской власти» в 38 лет поступает на юридический факультет и становится председателем женсовета. Из этой истории следует, что успешная ныне мама девушки ранним этапом своей биографии все же опровергает тезис редакторов журнала о юридическом и фактическом равноправии женщин и мужчин в СССР, наступившим «буквально с первых дней советской власти». Более того, становится очевидным, что любая экстраполяция выводов о гендерных ролях и стереотипах на все «советское общество» будет в той или иной мере ошибочной, что обусловлено пестротой и разнообразием самого советского общества.

Вопросы брака, позитивной вовлеченности мужчин в процессы воспитания детей и физической заботы о членах семьи в целом были достаточно актуальными, судя по данным периодической печати. Особый интерес в этом плане представляют тематические рубрики журнала «Здоровье», выходившего тиражом более 11,5 млн экземпляров. По результатам анализа выпусков 1968-1982 годов можно сделать вывод о том, что в журнале чаще уделялось внимание вопросам женского здоровья (~~но~~

---

[480] Семья и школа. 1977. № 3.
[481] Там же.

темам беременности, кормления грудью, гинекологических проблем[482]) и реже – мужского[483]. Проблемам женского здоровья посвящена целая рубрика «Женщина и возраст»[484] в выпусках 1971 г.

В статьях, связанных с психологией семейных отношений, вопросами полового здоровья, зачатия и деторождения, воспитания детей и детской гигиены, можно найти материал, свидетельствующий о гендерных стереотипах. Так, к примеру, статья «Вы вступили в брак»[485] выпуска 1971 года посвящена нормам сексуальных отношений между супругами. Первой из таких норм становится отсутствие добрачного сексуального опыта у женщины и особые требования к процессу дефлорации. При этом требований к отсутствию добрачных интимных связей мужчины нет: «Юноши слышали, например, что у девушки первая половая близость должна сопровождаться кровотечением. А кровотечения нет. Так, значит, что же – молодой муж обманут?»[486]. Вторая норма – это разное восприятие женской и мужской сексуальности не только на физиологическом, но и на культурном уровне: «Формирование полового чувства, его острота у девушки и юноши различны. У девушек оно развивается позднее. И очень долго, а может быть, и на всю жизнь, для женщины духовная сторона любви остается более важной, более значимой, чем половая близость»[487]. Третья норма – это особые требования к внешнему виду женщин, при минимальном объеме таковых к мужчинам: «Необходимо очень тщательно соблюдать гигиенические правила (это относится и к мужьям), следить за тем, чтобы всегда безукоризненно аккуратным было белье, домашнее платье. Несвежий бюстгальтер, какой-

---

[482] Здоровье. 1968. № 1. С. 30, № 2. С. 20-21 ; 1971. № 7. С. 19, № 9 С. 4.
[483] Здоровье. 1971. № 9. С. 12, 26-27 ; 1972. № 5. С. 20.
[484] Здоровье. 1971. № 3-5.
[485] Здоровье. 1971. № 6 С. 20-21.
[486] Там же.
[487] Там же.

нибудь узел на бретельке могут, даже необъяснимо для самого мужчины, вызвать у него мгновенное охлаждение»[488].

Телесность и сексуальность являются теми областями, где гендерные различия проявляются в особенной степени ярко. Советская власть и советское общество характеризуются особым контролем над телесностью, который мог выражаться в различных аспектах нормирования: как в уже описанных политических практиках регулирования гендерных отношений, так и в символических действиях (например, кампания по борьбе с культуризмом 1970-х гг., инициированная газетой «Советский спорт»[489]). К. Чухров утверждает, что индивидуальная сексуальность в противовес некому коллективному эросу начинает проявляться в позднем СССР: «гендерно маркированные тела – пусть и весьма рудиментарные – появляются в советском художественном и медиапространстве только с начала 70-х (например, в андеграундной фотографии, в кино, в художественных перформансах Валерия и Риммы Герловиных, да и в целом в массмедийном пространстве), когда практически все общество прекращает верить в коммунистический проект»[490].

Подтверждение факта актуальности вопросов телесности и сексуальности, в том числе относительно детей, можно без особого труда найти в периодической печати исследуемого периода, прежде всего в данном журнале «Здоровье». Например, в статье под названием «Не извращение, а дурная привычка»[491] врач-психоневролог пытается разубедить воспитательницу детского сада во мнении о детском онанизме как об опасной форме девиации. Однако в целом данный телесный опыт характеризуется как нежелательный: «Очень хорошо, что вы стремитесь избавить своих питомцев от дурной привычки. Онанизм истощает нервную

---

[488] Здоровье. 1971. № 6 С. 20-21.
[489] Голубев А. Указ. соч. С.132
[490] Чухров К. Указ. соч. С. 253–256.
[491] Здоровье. 1971. № 1. С. 21.

систему, сопровождается большой затратой энергии – ребёнок краснеет, возбуждается, покрывается потом, начинает усиленно дышать…»[492]. В работе А.Г.Хрипковой[493], посвященной половому воспитанию подростков, поднимается проблема подросткового онанизма как недопустимой и опасной формы сексуального поведения. При этом уже в 1980 г. психолог и социолог И.С. Кон представляет альтернативный официальной повестке взгляд на данное явление: «Применительно к подросткам и юношам тревожить должен не столько сам факт мастурбации (так как она массовая) и даже не ее количественная интенсивность (так как индивидуальная “норма” связана с половой конституцией), а те случаи, когда мастурбация становится навязчивой, вредно влияя на самочувствие и поведение старшеклассника»[494].

Говоря о гендере и сексуальности в советском обществе 1956-1986 гг., И.С. Кон сначала дает характеристику политической системе в целом, определяя данный этап следующими чертами: «смена тоталитаризма авторитаризмом; постепенное расширение сферы индивидуальной свободы; сдвиги в сексуальном поведении и начало возрождения сексуального дискурса; переход от командно-административных методов защиты брака и семьи к морально-административным; переход от прямого отрицания и подавления сексуальности к политике ее регулирования и приручения; попытки медикализации и педагогизации сексуальности»[495]. Стоит сказать, что методологическое выстраивание И.С. Коном связей между сферой власти и политики – с одной стороны, и частной жизни и сексуальности – с другой стороны, вписывается в концепцию постструктурализма. Е.И. Гапова, исходя из фукодианской традиции, замечает: «Изменение “государственного” отношения к телу всегда свидетельствует о переделе власти: гендер является

---

[492] Здоровье. 1971. № 1. С. 21.
[493] Хрипкова А. Г. Указ. соч. С. 42.
[494] Кон И. С. Психология старшеклассника. С. 121.
[495] Кон И. С. Клубничка на березке. С. 168.

только инструментом получения власти определенными группами, обусловливая право (или его отсутствие) на саморепрезентацию»[496].

Комментируя факт введения в школах курса подготовки к браку и семейной жизни в 1983-1985 гг., И.С. Кон проводит анализ учебных пособий А.Г. Хрипковой и Д.В. Колесова, где, в частности, находит отражение гендерных стереотипов: «Стыдливость (но не жеманство) привлекательна в женщине, но неприемлема для мужчины... у мужчины стыдливость в известной ситуации может рассматриваться как проявление половой слабости»; «Если женщина постоянно закрывает лицо, как в некоторых странах Востока, то именно оно становится привлекательным для мужчин»; «Тот... факт, что некоторые женщины курят, говорит о том, что они плохие матери, какие были и в прошлом, только раньше это проявлялось по-другому»;.«Длина волос, конечно, дело вкуса. Но все же стремление представителей мужского пола носить прическу, приближающуюся по характеру к традиционно женской, не может не вызывать недоумения»[497]. «Введение в школах в 70-х годах предмета “Этика и психология семейной жизни” не было подкреплено ни подготовкой педагогов, ни выпуском качественных учебников. Поэтому преподаватели биологии или природоведения воспитывали детей на принципах коммунистического отношения к женщине в вопросах сексуальной культуры»[498] - замечает вслед за И.С. Коном Е.А. Кащенко.

В одном из выпусков журнала «Здоровье» 1970 года опубликована статья под названием «Азбука создания семьи», авторами которой являются учительница средней школы и главный врач психоневрологической больницы. Наряду с тезисами, пропагандирующими ответственное и вовлеченное родительство, осознанное отношение к сексуальной жизни,

---

[496] Гапова Е. Гендер и постсоветсткие нации. С. 314 ; Её же. Классы наций. С. 117, 119–123.
[497] Цит. по: Кон И. С. Клубничка на березке. М., 1997.
[498] Кащенко Е. А. Указ. соч. С. 54–55.

необходимость полового просвещения, встречаются и тезисы, стигматизирующие некоторые виды сексуального и семейного поведения, очевидно, уже распространенные в СССР. «Несчастная семья – это очень часто семья неполная, состоящая только из матери и ребенка; несчастные дети – это обычно дети, растущие без отца»[499]. Данный тезис вызывает как минимум три вопроса: почему семья без отца считается «несчастной», а о семье, где нет матери, ничего не сказано? Принимать ли статус «несчастной» как неоспоримую данность семье, в которой уже произошел развод супругов или женитьбы изначально не было? Как оценивать семью, которая формально является полной, а в вопросе реальной вовлеченности обоих родителей в процесс воспитания – нет?

Тема отцовства в журнале представлена особым образом. Выпуски 1971 года содержат в себе ежемесячную рубрику «Лекторий для родителей – хотите иметь здорового ребенка?», в которой описано взросление новорожденного с соответствующими его развитию советами по гигиене и педиатрии. Важной темой в данной рубрике выступает тема участия отца в заботе о младенце, о чем редакторы рубрики говорят с первых ее строк: «Обычно, когда речь идет об уходе за грудным ребенком, все советы адресуются матери. Мы же обращаемся и к отцу и настоятельно просим его взять на себя долю обязанностей»[500]. Важно, что далее рубрика дополняется специальным разделом «Задание для папы», в которой отцам рекомендуют взять на себя подготовку матери и ребёнка к выписке из родильного дома, подготовку специального оборудования для безопасности и развития ребенка, обязанности по ведению домашнего быта. «Не ждите, когда вас попросят что-либо сделать. Предлагайте свою помощь сами… Обязательно каждый день уделяйте час-два малышу! […] С первого дня вы очень нужны

[499] Здоровье. 1970. № 8. С. 14–15.
[500] Здоровье. 1971. № 1. С. 16.

сыну и дочке!»[501] – указано в одном из выпусков. Такая проблематизация может быть очередным свидетельством того, что необходимость вовлечённости отцов в заботу о младенцах в СССР 1970-х годов еще является темой, не очевидной для многих мужчин. Один из выпусков со статьей «Отцы, это ваш долг!» начинается с возмущенного обращения в редакцию «Читателя П.»: «… я хочу спросить вас: почему это вы даете такие советы отцу? Прибрать квартиру, приготовить бельё для новорожденного, закупить все необходимое в аптеке. А что же будет делать мать во время своего декретного отпуска? Вот пусть и занимается этими делами» (Приложение 5)[502]. Практически невозможно выяснить, было ли данное обращение в редакцию реальным, однако появление такого рода дискурса в некоторой мере отражает стереотипные представления о гендерных ролях в советском обществе.

В журнале «Семья и школа» из рубрики, подразумевающей вопросы и ответы, мы можем узнать, что мужчин беспокоят проблемы физической слабости и недостаточной мужественности образов своих сыновей[503], а редакторы журнала воспроизводят традиционные стереотипы маскулинности, утверждая, что «для мальчика наиболее привлекательны качества настоящего мужчины: сила, воля, смелость, верность дружбе»[504]. Обращаясь к анализу материалов данного журнала, можно сказать, что в целом в текстах, представленных в журнале, стереотипные установки соседствуют с эгалитарными воззрениями, а проблемы, о которых говорят авторы текстах, характеризуют уровень гендерного неравенства как минимум по параметру низкого уровня вовлеченности мужчин в процессы воспитания детей: «По мнению многих, мужчин трудно привлечь к активной работе в школе. – Мы … говорили о роли отца в воспитании детей. Да они какие-то

---

[501] Здоровье. 1971. № 4. С. 19.
[502] Здоровье. 1971. № 7. С. 26.
[503] Семья и школа. 1973. № 3. С.16.
[504] Семья и школа. 1974. № 3. С. 19.

неподдающиеся. Женщины отзывчивее. […] Ну что можно мужчине поручить, кроме ремонта? Он даже не сможет акта обследования бытовых условий семьи составить. Что он увидит? В квартире лет пять не убирались, а для мужчины так – легкий беспорядок... А потом женщина – мать, у нее и подход к детям иной...»[505]. К. Макколлум обозначает тенденцию общего изменения образа отца в советской визуальной культуре с конца 1960-х годов: «отец, конечно, не подавался как “плохой” сам по себе, а скорее становился более далекой и отсутствующей фигурой, вместе с тем определенно оставаясь одним из элементов визуальной репрезентации семейной жизни»[506].

Исследование дискурса на основе печатных и иных материалов позволяет в большей степени выявить не столько отношение советского общества к каким-либо социально-политическим и культурным вопросам, сколько желаемые формы отображения (или замалчивания) социальных проблем советской властью. Тем не менее, не заполненные политической пропагандой смысловые лакуны, образующиеся на месте пусть и цензурированных форм взаимодействия власти и общества, позволяют отыскать свидетельства реальных проблем социальных взаимоотношений. В том числе имеется в виду и проблема гендерных стереотипов. Так, несмотря настойчивое желание редакторов журнала «Здоровье» продолжить в следующих номерах рубрику «Школа отцов», журнал всё же транслирует гендерные стереотипы в других статьях в скрытой форме. К примеру, это можно проследить по иллюстративному материалу, где женщины часто изображаются в роли матерей, то есть в окружении детей, или в статьях о декоративной косметике, красоте, внешнем виде, косметологии и подобных рекламных объявлениях. Исключением в некотором роде становится тема

---

[505] Семья и школа. 1974. № 3. С. 24–25.

[506] Макколлум К. Судьба Нового человека : репрезентация и реконструкция маскулинности в советской визуальной культуре, 1945-1965. М. : Новое литературное обозрение, 2021. С. 361.

здоровья волос, точнее, тема их потери. Она рассматривается как актуальная для мужчин и женщин в приблизительно равной степени[507].

В ноябрьском выпуске 1978 года статья «Хочешь быть красивой – трудись!» начинается с цитат из писем, якобы полученных редакцией журнала[508]. Авторами этих писем являются женщины, недовольные своим внешним видом: «У меня очень толстые ноги», «Как избавиться от жира на животе и бедрах?» «У меня слишком худые ноги», «У меня широкие плечи и узкие бёдра», «Что сделать, чтобы бёдра стали уже?»[509]. При том, что аналогичной рубрики с жалобами мужчин на свой внешний вид за исследуемый период в журнале не встречалось, можно сделать вывод о достаточно высоких требованиях советского общества к внешности женщин (в том числе и о требованиях женщин к самим себе). Так, к примеру, в статье «Адаптация к старости» опубликована карикатура, на которой через женский образ авторы пытаются донести до читателя мысль о необходимости выбора социально одобряемого имиджа: «Неряшливость – плохо, безвкусица – тоже, оденься опрятно – и станешь моложе»[510].

Таким образом, «Здоровье» так же, как и многие другие советские источники, отражает стереотипные представления о гендерно-ориентированных сферах общественных отношений: тема армии, и, соответственно, силы, мужества, выносливости, представлена как мужская[511], тема красоты и домашнего уюта – как женская. Данные выводы дают основания полагать, что расхождение между декларируемыми и реальными

---

[507] Губанова Т. С. Репрезентация моделей семейных отношений на страницах советских журналов конца 1960-х – 1970-х гг. // Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология. 2023. Т. 29, № 3. С. 59–64.

[508] Губанова Т. С. «Хочешь быть красивой – трудись!» – эстетические стандарты женственности по материалам советской периодической печати 1970-х годов / Т. С. Губанова // Семейное, женское, повседневное в историко-антропологическом измерении : материалы XVI Междунар. науч. конф. РАИЖИ и ИЭА РАН : в 2 ч. Ч. 2. М., 2023. С. 446–449.

[509] Здоровье. 1978. № 11. С. 26–27.

[510] Здоровье. 1970. № 11. С. 17.

[511] Здоровье. 1968. № 2. С. 8 ; 1971. № 2. С. 3.

возможностями женщин проявлялись в значительной мере: «В СССР впервые в мире решена социальная проблема огромной исторической значимости – обеспечено подлинное равноправие женщины...»[512] – как писала кандидат исторических наук в статье «От Домостроя к паритету».

На наш взгляд, печатным источником, требующим особого внимания, также является советский рекламный журнал «Новые товары», который достаточно активно издавался на протяжении исследуемого периода с приблизительным тиражом в 300 000 экземпляров. Анализ материала, представленного в данном источнике может выходить за рамки исследования позднесоветского быта и повседневности. С одной стороны, проблемы развития плановой экономики позволяют сделать предположение о специфических функциях советской рекламы в целом, а также поставить под сомнение репрезентативность выбранного источника, поскольку с помощью него сложно определить популярность той или иной продукции среди мужчин или женщин. На сегодняшний день мы расцениваем явления товарного дефицита как факт социально-экономической жизни СССР, в том числе и советского общества 1970-х гг., соответственно, полагаем, что рекламируемые в журнале товары в реальности могли быть доступны далеко не всем гражданам СССР. С другой стороны, именно эти обстоятельства помогают нам сделать вывод о том, что журнал «Новые товары» не отображал реальную картину потребления советского человека, а конструировал его желаемую модель. С этой позиции данные настоящего источника становятся особенно значимыми.

«Разумеется, потребление играло важную роль с его дефицитом, очередями и блатом, составлявшими значительную часть жизни большинства советских людей. И все же советская материальность не сводилась к советским товарам. Материальные предметы и пространства помогали людям ориентироваться в социалистическом городе, упорядочивали их быт,

---

[512] Здоровье. 1977. № 11. С. 29–32.

определяли отношения с родными, друзьями и соседями, формировали сообщества… материальное структурировало социальное и в центре социалистических личностных практик – коллективных и индивидуальных – зачастую стояли вещи»[513]. Действительно примечательно, что «брежневские» годы становятся особым периодом, когда проявления повседневности начинают наиболее активно расходиться с теми идеологическими концептами, которыми продолжает обрастать официальный дискурс. Так, характеризуя потребительскую культуру советского общества в брежневский период, Н. Чернышова говорит о том, что «1970-е гг. подготовили общество к приходу капитализма»[514]. Дискурс «развитого социализма», проявляющийся в дискредитации капиталистических основ устройства «западных» обществ, сочетался с реставрацией тех самых капиталистических моделей на уровне частно-бытовом. В том числе, это касается и моделей потребления, даже если такие модели для советского человека были не столько реальными, сколько идеальными.

Н. Копосов, характеризуя общемировую экономическую конъюнктуру того периода и завершение «разрядки» международной напряженности, пишет: «Ощущение, что советский эксперимент зашел в тупик, и чувство неполноценности по сравнению с Западом становятся формой, в которой советские люди переживают в 1970-1980-х годах распад проекта будущего. “Ось времени” в их воображении вновь перемещается на Запад»[515]. Анализируя карикатуры из журнала «Крокодил» 1974 г., А. Юрчак отмечает двойственное отношение к проявлению элементов «западных» потребительских образцов: «Согласно этим карикатурам, “западной” одеждой, музыкой и образами интересовались аморальные, бессовестные, необразованные переростки, которые вместо того, чтобы работать,

[513] Голубев А. В. Указ. соч. С. 8–9.
[514] Chernyshova N. Op. cit. P. 204.
[515] Копосов Н. Указ. соч. С. 104–105.

увлекались “западной культурой” и жили на иждивении стариков-родителей. Как и раньше, подобная критика способствовала лишь нормализации интереса к воображаемому Западу среди большинства *нормальной* советской молодежи, которая не ассоциировала себя с ленивыми и аморальными подростками, поскольку интерес к зарубежной музыке, моде и языкам совмещался у нее с интересом к учебе, работе и “высокой культуре”»[516].

На основе анализа материалов журналов «Крокодил», «Работница» и «Здоровье», выпущенных в «хрущевскую» эпоху М. Антонова также делает выводы о том, как советская власть использовала журнальную сатиру в качестве средства борьбы с явлениями, препятствующими строительству коммунизма. Также автор говорит об особенностях репрезентации семейных ролей: «“двойной стандарт” поведения и морали, представления о различиях полов, структура родственной группы и возможность авторитарности. Над сварливыми дамами, женщинами-модницами, крупными жёнами и мужьями-коротышками смеяться позволялось всегда. […] Но сатира требовалась государству для формирования нужного ему общества, в котором люди похожи друг на друга»[517].

Французский философ Ж. Бодрийяр, будучи одним из основных исследователей «общества потребления» на Западе, утверждает, что повседневность людей 1970-х гг. состоит уже «не в общении с себе подобными, а в получении, в соответствии с растущей статистической кривой, благ и посланий и в манипуляции с ними, начиная с очень сложного домашнего хозяйства и десятков его технических рабов вплоть до “городского оборудования” … вплоть до постоянного зрелища прославления объекта в рекламе и в сотнях повседневных посланий»[518]. Несмотря на то, что масштабы развития скованной государственным регулированием

---

[516] Юрчак А. Указ. соч. С. 395.
[517] Антонова М. Указ. соч. С. 290–312.
[518] Бодрийяр Ж. Общество потребления : его мифы и структуры. М. : Республика : Культурная революция, 2006. С. 5.

советской рекламной индустрии не сравнимы с историей, к примеру, американского рыночного рекламного бизнеса, образы со страниц журнала «Новые товары», очевидно, символически связаны с моделями западной культуры потребления, в том числе, и в гендерном отношении. К тому же реформа Косыгина, результатом которой стало изменение методики определения эффективности производства через категории прибыли и рентабельности, приносила некоторые плоды.

Гендерный анализ журнала позволяет сделать выводы о стереотипах (и попытках их преодоления в советском обществе) на уровне культуры потребления. Поскольку мнение о дифференциации семейно-бытовых обязанностей, интересов и развлечений наиболее четко отображает собой стереотипные установки, исследование мужских и женских образов, используемых для рекламы того или иного вида товаров, позволяет эти установки раскрыть и охарактеризовать. На основе частоты и качества употребления женских и мужских образов мы можем сделать вывод о том, что декларируемый равный статус женщин и мужчин не оказывает существенного влияния на традиционалистские представления о «женском» и «мужском». В частности, на страницах журнала мы видим репрезентацию образа женщины-домохозяйки, что часто выражается в изображении женщин-моделей на рекламных плакатах бытовой техники (стиральные машины, мясорубки, газовые и электрические плиты и т.п.), бытовой химии, а также товаров, связанных с обустройством уютного быта (Рис. 3). Женщины чаще всего изображены и в рекламе продуктов питания в процессе приготовления пищи. Иногда и текстовый материал содержит в себе прямое указание на бытовые роли женщин: «В этом году наши хозяйки получат новый электрический помощник – комбинированную электромясорубку…»[519]. Примечательно, что в ряде случаев эстетически и символически постановочные кадры, изображающие женщин за работой по

[519] Новые товары. 1968. № 2. С. 14.

дому, особенно схожи с идеализированными образами американских жен-домохозяек 1950-х гг. (Приложение 6). Изображение мужчины на фоне бытовой техники (в данном случае, стиральной машины) среди выпусков 1968-1980-х гг. встретилось лишь один раз.

На примере практик «капиталистических» обществ Э. Уиллис делает вывод: «женщины становятся особой мишенью для рекламщиков. Согласно этой точке зрения, общество “создает” женщин как потребителей, а целью медиа, продуцирующих образы женщин как пассивных сексуальных объектов, является продажа товаров. Из этого следует, что угнетение женщин выгодно не мужчинам, а общей структуре власти»[520]. В целом образы женщин в советском рекламном журнале используются, очевидно, гораздо чаще образов мужских, что предположительно может быть связано и с непопулярностью профессии модели среди представителей мужской части советского общества. Фото мужчин чаще встречается в разделах «Новинки зарубежной моды» в рекламе мужских костюмов, где моделями, вероятно, являются не советские мужчины.

Мужчины также присутствуют на плакатах, связанных с рекламой электроники или транспортных средств. Стоит отметить, что женщины периодически также присутствуют в рекламе аналогичных товаров (телевизоры, радиоприемники, фотоаппараты, велосипеды и даже мотоциклы), в то время как тема водного транспорта и рыбалки практически полностью в журнале является «мужской». Примечательно также, что со второй половины 1970-х образы женщин появляются и в рекламе мопедов, чего не было в первой половине десятилетия. При этом вид женщины не сексуализирован, как это было характерно для рекламы постсоветского образца.

Абсолютно «женской» тематикой в журнале является тема красоты, косметики и ухода за собой. Реклама косметических кремов, лаков для волос

---

[520] Уиллис Э. Указ. соч. С. 38–39.

и парфюмерии иллюстрируется исключительно женскими образами (Приложение 7). В журнале за весь исследуемый период в большей степени представлена женская мода, от обуви до головных уборов. Женские костюмы включают в себя как платья и юбки, так и брюки. В одном из выпусков 1972 года представлена маскулинизированная модель женского костюма с галстуком в рубрике «Из иностранных журналов мод». Детская мода представлена в подавляющем большинстве случаев модой для девочек.

Тема детства в целом представлена противоречиво. В некоторых номерах реклама детских игрушек только условно разбита на блоки с машинками и куклами с описанием характеристик самих игрушек, в иных номерах содержатся прямые или косвенные указания на то, для какого пола данная игрушка предназначена. В целом, образы детей на страницах журнала используются вместе с женскими, а не с мужскими образами, что, конечно, отсылает к материнской роли женщины и практически исключает из визуального ряда образы отцовства как таковые.

Наиболее популярными среди читателей младшего возраста были специальные иллюстрированные журналы: детский журнал для октябрят «Мурзилка» и детский юмористический журнал «Весёлые картинки» (тираж – более 5 000 000 экземпляров каждый).

Материалы этих изданий также могут дать общее представление об особенностях мужской и женской гендерной социализации в позднем СССР. Поскольку данные журналы были ориентированы на детей дошкольного и младшего школьного возраста, их содержание отличается большим количеством иллюстративного материала. На наш взгляд, эта характеристика очень важна, так как репрезентация различных гендерных ролей в виде визуальных образов особенно сильно влияет на гендерную социализацию читателей.

В данном исследовании были рассмотрены февральские и мартовские выпуски журналов, исходя из устоявшегося в обществе представления о

гендерно-дифференцированных праздниках: 8 марта – Международный женский день и 23 февраля – День Советской армии. Стоит отметить, что современный феминистский дискурс характеризуется критическими замечаниями в отношении понимания 23 Февраля как мужского праздника, поскольку более историчное значение праздника состоит в акценте на профессиональную, а не на гендерную принадлежность. Однако, судя по выпускаемым в журналах материалам, редакторы, а затем и читатели, были настроены на понимание 23 Февраля как праздника в большей степени мужчин. К такому выводу позволяют прийти иллюстрации на страницах журнальных номеров, изображающих прежде всего мужчин и мальчиков в военной форме. Несмотря на то, что самой популярной темой для литературных и графических военных сюжетов была тема Великой Отечественной войны, гипотеза о возможном наличии в журнале образов воевавших женщин не подтвердилась. Этот факт в очередной раз подтверждает формальное понимание равенства и нерешенность женского вопроса в СССР: образы воюющих женщин на фронтах Второй мировой войны имели великое множество реальных подтверждений и не нуждались в искусственном конструировании с политическими целями. Настоящий вывод относится и к анализу материалов майских номеров журналов.

В мартовских номерах, несмотря на то, что фигуре женщины уделено особое внимание, роль женских образов сводится именно к материнской, что, конечно, наиболее очевидно и доступно для детского понимания, однако в значительной степени отсылает к традиционалистскому представлению о женщине в целом. В то же время в одном из выпусков опубликован рассказ В. Лосиной «Девочка в школе. Рассказ о давних годах», в котором подвергалось критике несправедливое ограничение деревенских девочек до

революции в праве на получение даже школьного образования: «Не отпускают родители девочек в школу: и нянчить надо им, и прясть»[521].

На страницах февральских и мартовских номеров данных журналов маскулинные и феминные образы представлены в соответствии со стереотипным разделением свойств социальных ролей. Персонажи мужского и женского пола, как правило, изображены в процессе выполнения разного рода действий: мужские – связаны с физической активностью[522], военными действиями и играми[523], во время того, как мастерят какие-либо изделия[524]; женские преимущественно связаны с приготовлением пищи (причем такие образы встречаются и на рисунках, присланных юными читателями в редакцию)[525], с вязанием/вышиванием/рукоделием[526], с заботой о членах семьи[527]. Встречается также и детское стихотворение, которое напрямую отражает одну из стереотипных установок в отношении проявления эмоций слабости мужчинами: «Если мальчик плачет, значит, есть причина. Если слёзы прячет, значит, он – мужчина» (Приложение 8).

Количественный анализ представленных мужских и женских персонажей на страницах детских журналов, на наш взгляд, не будет отвечать принципу объективности исследования, поскольку идентифицировать всех персонажей не всегда представляется возможным по ряду причин: во-первых, определение гендерной принадлежности некоторых антропоморфных персонажей оказывается затруднительным; во-вторых, достаточно сложно определить маркеры гендера, например, одежду персонажей (на однозначно женский образ может указывать юбка, платье, бант на голове, длинные волосы и сложные прически, а сочетание таких

---

[521] Мурзилка. 1970. № 3. С. 10–12.
[522] Веселые картинки. 1968. № 3. С. 2.
[523] Весёлые картинки. 1969. № 2. С. 3.
[524] Весёлые картинки. 1969. № 3. С. 5.
[525] Мурзилка. 1982. № 5. С. 20 ; Весёлые картинки. 1968. № 3. С. 4.
[526] Весёлые картинки. 1963. № 3. С. 13.
[527] Мурзилка. 1982. № 5. С. 18.

признаков, как брюки и волосы средней длины – может быть связано как с мужским, так и с женским гендером); в-третьих, качество и стилистика рисовки некоторых изображений не позволяет четко идентифицировать образы (слишком мелкие или скученные фигуры и т.п.).

Таким образом, анализ популярных советских материалов периодической печати и историографии вопроса позволяет прийти к следующим выводам настоящего исследования:

Советские СМИ в массе своей транслировали гендерные стереотипы, то есть стереотипы феминности и маскулинности, через особого рода текстовую информацию, специфику изложения материала, визуальные образы в виде фото и иллюстраций. В риторике, излагаемой на страницах исследованной советской прессы, обнаруживалась амбивалентность, которая выражалась, с одной стороны, в широком распространении идеи равенства мужчин и женщин, с другой стороны – в трансляции идей, моделей и фактических отражений проявления неравенства, выражающегося прежде всего в разном объеме бытовой нагрузки мужчин и женщин, а также в разной степени вовлеченности в выполнение семейных функций.

Гендерные стереотипы обнаруживались в изданиях разного плана, к которым относятся специализированные женские журналы, научно-популярные издания, рекламные журналы, детские и юмористические печатные издания. Гендерные стереотипы на страницах советских печатных изданий имели следующие выражение: иллюстрации и сюжеты выполнения родительских функций чаще всего связывались с женщинами; женские образы чаще соотносились с тематикой эстетического выражения внешнего вида человека; женские образы соотносились с темой выполнения домашней работы; мужские образы имеют семантические отсылки к категориям силы, мужества, храбрости как к аксиологическим; тема военной службы и патриотизма чаще соотносится с мужскими образами.

Гендерные стереотипы транслировались на все возрастные категории советских людей, в том числе на девочек и мальчиков посредством детской прессы, становясь тем самым частью социализации детей и подростков. В детских СМИ, использующих большее количество визуальных образов, гендерная стереотипизация проявляется наиболее наглядно.

Советский рекламный журнал является особым феноменом, концентрирующим в себе свойства потребительской и гендерной культуры советского общества. Идеалы и образы, представленные в советском рекламном журнале, порой по сути не соотносились с коммунистической аксиологией и эстетикой, но, тем не менее, существовали наряду с полем официальных политических выражений.

Советские женские журналы являются особой специфической категорией печатных СМИ, воплощая советский подход к решению вопроса гендерного неравенства. Образы женщин, представленных в советских женских журналах и в других видах печатных СМИ часто были унифицированными и в целом символически укладывались в концепцию «работающей матери» как идеального советского гендерного контракта и женской ролевой модели.

На бытовом уровне понимание гендерных ролей в СССР могло значительно различаться в зависимости от множества факторов. Именно по этой причине исследование дискурса на основе печатных и иных материалов позволяет выявить не столько отношение советского общества к каким-либо социально-политическим и культурным вопросам, сколько представление желаемых форм отображения (или замалчивания) социальных проблем советской властью.

Семейные обязанности на страницах исследуемых популярных советских журналов представлены, во-первых, как гендерно-дифференцированные, во-вторых, по большей мере как женские; таким образом, приватная сфера общественных отношений воспринималась как

область, где женщина может демонстрировать особую активность. Основной проблемой роли мужчин в семье считалась их слабая вовлечённость в процессы воспитания детей, выполнения функций по бытовому обеспечению домашнего семейного хозяйства.

Данные выводы дают основания полагать, что в советском обществе 1960-1970-х гг. расхождение между декларируемыми и реальными возможностями женщин, желаемыми и фактическими моделями семейных отношений проявлялось в значительной мере[528].

2.3. Феминность и маскулинность в искусстве и массовой культуре конца 1960-х – начала 1980-х гг. на примере советского кинематографа

Важным источником для выявления и изучения репрезентаций женского и мужского в советском обществе исследуемого периода являются произведения советского кинематографа. Кино в данном случае рассматривается не только как вид искусства, но и как важнейший канал трансляции тех или иных стереотипов, что обусловлено его спецификой по сравнению с другими видами искусства, ориентацией на удовлетворение культурных запросов широких масс. Популярность вышедшего на экраны кинофильма можно оценить гораздо более точно, чем степень популярности литературного произведения. Язык литературы и кино также имеет разную степень доступности и разную степень влияния на аудиторию за счет того, что образы в кинофильме, воздействующие на зрительное восприятие, производят на смотрящего более глубокое эмоциональное впечатление.

В данном исследовании объектом внимания становятся советские кинокартины различных жанров, снятые с конца 1960-х до 1985 гг., сюжеты

---

[528] Губанова Т. С. Репрезентация моделей семейных отношений на страницах советских журналов конца 1960-х – 1970-х гг. // Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология. 2023. Т. 29, № 3. С. 59–64.

которых связаны с советской повседневностью. Исследовательской целью является раскрытие специфики репрезентации феминных и маскулинных образов и выявление гендерных стереотипов. При анализе репрезентаций женских и мужских образов учитывались типичные особенности сюжетов, распространенные кинематографические клише, отношения между мужскими и женскими персонажами, реплики героев, их внешний вид, манера поведения и прочие детали, которые помогают раскрыть характеристики феминного и маскулинного.

Анализ образов женщин, представленных в советском кино, на наш взгляд, позволяет выявить основные пути женской самореализации и модели феминности в социально-политическом дискурсе позднего СССР. «Характер женского образа является одним из важнейших концептов художественного текста, выступающий своего рода сводом типов социального поведения, присущим той или иной культуре»[529], – говорит С.Смагина. Некоторые черты героинь советских фильмов предстают как инвариантные и позволяют сделать вывод об общих признаках советской феминности (и феминности в целом). Другие черты позволяют типологизировать образы советских героинь, выявить основные формы репрезентации женственности и раскрыть их вариативность.

Фабулы большинства фильмов, центральными персонажами которых являются женщины, строятся вокруг темы поисков личного/семейного счастья. Само по себе это является типичной особенностью массовой культуры как таковой; достаточно точно обозначила данную проблему А. Усманова, говоря о том, что в классическом кинематографе удачное замужество (желательно по любви) часто представлено как главная цель женщины-героини: «Несомненно и то, что топос Золушки является в патриархальной культуре наиболее востребованным: в советском кино

---

[529] Смагина С. Новая женщина в кинематографе переходных исторических периодов. М. : Новое литературное обозрение, 2023. С. 5.

невесты зачастую тоже волшебным образом преображаются и уезжают со своим принцем в сказочный дворец (например, однокомнатную квартиру)»[530]. Героини фильмов в конечном счете обретают счастье только при обретении/утверждении статуса невесты, жены, подруги, любовницы, даже если речь идет об изначально проблематичных отношениях – например, по сюжетам фильмов «Молодая жена» (реж. Л. Менакер, 1978) или «Любовь и голуби» (реж. В. Меньшов, 1984). Характерной особенностью советского кинематографа конца 1960-х – начала 1980-х гг. становится скорее акцентирование внимания на теме женского одиночества и на его новом социальном облике: в качестве героини, ищущей личного счастья, все чаще выступает не юная девушка, а зрелая женщина в возрасте «за тридцать», как правило, городская жительница, имеющая профессию и материально независимая.

Для ряда советских фильмов периода «развитого социализма» характерна некая двойственность в оценке ролей и женщины, и мужчины, что соотносится с особенностями позднесоветского дискурса в целом. Так, с одной стороны, в фильмах зритель может наблюдать образованных, умных, волевых женщин, заслуживших высокий социальный статус, в некоторых случаях – более успешных по сравнению с окружающими их мужчинами. С другой стороны, создатели фильмов подчеркивают, что женщины не могут найти полной самореализации без мужчин. Именно в этом, по мнению А. Шадриной, заключается смысл «скрытых и очевидных посланий, адресованных аудитории» в фильмах «Одиноким предоставляется общежитие» (реж. С. Самсонов, 1983), «Одинокая женщина желает познакомиться» (реж. В. Криштофорович, 1986), и, наконец, «Родня» (реж. Н. Михалков, 1981), где с экрана звучит знаковая фраза: «Одинокая женщина в наше время – это неприлично»[531]. В фильме «Вам и не снилось» (реж.

---

[530] Усманова А. Указ. соч. С. 407.
[531] Шадрина А. Указ. соч. С. 73–78.

И. Фрэз, 1980) несчастной и одинокой героиней предстает учительница, о которой, несмотря на ее человечность и популярность среди учащихся, мама одной из учениц отзывается так: «Не люблю бывших актрис и старых дев». Мужчина, с которым учительница так и не решается на отношения, тоже предъявляет ей претензии и хочет, чтобы она была «покорной, глупой, самой обыкновенной бабой». В данном случае образ героини соотносится с типажом страдающей от одиночества советской женщины (по словам ученицы-старшеклассницы, «Танечка [учительница. – *Т.Г.*] говорит, что жизнь больше любви, а у самой глаза тоскливые, как у больной собаки»), однако найти себе партнера женщина хочет, не только полагаясь на рационализм, но и обязательно прислушиваясь к эмоциональному влечению.

Как и в сказке о Золушке, в кинематографе, чтобы обрести любовь и «заслужить» счастье, герой или героиня должны преобразиться. Фабула ряда советских киноисторий подразумевает качественное перерождение главных героев, когда мужчина или женщина изначально показаны как имеющие некий изъян, обладающие характеристиками, которые могут расцениваться зрителем как недостатки или объекты критики. В процессе развития сюжета герои переосмысляют свое поведение, меняют свой образ жизни и внешний вид, приближаясь к нормативности. Так, главные героини могут быть представлены как внешне непривлекательные, не уделяющие внимания своему внешнему виду, но впоследствии значительно преобразившиеся, в том числе в отношении к себе и к мужчинам. Примерами в данном случае выступают такие известные фильмы позднего советского периода, как «Служебный роман» (реж. Э. Рязанов, 1977), «Самая обаятельная и привлекательная» (реж. Г. Бежанов, 1985), «Отпуск за свой счет» (реж. В. Титов, Я. Буйташ, 1981). Характерен в этом отношении фильм «Влюблен по собственному желанию» (реж. С. Микаэлян, 1982), в котором подтверждением патриархального представления о роли женщины становится не только процесс внешнего преображения главной героини и

постепенная сексуализация ее образа, но и фраза, произнесенная ей после интимной близости с героем в финале фильма: «Теперь можно и умереть!» – как будто ее жизненная цель счастливо достигнута.

Справедливо отметить, что в позднесоветском кино встречаются и репрезентации женской оптики, женских оценок представителей противоположного пола. Героини также оценивают внешнюю привлекательность мужчин, хотя и не ставят данный фактор на первый план. В фильме «Самая обаятельная и привлекательная» (реж. Г. Бежанов, 1985) при выборе потенциальной «мишени» для привлечения внимания главная героиня первоначально отдает предпочтение модно одетому молодому Володе Смирнову, сыгранному актером А. Абдуловым, а не старомодному и простоватому Лёше Пряхину, внешнему виду которого делает замечание опекающая и подталкивающая его на романтические подвиги старшая коллега. В фильме «Любимая женщина механика Гаврилова» (реж. П. Тодоровский, 1981) предпочтение героини в конечном счете также остается на стороне стройного и подтянутого механика, а не полноватых музыканта и фотографа (второму героиня даже делает замечание из-за его небритости, ставя в пример Гаврилова, бреющегося дважды в день). В фильме «Дамы приглашают кавалеров» (реж. И. Киасашвили, 1980) девушка, осуждая потенциального жениха своей подруги (главной героини, отправившейся на курорт за поиском любви), говорит о том, что он «толстый и лысый». Он же, в свою очередь, пытаясь произвести положительное впечатление на избранницу, сбривает усы. Главная героиня в контексте проблемы «кризиса маскулинности» сетует на то, что не за кого выходить замуж и «все мужики перевелись».

К слову, неоднозначным для понимания зрителя оказывается финал вышеупомянутого фильма, где героиня сначала договаривается с избранником о будущей свадьбе и готовится к совместному теплоходному рейсу, затем в последнюю минуту сбегает с уходящего корабля от

наскучившего избранника и возвращается к себе домой. Прибытие домой, с одной стороны, показано достаточно теплыми и уютными сценами, где героиня под мажорное музыкальное сопровождение весьма позитивно и задорно возвращается к родным местам и привычному жизненному укладу, с другой стороны, поджидающий ее у дома брошенный на теплоходе кавалер также в заключительной сцене вызывает у женщины загадочную улыбку.

Для ищущих любви героинь советских фильмов важными оказываются эмоциональная привязанность и романтические чувства. В фильмах «Любимая женщина механика Гаврилова» (реж. П. Тодоровский, 1981), «Вас ожидает гражданка Никанорова» (реж. Л. Марягин, 1978), «Вокзал для двоих» (реж. Э. Рязанов, 1982) и др., женщины из разной социальной среды показаны как с трудом принимающие свое одиночество, идущие на жертвы ради чувств к мужчине, готовые бесконечно ожидать не пришедших на встречу кавалеров, бежать за уехавшими «на край света». Социальный статус избранника не играет при этом решающей роли, напротив, женщина может взять на себя миссию спасительницы мужчины, оказавшегося на социальном «дне». Эти женщины показаны и как несогласные на формальное бытовое партнерство с теми, к кому они не испытывают ярких чувств и глубокой эмоциональной привязанности. В этом отношении советский кинематограф продолжает традиции классической русской литературы: как отмечает Л. Бредихина, «Исконно русская (литературная) традиция взаимоотношений “мужского” и “женского” огрубленно сводится к двум сценариям. Идеальная русская женщина находила себя в отождествлении с идеальным русским мужчиной, как правило, “лишним”, т.е. социально невостребованным. Неидеальная — отдавалась нелишнему…»[532].

---

[532] Бредихина Л. М. Предисловие // Гендерная теория и искусство : антология: 1970–2000. М. : РОССПЭН, 2005. С. 8.

Помимо общности в изображении жертвенности зрелой женщины, ищущей любви, каждый из приведенных выше источников содержит отражение стереотипов, связанных с гендерными и семейными ролями.

Разница репрезентаций выражается в отношениях, репликах и поступках героев. Например, преимущественное право на сексуальную свободу по сюжетам часто принадлежит мужчине: как в комедиях, так и в драмах они покидают женщин ради соперниц или каких-либо других целей, тогда как женщины-героини оказываются готовыми принять мужчин после измены, и их готовность идти на жертвы вознаграждается взаимностью, моральным исправлением или физическим выздоровлением избранника («Любовь и голуби» (реж. В. Меньшов, 1984), «Не могу сказать “прощай”» (реж. Б. Дуров, 1982)). Сексуальная же свобода женщин в позднесоветском кинематографе выражается в свободном выборе единственного партнера и оправдывается глубиной чувств и искренностью намерений – прежде всего, готовностью к самопожертвованию по отношению к одному из них в ситуации выбора. Женская супружеская измена, в отличие от мужской, редко становится темой, прямо обыгрываемой в комедийном жанре (исключение – «Иван Васильевич меняет профессию» (реж. Л. Гайдай, 1973, по пьесе М.А. Булгакова 1934-1936), однако и здесь уход Зины от инженера Шурика к режиссеру Якину является галлюцинацией изобретателя, получившего травму, а «настоящая» Зина в финале предстает скромной, не легкомысленной и бескорыстной). Если советские режиссеры брались за тему женских партнерских измен, то жанр кинокартины определялся, как правило, как драматический, что подразумевало, что ситуация вряд ли может показаться зрителю смехотворной и в целом заслуживает серьезной рефлексии: в качестве примеров можно привести фильмы «Странная женщина» (реж. Ю. Райзман, 1977), «Единственная...» (реж. И. Хейфиц, 1975).

Можно сделать вывод, что общими чертами изображения женщин в советском кинематографе является их концентрация на поиске мужчины как романтического семейного партнера, а одной из главных тем является тема женского одиночества, фактически отождествленная с проблемой женского несчастья. К сходным выводам о репрезентации феминности в позднем советском обществе приходит и И.Н. Тартаковская, обратившись к анализу и женских образов в советской песенной культуре: «На передний план выдвигается та самая женщина, которая “сняла решительно пиджак наброшенный – казаться гордою хватило сил... Ему сказала я: “Всего хорошего” - а он прощения не попросил "; та, которой “красивая и смелая дорогу перешла ”; та, которая “могла бы забежать за поворот... Я могла бы, только гордость не дает”. Примеры несчастливой женской судьбы в такого рода “советской лирике” можно множить и множить, женщины своеобразно “программируются” на одиночество, причем в качестве причины его фигурирует в основном “гордость”, другими словами, моральное преимущество перед партнером»[533]. В целом, автор на примере популярных песен конца 1960-х – 1970-х гг. говорит о том же, что показывает приведенный выше анализ произведений позднесоветского кинематографа, где одинокая зрелая женщина оказывается ключевым лирическим субъектом.

Несмотря на то, что данная проблема показана как общая для большинства женщин, советские режиссеры демонстрируют некоторую вариативность в репрезентации женщин и форм их самореализации.

Первый тип женской самореализации представляет модель «женщины-руководителя», нашедшая яркое отражение в образах главных героинь ряда известных фильмов: «Служебный роман» (реж. Э. Рязанов, 1977) и «Москва слезам не верит» (реж. В. Меньшов, 1979). М.Р. Торбург и С.В. Добронравов, анализируя данные образы, приходят к выводу о том, что «в 70-х гг., когда Коммунистическая партия утратила контроль за киноискусством,

[533] Тартаковская И. Н. Указ. соч. С. 209–210, 219–223.

изображаемая социальная реальность и образы женщин-руководительниц стали подаваться в значительной степени правдиво, что отразило на экране существующие в советском обществе патриархальные предрассудки»[534]. На наш взгляд, выразительным примером является менее известный широкому зрителю телевизионный восьмисерийный фильм «Ольга Сергеевна» (реж. А. Прошкин, 1975), о женщине-океанологе, которая в процессе развития сюжета становится руководителем лаборатории подводных исследований, а также пытается выстроить сложные отношения с мужчиной, воспоминания о котором хранит со студенческих лет. Ряд высказываний и поступков героев свидетельствуют о стереотипах, имеющих гендерную специфику. Так, в одной из серий руководитель лаборатории (предшественник Ольги Сергеевны на этой должности) собирается в министерство для продвижения интересов лаборатории и дает распоряжение Ольге сопроводить его, т.к. «наличие красивой женщины очень помогает в таких предприятиях. Этим товарищам [чиновникам в министерстве, очевидно, мужчинам. – Т.Г.] иногда бывает приятно блеснуть властью перед красивой женщиной». Показателен и эпизод с подсобным рабочим, предчувствующим вступление Ольги Сергеевны в должность и высказывающимся на эту тему с неодобрением: «Женщинам не надо давать распоряжаться! Женщины, они – другая нация. Они все видят в другом цвете. Вы видите желтое, а женщина глядит на то же самое и видит зеленое». С одной стороны, эту мысль изрекает персонаж, принадлежащий к более низкой социальной страте, нежели большинство образованных героев фильма. С другой стороны, его мнение косвенно подтверждает дальнейшее развитие сюжета: когда Ольга Сергеевна, ставшая руководительницей, пытается сочетать управленческую работу с научными исследованиями и романтическими отношениями, в лаборатории наступает смута. В целом, говоря о таком роде дискурса, важно отметить его

---

[534] Торбург М. Р., Добронравов С. В. Эволюция образа женщины-руководительницы в советском кино // Женщина в российском обществе. 2021. № 3. С. 133.

бинарность, так как романтическое достаточно остро противопоставляется профессиональному, и карьера зачастую представлена как то, что не позволяет героине найти полное жизненное самоудовлетворение и самореализацию.

Второй тип женской самореализации в советском кино представляет собой образ женщины-матери, большая часть жизни которой посвящена заботе о детях – в одиночестве или совместно с мужчиной. Исполнение семейных (материнских и отцовских) функций в советском кино показано как типовым, так и с некоторой долей вариативности. Так, в целом ряде фильмов прямо или косвенно отображена модель одинокого материнства, при которой вся забота о незапланированном ребенке после неудачных отношений ложится на женщину; при этом не артикулировано, но подразумевается, что женщины не предъявляют претензий несостоявшимся отцам и не настаивают на том, чтобы мужчины реализовали свои отцовские функции (вокруг такой коллизии строится, например, сюжет фильма «Школьный вальс» (реж. П. Любимов, 1977)). Основой фабулы фильмов «Мужики!..» (реж. И. Бабич, 1981), «Мачеха» (реж. О. Бондарёв, 1973) и «Не было печали» (реж. Ю. Даниялов, 1982) становится ситуация, при которой мужчина случайно узнает о своем осиротевшем внебрачном ребенке. Стратегии поведения мужчины, вынужденного неожиданно взять на себя роль отца, и женщины (его матери, жены или возлюбленной), сталкивающейся с необходимостью принять чужого ребенка, в каждом из фильмов – при сходстве основных коллизий – изображены вариативно. В фильме «Мачеха» такая женщина является главной героиней, которая в процессе развития сюжета открывает в себе мудрость через жертвенность, сговорчивость и любовь к приемному ребенку, проявляет терпение, внимательность, доброту по отношению ко всем членам семьи. В фильме «Мужики!..» мы знаем о несостоявшейся мачехе только то, что она заочно отказывается от этой роли и бросает главного героя до того, как он

возвращается с неожиданно обретенными детьми к себе в квартиру. В то же время в фильме «Молодая жена» (реж. Л. Менакер, 1978) семейные и супружеские функции главной героини раскрываются прежде всего через внимательное отношение к падчерице (в отличие от ее мужа – родного отца, грубого и равнодушного к маленькой дочке).

На примере репрезентаций образов матерей в советском кинематографе конца 1960-х – начала 1980-х гг. мы можем наблюдать реализацию двух типов материнства. Первый из них – это опекающая мать, сосредоточенная на заботе о ребенке, порой до проявления авторитарности, как, например, в фильмах «Валентин и Валентина» (реж. Г. Натансон, 1985), «Будьте моим мужем» (реж. А. Сурикова, 1981), «Вам и не снилось» (реж. И. Фрэз, 1980). Любопытно отметить, что авторитаризм в воспитании детей в позднем советском кинематографе показан как характеристика прежде всего женская, даже если речь идет о реализации профессиональных педагогических функций – например, как в фильмах «Урок литературы» (реж. А. Коренев, 1968), «Доживем до понедельника» (реж. С. Ростоцкий, 1968), «Большая перемена» (реж. А. Коренев, 1972), «Дневник директора школы» (реж. Б. Фрумин, 1975), «Розыгрыш» (реж. В. Меньшов, 1977). Тревожность и чрезмерная обеспокоенность бытом и поведением детей предстает скорее как женская черта, тогда как отрешенность и низкая степень вовлеченности в процессы воспитания представляются как черты преимущественно мужские.

В то же время в позднесоветском кино появляется совершенно иная репрезентация материнства – тип «избегающей» матери. В целом ряде фильмов позднесоветского кинематографа образ работающей матери лишен героического флёра и подчеркнуто желание женщины, с трудом находящей время на воспитание ребенка, делегировать кому-либо функции заботы о нем. Эта тенденция прослеживается в таких фильмах, как «Сладкая женщина» (реж. В. Фетин, 1976), «По семейным обстоятельствам» (реж. А. Коренев, 1977), «Карантин» (реж. И. Фрэз, 1983), «Зимняя вишня» (реж.

И. Масленников, 1985). Создатели этих фильмов явно предпринимали попытку рефлексии над тем, легко ли женщине совмещать несколько социальных ролей, на какие издержки ей приходится при этом идти и какой выбор она порой вынуждена делать.

Уникальным для советского кинематографа в отношении репрезентаций моделей феминности является фильм «Однажды двадцать лет спустя» (реж. Ю. Егоров, 1980), в котором представлена история Надежды, многодетной матери, испытывающей на встрече выпускников некоторое стеснение и неловкость от того, что она не добилась карьерных высот, как ее бывшие одноклассники и одноклассницы – телеведущий, поэтесса, архитектор, астроном, капитан 2-го ранга и др. Но, в конечном счете, именно она предстает перед зрителем настоящей героиней, удостоенной общественного признания: в финале фильма одноклассники, видя Надежду в окружении десяти детей, устраивают ей овацию, а зритель видит на ее жакете орден «Мать-героиня». Картина показывает быт многодетной семьи по большей мере с позитивной стороны и является панегириком многодетности (что, вероятно, несло в себе часть пропагандистских функций на волне снижения рождаемости). Авторское «послание» зрителям отчетливо прочитывается в начале фильма, в эпизоде, когда молодая чета главных героев совместно с другой супружеской парой отыскивают потерявшихся в магазине «девочек с синими бантиками» и благополучно обнаруживают в первом случае ребенка, а во втором – собаку. Ответ хозяйки собаки на вопрос главной героини о наличии детей в этой ситуации призван усилить комический эффект: «Нет [у нас детей. – *Т.Г.*], что Вы, у женщины в наше время есть и другие интересы». Намеренный отказ от материнской роли предстает здесь как предмет сарказма. Нетипичность концепции данного фильма состоит в том, что здесь показана новая по сравнению с господствующей в исследуемый период (и при этом традиционно-патриархальная по своей сущности) модель феминности: зрителю теперь предлагается испытывать сочувствие не к

работающей матери, а к матери-домохозяйке. В то же время отступление от формата совмещения материнских и производственных функций оказывается оправданным именно многодетностью, стратегия домохозяйки оказывается не предпочтительной в обычной ситуации (при воспитании одного-двух детей).

Предметом размышления в произведениях советского кинематографа, посвященных современности, становится также переплетение гендерной и социально-бытовой проблематики. Следует учесть, что в советской визуальной культуре конца 1960 – начала 1980-х годов, по оценке А.Ю. Котылева, «отступление от идеологических постулатов диктовалось уже не столько жестким прагматизмом, сколько устремленностью к жизненным благам»[535]. С помощью советских фильмов возможно увидеть, каким образом проявлялась двойственность в оценке моделей потребления в условиях советской дефицитной экономики. Обращение к данной проблематике позволяет определить третий тип репрезентации форм женской самореализации в советском кино – образ «женщины-добытчицы», для которой важнейшей частью жизни является создание условий комфортного быта, стремление к получению расширенных благ или даже роскоши.

Примечателен в этом отношении фильм «Сладкая женщина» (реж. В. Фетин, 1976), повествующий историю работницы кондитерской фабрики. Концепция фильма укладывается в нормы классического коммунистического дискурса, порицающего «мещанский» образ жизни, воплощенного в стратегии поведения главной героини Анны. Стремление Анны улучшить условия своей жизни показано как патологическое, а способ достижения цели комфортного быта (махинации с путевками) бросает тень на саму цель. Показывая реакцию мужчин, разочаровавшихся в Анне, создатели фильма предлагают зрителю вместе с ними осудить ее бездуховность и зацикленность на бытовых проблемах. Симпатией режиссера, очевидно,

---

[535] Котылев А. Ю. Указ. соч. С. 57–91.

пользуются представители интеллигентской среды: семья первого возлюбленного главной героини, ее образованный супруг, – в отличие от нее самой, выросшей в деревне и не получившей среднего образования (отметим, что в культуре ранних советских лет в роли положительного персонажа, вызывающего сочувствие зрителей, обычно выступал, напротив, представитель более низкой социальной страты). При этой постановке проблемы зрителю сложнее отметить то, что без инициативности Анны ее супруг, вероятно, так и остался бы жить в коммунальной квартире, а последний ее возлюбленный вовсе применяет эмоциональное насилие, игнорируя и унижая Анну, но при этом не предпринимая никаких попыток самостоятельно улучшить свой неблагополучный быт.

Особенностью репрезентации типажа позднесоветской женщины-добытчицы является то, что образ героини, обустраивающей быт, крайне редко вызывает симпатию режиссера и зрителя, а часто, напротив, может выглядеть нелепо или гротескно. В комедийном фильме «Блондинка за углом» (реж. В. Бортко, 1984) собраны несколько социально-бытовых клише. Во-первых, главный герой – выпивающий и неудачливый романтик-ученый, которого главная героиня должна обязательно исправить (возможность чего она в начале картины пытается доказать в споре с собеседниками). Во-вторых, женщина (работница торговой сферы) показана энергично обустраивающей условия благополучной жизни обоих в паре, а мужчина – пассивно принимающим ее заботу. Интерес представляет то, что социальная активность, усилия женщины по обустройству «идеальной» совместной жизни героев вдохновляют мужчину только на первом этапе отношений, а во время свадьбы герой, узнавший об успехе своей научной разработки, вовсе отмахивается от невесты и демонстративно выражает презрение к ее приземленным интересам. В-третьих, «счастливая» развязка фильма подразумевает приезд женщины к мужчине на Крайний Север и рождение ребенка: стратегия житейского прагматизма героини уступает место

традиционной модели женской жертвенности. Такая репрезентация женского образа говорит о достаточно жестких рамках, в которых должна пытаться выстроить свою жизнь женщина, чтобы быть счастливой, любимой и при этом не вызывать осуждения общества.

Сюжетные линии позднесоветских фильмов показывают, что социально одобряемым является сочетание различных путей самореализации в жизни одной женщины, а поведение женщин, не соотносящееся с одной из трех форм женской самореализации, показано как ненормативное. Именно такой смысл, на наш взгляд, может закладываться в название кинофильма «Странная женщина» (реж. Ю. Райзман, 1977), где попытки обретения субъектности главной героиней не соотносятся с социальной нормой.

Далее обратимся к анализу репрезентаций мужских образов в кинематографе позднесоветской эпохи.

Период 1960-1980-х гг. часто характеризуется в социальных исследованиях как время «кризиса маскулинности». Принято считать, что внимание к этой проблеме в советском обществе первым привлек ученый-демограф, доктор экономических наук Б.Ц. Урланис, опубликовавший в 1968 г. в «Литературной газете» статью с броским лозунговым заглавием «Берегите мужчин!»[536], где речь шла о повышенной мужской смертности и о том уроне, который она наносит народному хозяйству и семейной жизни советских людей. Как подчеркивают Е.А. Здравомыслова и А.А. Тёмкина, обсуждение кризиса маскулинности было характерно как для западного, так и для советского либерального дискурсов 1970-1980-х гг., однако акценты расставлялись по-разному: «В позднесоветском дискурсе “кризис маскулинности” – это метафора, за которой скрывается признание социальной болезни общества»[537].

---

[536] Урланис Б. Ц. Берегите мужчин! // Литературная газета. 1968. 24 июля (№ 30). С. 12.
[537] Здравомыслова Е., Тёмкина А. Кризис маскулинности в позднесоветском дискурсе. С. 433–449.

Различные авторы сходятся во мнении, что применительно к изучаемому периоду речь может идти о кризисе не маскулинности как таковой, а «гегемонной маскулинности»; под гегемонной маскулинностью понимается стратегия символического господства мужчин и непререкаемо высокий престиж паттернов мужественности, который находит воплощение в культуре, повседневной жизни и практиках взаимодействия между полами. Кризис этого типа маскулинности связан с утратой мужчинами монополии на выполнение функции «кормильца семьи», что приводит к смене привычных социальных ролей. Показательно, что Б.Ц. Урланис в своей программной статье требовал обеспечить мужчин таким же вниманием и заботой со стороны государства, которым до сих пор были окружены женщины и дети: в данном случае «критический дискурс выстраивался в своеобразную гендерную теорию виктимизации, согласно которой мужчины рассматривались как пассивные жертвы собственной биологической природы или структурно-культурных обстоятельств»[538].

Современные исследователи обращают внимание не только на демографические, но и на социокультурные аспекты «кризиса маскулинности», изучая их на материалах кинофильмов, медиа-источников и музыкальной культуры позднесоветского периода. И. Новикова высказывает мысль о том, что «кризис гегемонной маскулинности» может быть свидетельством ухода советского общества от тоталитаризма[539]. Исследователи стремятся выявить иные типы маскулинности, формировавшиеся в культуре того времени. Так, Н.Л. Пушкарёва говорит о недостижимом идеале «настоящей мужественности» в либерально-критическом дискурсе 1960-1980-х гг., выделяя в культуре того периода несхожие друг с другом типажи «русского дворянина» (или интеллигента),

---

[538] Здравомыслова Е. А., Тёмкина А. А. Что такое «маскулинность»? С. 48–73.

[539] Скороспелова Т. В. Концепт маскулинности в российском коммуникативном пространстве : на материале киноискусства 1930–1990 годов: автореф. дис. … канд. социол. наук. М., 2002. 25 с.

«советского воина» и «западного ковбоя». Историк также пишет о многоликости этой мужественности, которая могла выражаться в мужской дружбе, истинном профессионализме и даже романтизированных девиациях[540]. В.А. Суковатая отмечает, что мужчины по типу героев, сыгранных О. Басилашвили и О. Янковским, «продолжали галерею “лишних людей” в XX веке, интеллигентов, чьи послевоенные надежды на либерализацию режима не осуществились»[541]. Ж. Чернова, в свою очередь, обращается к культуре бардовской песни и делает выводы о формировании особого типа маскулинности, связанного с образом жизни, отличным от распространенного, с антипотребительскими ценностями: «Образ «настоящего» мужчины является одним из типов советской мужественности. Его специфика непосредственно связана с контекстом формирования, т.е. ценностями и культурой советского общества конца 1960-х гг. Потребность в создании героя того времени реализовалась в появлении “романтика” — представителя научно-технической интеллигенции, туриста, барда»[542]. Отметим, что на советском экране даже происходит столкновение двух принципиально разных типов маскулинности в картине «Место встречи изменить нельзя» (1979), где Жеглов (в исполнении В. Высоцкого) олицетворяет мужественность «брутальную», а Шарапов (в исполнении В. Конкина) «интеллигентскую». Так или иначе, новые формы маскулинности появляются не только как аномалия, но и находят утверждение как равноценная альтернатива «гегемонной маскулинности».

Обращаясь к репрезентациям маскулинности в советском художественном кинематографе конца 1960-х – начала 1980-х гг., выделим

---

[540] Пушкарёва Н. Л. Гендерный аспект «истории повседневности»: содержание и перспективы изучения. С. 8–23.

[541] Суковатая, В. А. От «Маскулинности травмы» – к «Маскулинности невроза»: гендерные политики в советской и постсоветской массовой культуре // Лабиринт. Журнал социально-гуманитарных исследований. 2012. № 5. С. 37–59.

[542] Чернова Ж. Романтик нашего времени: с песней по жизни // О муже(N)ственности : сб. ст. / сост. С. Ушакин. М. : Новое литературное обозрение, 2002. С. 453–476.

распространенные клише, проявлявшиеся в изображении взаимоотношений экранных героев с женщинами, распределения семейных обязанностей и воспитательных функций.

Внешняя привлекательность мужчины в кинематографе предстает как важная (хотя и не единственная) предпосылка романтических отношений. Как и типичная героиня-«Золушка», в ряде фильмов мужчины делают попытки внешнего преображения, чтобы произвести положительное впечатление на своих избранниц. Этот сюжетный ход возникает в таких фильмах, как «Самая обаятельная и привлекательная» (реж. Г. Бежанов, 1985), «Любимая женщина механика Гаврилова» (реж. П. Тодоровский, 1981), «Дамы приглашают кавалеров» (реж. И. Киасашвили, 1980), но, как правило, такие эпизоды носят комический характер и не приводят к желаемому результату. С другой стороны, Е. Барабан пишет о «почти полном отсутствии [в советском кино – Т.Г.] мужской моды и культивировании представления, будто “настоящие мужчины” боятся дать малейший повод для того, чтобы их заподозрили в “женском” отношении к одежде. Не случайно контрабандист-неудачник в комедии Гайдая “Бриллиантовая рука” (реж. Л. Гайдай, 1969) Гена Козодоев (актер Андрей Миронов) представлен как отрицательный герой, как “ненастоящий мужчина», гоняющийся за элементами “красивой жизни”»[543].

«Мужественность» и «настоящесть» мужчин в советской медиа-культуре порой артикулируются в достаточно распространенной форме, что отмечает С. Ушакин, который с помощью категорий Ф. де Соссюра анализирует мысль, произнесенную закадровым голосом во вступлении фильма «Ирония судьбы, или С лёгким паром» (реж. Э. Рязанов, 1975), суть которой состоит в том, что «раньше настоящие мужчины ходили в манеж гарцевать… Сегодня – ходят в баню». «Настоящесть» мужчины, таким

---

[543] Барабан Е. В меру упитанный и в полном расцвете сил // О муже(N)ственности : сб. ст. / сост. С. Ушакин. М. : Новое литературное обозрение, 2002. С. 137–141, 145–157.

образом, определяется тем, куда этот мужчина ходит, т.е. смысл термина («настоящий мужчина») оказывается подмененным объектом действия (т.е. манеж, тир, зал, клуб, баня). Или — в иной транскрипции — позитивное значение («мужественности») в данном случае проявляется в виде знаковых («мужских») действий[544].

Различия стереотипов «мужественности» и «женственности» ярко проявляются в сценах, изображающих повседневную жизнь персонажей. Как в драматических, так и в комедийных фильмах женщины зачастую показаны в бытовых сценах, выполняющими обслуживающие функции (приготовление пищи, уборка жилища), а мужчины между делом обращаются к женам с требованием подать ужин или расстелить постель. Ситуации, когда мужчины выполняют такого рода домашнюю работу, часто соотносятся с образом холостяка или мужчины, чья маскулинность поставлена под сомнение в силу мягкости характера или возраста. Например, в комедии «Старики-разбойники» (реж. Э. Рязанов, 1971) герой – пожилой овдовевший следователь, которого начальство вынуждает уйти на пенсию, – проявляет бытовые знания в области более эффективных способов мытья посуды, по поводу чего с новой знакомой у него возникает диалог:

– *Вы работаете посудомойкой?*

– *Вот уже пять лет, с тех пор как умерла моя жена.*

Судя по этим кинематографическим клише, потенциальная зрительская аудитория не привыкла воспринимать компетентность мужчины в области ведения домашнего хозяйства как повседневную норму.

Советское кино также демонстрирует разницу в допустимом поведении для женщин и для мужчин. Проявление физической агрессии мужчиной часто характеризуется в советских фильмах как признак положительных качеств (благородство, смелость, сила) и в целом этими качествами

---

[544] Ушакин С. «Человек рода он»: знаки отсутствии // О муже(N)ственности : сб. ст. / сост. С. Ушакин. М. : Новое литературное обозрение, 2002. С. 21.

оправдывается, иными словами, тема мужской драки занимает особое место. Так, в фильме «Уходя – уходи» (реж. В. Трегубович, 1978) главный герой, который едет в деревню со своей дочкой, оказывается вынужденным вступить в разборки между мужчинами, устроившими драку в вагоне, так как все женщины-попутчицы ждут именно от него решительных действий, взывая к его маскулинности. Дочь героя после первой потасовки с восторгом рассказывает то, как ее папа якобы смело дал жесткий отпор беспредельщикам, несмотря на то, что на самом деле он сам получил удар по лицу. Таким образом, картина показывает, как женщины, во-первых, ждут от мужчин проявления физической силы (в ситуации восстановления справедливости и порядка), во-вторых, могут восхищаться такими проявлениями и оправдывать физическую агрессию благородными побуждениями. Ввязавшись в драку и проявив большую активность с одним из тех же хулиганов, встретив его уже в деревне, герой отказывается приносить извинения даже под страхом наказания, как бы испытывая удовлетворение.

Тема многоженства в советском кинематографе часто оказывается представленной в комедийном ключе и в реалиях советской действительности будто бы не может быть воспринята зрителем всерьез. Например, в комедии «Суета сует» главный герой, разочаровавшийся в своей новой избраннице, в момент душевного единения с супругой намекает на то, что на Востоке у мужчины есть две жены для удовлетворения разных потребностей. В ответ на эту реплику жена оскорбляется и резко пресекает физическую близость (сон на одном спальном месте) с мужчиной. И.Новикова на примере фильма «Белое солнце пустыни» (реж. В.Мотыль, 1969) говорит о том, что образ гарема является особенностью европейских ориенталистских дискурсов, и, с одной стороны, в советском сознании был признаком недостаточной цивилизованности исламских обществ, но, с другой стороны, иллюстрировал особый тип сверхмаскулинности. Так,

предводитель бандитской шайки и владелец гарема Абдулла в «Белом солнце пустыни», по замечанию автора, выглядит гораздо мужественнее других персонажей[545]. (Отметим, что главный положительный герой фильма, красноармеец Сухов, мечтающий о возвращении в Самару к нежно любимой жене Катерине Матвеевне, в одном из эпизодов фильма видит себя во сне и мужем Катерины Матвеевны, и повелителем гарема). С другой стороны, автор считает, что в этом контексте фильм имеет элемент репрезентации анти-«азиатских» настроений и поиска причин застоя в социально-политических особенностях развития азиатских республик. Похищение невесты, ставшее сюжетом фильма «Кавказская пленница, или Новые приключения Шурика» (реж. Л. Гайдай, 1967) также за счет комичности персонажей и несерьезности ситуации представлено без намека на размышление о насильственности и несправедливости характера данного обычая (хотя все соучастники похищения отчетливо осознают, что совершают противоправное деяние, которое в случае неудачи приведет их «к прокурору»).

Если тайные мечты мужчин о многоженстве трактуются в данных фильмах комически, то скрытая полигамия (наличие одновременно жены и любовницы) может стать для киногероя источником фрустрации. Примечателен в этом смысле фильм «Осенний марафон» (1979), в котором герой по сюжету не может сделать выбор между женой и любовницей, оказывается отвергнут обеими, а затем вынужден восстанавливать отношения и с той, и с другой, так как обе женщины одновременно возвращаются к нему. В тот короткий промежуток времени, когда герой оказывается свободным от отношений, режиссер решает показать его сложные чувства не через откровенную грусть и депрессивность, а через беззаботный танец героя, как бы намекая на то, что проблема героя

---

[545] Новикова И. «Тонкие дела» за «горными вершинами»: ориентализм в советских фильмах // Гендерные исследования. 2004. № 10. С. 66–86.

заключается не в отсутствии женщин и одиночестве, а, напротив, в их наличии.

Отдельной темой исследования является проблема отражения в кинематографе выполнения мужчинами отцовских функций. В целях настоящего исследования перспективным представляется сосредоточить внимание на образах тех мужчин, которые выступают в качестве символических заместителей отцовской фигуры: учителей, воспитателей и наставников.

Далекими от социально одобряемых форм оказываются и образы мужчин, которые связаны с воспитанием и образованием за границами отцовских амплуа. Так, мужчины, которые идут работать в систему народного просвещения, нередко показаны неуклюжими, незрелыми, неудачливыми, а сам по себе факт работы мужчины с детьми преподносится как юмористический (как, например, в комедии «Усатый нянь» (реж., В. Грамматиков, 1977), в которой главного героя силой общественного принуждения отправляют в детский сад на своего рода исправительные работы, в ходе чего он сначала сам сопротивляется новому виду деятельности, что держит в тайне, затем сталкивается с насмешками товарищей). В фильме «Урок литературы» (реж. А. Коренев, 1968) главный герой – молодой учитель, работает в школе не по призванию (в чем он искренне признается себе и окружающим по ходу сюжета), а оттого, что карьера журналиста оказывается невозможной. Реплики этого фильма также свидетельствуют о ряде социальных стереотипов. Так, например, работа в школе, тем более качественное ее выполнение, считается признаком скорее феминным. В фильме повествование ведется от первого лица, и главный герой картины в самом начале знакомит зрителя с завучем школы: «Наш завуч … работает она хорошо, в этом – смысл ее жизни. Семьи у нее нет», – а затем говорит о себе: «Семьи у меня тоже нет, работаю я плохо, а если он (смысл) и есть, то точно не в этом». В финале картины, когда молодой

человек признается всем окружающим в своей незаинтересованности учительской работой, один из его учеников, пытаясь поддержать своего учителя в решении уволиться, говорит: «Что это за работа для мужчины – учитель?».

Трудоустройство в образовательную организацию в качестве вынужденной меры для мужчины показано и в фильме «Большая перемена» (реж. А. Коренев, 1972). Образ неуклюжего и неавторитетного мужчины (то есть ситуация, при которой гегемонная маскулинность ставится под сомнение) также выбивается из шаблонов нормативности, а значит, становится основой для комедийного сюжета. Именно таким предстает главный герой фильма – Нестор Петрович, устроившийся на работу учителем в вечернюю школу после неудачной попытки поступления в аспирантуру. С одной стороны, стереотип о большей способности мужчин к научной деятельности разрушается авторами сценария за счет того, что невеста главного героя показана как более талантливая и успешная в плане перспектив научной карьеры; с другой стороны, именно эта деталь, судя по всему, также призвана усилить юмористический оттенок, подчеркнув тем самым непопулярность учительского труда среди мужчин. Впрочем, в фильмах «Большая перемена» и «Усатый нянь» незадачливые поначалу мужчины-педагоги, пройдя череду комических и трагикомических испытаний, постепенно обретают профессиональные навыки, признание учеников/воспитанников и уважение коллег – то есть находят пути самореализации в той сфере, которая изначально представала как «женская», что указывает на отчетливо воспитательный посыл фильмов.

Стоит отметить и то, что серьезные драматические образы также бывают связаны с мужчиной-учителем в советском кинематографе. Главный герой фильма «Доживем до понедельника» (реж. С. Ростоцкий, 1968) – зрелый мужчина, бывший фронтовик, пользующийся авторитетом, относится к своей работе ответственно. Будучи учителем истории, он беспокоится не только о

формальных результатах своих учеников, но и об их гражданском воспитании, о чем беседует с директором школы. В плане гендерных стереотипов показателен следующий эпизод фильма. Молодая учительница (бывшая ученица героя) сталкивается с трудностями, а главный герой, заступаясь за нее, апеллирует к ее феминности. «Сводить счеты с женщиной, у которой сдали нервы – непорядочно», – говорит герой, проводя воспитательную беседу с учениками, объявившими бойкот молодой учительнице, пытающейся проявлять строгость. В данном случае подчеркивается, во-первых, эмоциональность как женская черта, во-вторых, слабость женщины, как то, что должно призвать к жалости и стыду нерадивых учеников.

Подобный образ мужчины-учителя создан и в фильме «Дневник директора школы» (реж. Б. Фрумин, 1975). Главный герой – тоже фронтовик, связавший свою жизнь со школой и неравнодушно относящийся к идее воспитания будущего поколения. Даже несмотря на то, что тема мужского и женского, очевидно, не является ключевой в картине, некоторые реплики героев говорят о достаточно твердо закрепившихся в сознании общества стереотипах. Например, главный герой во время случайной беседы на тему игры в шахматы со своим учеником-юношей слышит от него следующее: «Дело в композиционном мышлении, которого нет у женщины». «Ты, я вижу, скептически относишься к женщинам?» - отвечает герой. В данной фразе ученика отображено пренебрежительное отношение к интеллектуальным способностям женщин, а также женщины в целом представлены как нечто Иное, возможно, не только отличное от мужчины, но и от человека в целом, тогда как понятие человека отождествляется в речи зачастую именно с мужчиной (как, например, в реплике героя фильма «Здравствуй и прощай» (реж. В. Мельников, 1972): «В рабочего человека имеет право влюбиться любая женщина. Даже артистка. Даже балерина»).

Важно также подчеркнуть, что у зрелых и мудрых мужчин-педагогов в фильмах «Доживем до понедельника» и «Дневник директора школы» возникает принципиальный конфликт с женщиной-коллегой, соотносящейся одновременно с типом «женщины-руководителя» и «опекающей матери». Гуманистичная модель воспитания, строящаяся на взаимном доверии, ассоциируется в этих фильмах с мужчиной; авторитарная модель воспитания – с женщиной, которая при этом ревниво оберегает и отстаивает традиционную иерархию отношений внутри школьного коллектива.

Влияние медиакультуры достаточно сложно переоценить в условиях развития технологического прогресса, роста уровня доступности продуктов медиасреды, развития кинематографа как индустрии. Произведения культуры и искусства за счет увеличения способов их распространения эффективнее выполняют свою коммуникативную функцию. Герои и героини советского кино, воплощенные известными актерами и актрисами, несомненно, становятся примерами для подражания или объектами критики.

Таким образом, исследование массовой культуры, прежде всего кинематографа конца 1960-х – первой половины 1980-х гг. на предмет репрезентаций образов женщин позволяет прийти к следующим выводам.

Распространенным образом героини является образ одинокой женщины. Одиночество в целом маркируется как негативное явление и как достаточно острая социальная проблема. Соответственно, стержнем фабулы кинофильмов и целью их героинь (в особенности женщин зрелого возраста) часто является поиск романтического/брачного партнера, стремление к самореализации через супружество и материнство. Тема поисков личного счастья нередко связана не только с универсальным сюжетом «преображения Золушки», но и с темой женской жертвенности ради любимого человека. Во всех рассмотренных выше картинах женщина в конечном счете обретает счастье только при обретении/утверждении статуса невесты, жены, подруги, любовницы.

Особенностью репрезентации женских образов и нормативных моделей феминности в позднесоветском кинематографе является представление трех основных моделей женской самореализации, которые можно условно обозначить как «женщина-руководитель», «женщина-мать» и «женщина-добытчица». В трактовках каждого из этих женских образов-типажей можно отметить определенную двойственность, наличие противоположных тенденций и их синкретизм.

Так, произведения кинематографа позволяют сделать вывод о неординарности положения женщины-руководителя, о сохранении социальных предрассудков в оценке ее действий и решений, наконец, о сложности совмещения роли работника/руководителя с ролью матери/жены/возлюбленной. Характеристики героинь со стороны других персонажей и их самооценка позволяют увидеть, что профессиональные и социальные достижения женщины не учитываются обществом и самой женщиной как компенсирующие отсутствие семейных/романтических функций.

Достаточно сложным предстает в позднесоветском кинематографе образ женщины-матери. Образ матери в позднесоветских фильмах часто воплощается в двух противоположных вариациях: «опекающее» и «избегающее» материнство; в этом видится стремление к осмыслению проблематичности социального статуса «работающей матери».

Отдельной разновидностью моделей женского поведения в кинематографе конца 1960-х – начала 1980-х гг. представлены «женщины-добытчицы», обычно выступающие как объект авторского осуждения. Материалы советского кинематографа позволяют выявить две разнонаправленные тенденции: с одной стороны, в качестве недостатков женщины нередко обозначаются ее внешняя непривлекательность, несоответствие моде, с другой стороны, в образах женщины-добытчицы

находит свое воплощение критика «вещизма», погони за модой и потребительства.

В то же время, несмотря на отмеченный многими исследователями кризис «гегемонной маскулинности» в позднесоветском обществе, в исследуемый период формы маскулинности не меняются кардинально, что подтверждают описанные выше клише в изображении «правильных»/«нормальных» советских мужчин: проявляющих физическую силу по отношению друг к другу, сдержанных в речевых актах, имеющих отличные от женщин занятия, увлечения, порой – и профессию, несмотря на декларируемое равенство. В целом сфера воспитания детей показана в фильмах как преимущественно женская не только на бытовом, но и на профессиональном уровнях, а дом – как место разграничения мужских и женских занятий, патриархатного распределения бытовых обязанностей.

Анализ репрезентации женских и мужских образов в позднесоветском кинематографе позволяет заключить, что киноискусство в этот период стало одной из форм художественной рефлексии о неоднозначности социального статуса женщины в обществе, о трудности сочетания разных социальных ролей и разных путей самореализации женщин в реальной жизни, о медленных и нелинейных изменениях социально одобряемых, нормативных форм «женственности» и «мужественности»[546].

---

[546] Губанова Т. С. Женская повседневность и стереотипы феминности по материалам советского кинематографа конца 1960-х – начала 1980-х гг. // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. Исторические науки. 2024. Т. 6, № 1 (21). С. 103–112.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Исследования в области гендерной истории зачастую базируются на философии феминизма и связаны с феминистским социальным движением в широком смысле. Проблема стереотипов феминности и маскулинности соотносится с проблемой определения женской субъектности и дихотомии «женского» и «мужского». Перенос данной философской проблемы в практическое русло в виде актуализации «женского вопроса» становился политическим инструментом советской власти на разных этапах ее развития. Концепция женской эмансипации, оформившаяся на первых этапах установления советской государственности в виде марксистского феминизма, претерпевала ряд метаморфоз и получала поляризованные оценки разных социальных субъектов (в том числе позднюю критику приверженцев феминистской идеи среди советского диссидентства).

Период «развитого социализма» представляет особый интерес для изучения дискурсивных практик ввиду сложности и противоречивости изложения ряда актуальных идеологических и социальных вопросов, а также ввиду двойственности понимания проблемы равенства женщин и мужчин. В ходе данного исследования удалось установить, что содержание коммунистической государственной пропаганды зачастую противопоставляется смыслам рассуждений и действий отдельных представителей власти и общественности. С одной стороны, официальная политическая повестка включала в себя необходимость формирования общественного мнения о решённости «женского вопроса», то есть достижении полного равенства женщин и мужчин, которое было представлено в виде марксистской концепции равенства доступа к труду. С другой стороны, общественный и политический дискурс частично отражает проблемы гендерного неравенства и гендерных стереотипов. И та, и другая позиции прослеживаются при анализе материалов средств массовой

информации и коммуникации, учебно-методических материалов, используемых в образовании, продуктов советской медиакультуры и искусства.

Проведенное исследование позволяет прийти к выводу о том, что советская политика изучаемого периода, в целом, также имеет двойственный характер. При активных темпах трансформации социального строительства и большом интересе к проблемам женщин, советская власть исходила из понимания особой женской роли, прежде всего материнской. Это и создавало основания для активной социальной поддержки женщин, и закономерным образом порождало неравенство и перекос в сферах ответственности за выполнение родительских семейных и бытовых функций.

Политические меры, предпринимаемые в отношении женщин, официальная риторика советской власти, статистические данные, характеризующие положение женщин и мужчин в советском обществе, были по-разному интерпретированы в социальных исследованиях советского и постсоветского периода. Большинство работ, написанных в исследуемый период, преимущественно утверждают официальную позицию власти в вопросе оценки положения женщин в советском обществе, характеризуя статус женщин как высокий, подчеркивая достижения в вопросе уравновешивания статусов женщин и мужчин. Более поздние работы содержат больший объем критических замечаний по отношению к политике советской власти, перенося акцент с достижений (в виде увеличения доли женщин среди получивших образование, повышающих квалификацию, участвующих в различных сферах производства) на проблемы (недостаточная или фиктивная представленность женщин в органах власти, различиях в заработных платах, а также неравенство в выполнении домашней работы).

В социальных исследованиях, написанных после начала периода «перестройки», уделяется все большее внимание вопросам фактического

неравенства женщин и мужчин в СССР, концептуально оформляется взгляд на социальную и гендерную структуру советского общества, появляются характеристики гендерного порядка как «этакратического», гендерного контракта «работающей матери» как ключевого, проблемы «кризиса маскулинности» как обострившейся. Больший интерес исследователей привлекает изучение частной жизни советского общества. Складывается понимание о существовании связанных между собой, но отличных друг от друга сфер частной и публичной жизни, разграничения между которыми обусловлены процессами приватизации личной жизни, в том числе как результата социальной политики советской власти. Размежевание двух сфер жизни подтверждается результатами анализа материалов устной истории и эго-документов.

В результате данного исследования было выявлено, что наряду с социально-экономическими причинами, стереотипы феминности и маскулинности ложились в основу сохранения общественного представления о необходимости разграничения областей женского и мужского в бытовых и брачно-семейных отношениях. Для исследуемого периода характерны: диспропорция в распределении домашнего труда, разница в потребительских стратегиях, поляризация интересов и разделение досуга на «женский» и «мужской». Тенденциями развития брачно-семейных и сексуальных отношений исследуемого периода были как консервативные, так и модернизационные. Под консервативными понимаются факты сохранения/реставрации господствовавших и в дореволюционную эпоху мировоззренческих установок относительно ролей женщин и мужчин (что могло быть обусловлено и поколенческими, и социальными, и культурными различиями). Под модернизационными тенденциями следует понимать проявления либерализации брачных отношений, характеризуемой исследователями в качестве недискурсивного выражения сексуальной революции.

Проведенный в ходе исследования анализ показал, что в целом стереотипы феминности и маскулинности имели достаточно устойчивые формы и широкие каналы трансляции. Система образования, средства массовой информации, популярные произведения медиакультуры и киноискусства функционировали и как сферы накапливания и фиксации предрассудков, и как механизмы широкого тиражирования стереотипов.

В ходе исследования проблемы было установлено, что советские печатные материалы, предназначенные для учебного и образовательного процесса, в текстовом и визуальном формате являются фиксаторами стереотипных установок относительно женских и мужских социальных ролей. Анализ советских учебников показывает различия в степени упоминании и качестве использовании женских и мужских образов. Общей характеристикой отображения «женского» и «мужского» на страницах школьных учебниках является редкое обращение к частным личным проблемам (к проблемам мужского и женского опыта), что обосновано ценностно-идеологическими характеристиками официального дискурса в СССР.

Свидетельством актуализации вопроса полового воспитания девочек и мальчиков подросткового возраста является распространение гендерно-ориентированной литературы назидательного содержания. Стереотипы, отраженные в методических пособиях по половому воспитанию подростков, выражаются в виде различий в репрезентации идеальной девушки и идеального юноши, разнице социально-одобряемых и порицаемых форм поведения, в качествах, маркируемых как феминные и как маскулинные. Семиотическими элементами «женского/девичьего» являются, как правило, целомудрие, аккуратность, акцентуация на эстетическом (в особенности применительно к собственной внешности). Характеристики идеального «мужского/юношеского» сводятся к силе, смелости, уверенности, ответственности субъекта (за себя и других).

В процессе изучения проблемы было установлено, что советские СМИ периода конца 1960-х – начала 1980-х, предназначенные как для детского, так и для взрослого чтения, также транслируют множество стереотипных представлений о женских и мужских ролях. Рекламные, научно-популярные, юмористические и другие печатные издания предлагают разные репрезентации мужских и женских образов не только в виде внешних характеристик, но и в изображении деятельности, интересов, качеств, целей. Особыми категориями являлись советские рекламные и советские женские журналы. Первые часто содержали образы, более соотносимые с капиталистической, нежели чем с коммунистической аксиологией и эстетикой. Вторые – часто репрезентировали образ «работающей матери», что, в целом, вписывалось в ценности советского этакратического порядка. Тем не менее, оба типа изданий подразумевали изображение домашней сферы как женской, то есть подразумевали транслирование стереотипа. Исключительно «мужской» темой были образы патриотизма, армейской и военной службы, некоторых форм досуга.

Помимо печатных средств массовой информации, широкой популярностью пользовались продукты медиакультуры и произведения кинематографа, ставшие частью советской повседневности, также в значительной степени формировавшие общественные представления о женском и о мужском. Помимо образа «женщины-матери» («работающей матери»), в советском кино использовались образы «женщин-руководителей» и «женщин-добытчиц». Тема женского одиночества преподносится советским кинематографом как острая проблема.

Образы мужчин в советском киноискусстве не сводятся к репрезентации гегемонной маскулинности и брутальности, несмотря на то, что маркерами мужественности часто продолжают оставаться такие качества, как сила (прежде всего физическая), смелость, социальная активность. Маскулинность также раскрывается в иных формах, например, через слабость,

нерешительность, растерянность и безответственность, что обыгрывается в экзистенциальных драмах и высмеивается в комедийных жанрах. Альтернативные модели маскулинности в советском кино представлены как допустимые, а не как патологичные.

Таким образом, стереотипы феминности и маскулинности являются важной категорией, позволяющей оценить реальное положение женщин и мужчин в советском обществе позднего доперестроечного периода. Несмотря на значимые достижения советской власти в предоставлении женщинам доступа к труду, широкое вовлечение их в процессы производства и организации труда, получения образования, советский социально-политический дискурс содержал в себе отражения различных стереотипов женственности и мужественности. Среди распространенных в общественном дискурсе стереотипов отмечены: представления о материнской роли женщины, как о ключевой; мнение о большей ориентированности женщин на потребление (в том числе престижное); убеждение в естественности разграничения женских и мужских сфер в частной и публичной жизни; проявление разной степени терпимости общества к женским и мужским социальным девиациям; убеждение в необходимости формирования разных качеств у женщин и мужчин в процессе их воспитания и социализации. Период конца 1960-х – начала 1980-х гг. для советского государства в целом отличается раздвоенностью социальных норм и идеологических ориентиров, разграничением публично-политического и частно-бытового уровней дискурса, сочетанием коммунистических и капиталистических ценностей. Эта двойственность неизбежно отражалась на общественных представлениях о женском и мужском и оказывала влияние на положение женщин и мужчин в советской социальной структуре.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Нормативно-правовые акты и директивные документы

1. Участие женщин в укреплении международного мира и безопасности и в борьбе против колониализма, расизма, расовой дискриминации, иностранной агрессии и оккупации и всех форм иностранного господства : резолюция от 16.12.1977 № A/RES/32/142 32-сесси Генеральной Ассамблеии ООН. – Текст : электронный. – URL: https://web.archive.org/web/20090311023655/http://www.un.org/russian/ga/32/docs/res32_3.htm (дата обращения: 20.03.2022).
2. Конституция Российской Федерации : принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020. – Текст : электронный. – // Официальный интернет-портал правовой информации : [сайт]. – Москва, 2024. – URL: http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202210060013 (дата обращения 17.09.2024). – Текст : электронный.
3. О проведении в Российской Федерации Года семьи : указ Президента Российской Федерации от 22.11.2023 № 875 // Собрание законодательства РФ. – 2023. – № 48. – Ст. 8560.
4. Об утверждении Национальной стратегии действий в интересах женщин на 2023-2030 годы : распоряжение Правительства РФ от 29.12.2022 № 4356-р. – Текст : непосредственный // Собрание законодательства РФ. – 2023. – № 1 (часть III). – Ст. 477.
5. Конституция (Основной Закон) Российской Социалистической Федеративной Советской Республики : принята V Всероссийским съездом Советов 10.07.1918. – Текст : непосредственный // СУ РСФСР. – 1918. – № 51. – Ст. 582.

6. Конституция (Основной Закон) Союза Советских Социалистических Республик : утверждена Постановлением Чрезвычайного VIII Съезда Советов СССР от 05.12.1936. – Текст : непосредственный // Известия ЦИК СССР и ВЦИК. – 1936. – № 283.
7. Конституция (Основной Закон) Союза Советских Социалистических Республик : принята ВС СССР 07.10.1977 : редакция от 14.03.1990. – Текст : непосредственный // Ведомости ВС СССР. – 1977. – № 41. – Ст. 617.
8. Кодекс о браке и семье РСФСР : утвержден ВС РСФСР 30.07.1969 : редакция от 07.03.1995, с изменениями от 29.12.1995. – Текст : непосредственный // Ведомости ВС РСФСР. – 1969. – № 32. – Ст. 1397.
9. О всеобщей воинской обязанности : Закон СССР от 12.10.1967 № 1950-VII : редакция от 10.04.1989. – Текст : непосредственный // Ведомости ВС СССР. – 1967. – № 42. – Ст. 552.
10. Об утверждении Основ законодательства Союза ССР и союзных республик о браке и семье : Закон СССР от 27.06.1968 № 2834-VII : редакция от 05.03.1991. – Текст : непосредственный // Ведомости ВС СССР. – 1968. – № 27. – Ст. 241.
11. О налоге на холостяков, одиноких и бездетных граждан СССР : указ Президиума ВС СССР от 21.11.1941. – Текст : непосредственный // Ведомости ВС СССР. – 1941. – № 42.
12. О практике применения судами Основ законодательства Союза ССР и союзных республик о браке и семье : постановление Пленума Верховного Суда СССР от 04.12.1969 № 10. – Текст : непосредственный // Бюллетень Верховного Суда СССР. – 1970. – № 1.
13. Доклад мандатной комиссии XXV съезда КПСС : доклад председателя комиссии товарища И. В. Капитонова. – Текст : непосредственный // Материалы XXV съезда КПСС. – Москва : Политиздат, 1976. – С. 102–107.

14. Материалы XXII съезда КПСС. – Москва : Госполитиздат, 1961. – 464 с. – Текст : непосредственный.

Статистические материалы

15. Женщины в СССР, 1985 : статистические материалы / ЦСУ СССР. – Москва : Финансы и статистика, 1985. – 35 с. – Текст : непосредственный.
16. Итоги Всесоюзной переписи населения 1970 года : [в 7 томах]. Том II : Пол, возраст и состояние в браке населения СССР, союзных и автономных республик, краев и областей. – Москва : Статистика, 1972. – 272 с. – Текст : непосредственный.

Периодическая печать

17. Веселые картинки : детский юмористический журнал ЦК ВЛКСМ. – Москва, 1963, 1968–1969. – Текст : непосредственный.
18. Здоровье : ежемесячный научно-популярный журнал Министерства здравоохранения СССР. – Москва, 1968, 1970–1971, 1977–1978. – Текст : непосредственный.
19. Мария : журнал российского независимого женского религиозного клуба «Мария». – Ленинград ; Франкфурт-на-Майне, 1981. – Текст : непосредственный.
20. Мурзилка : ежемесячный журнал «Рабочей газеты» для детей младшего возраста. – Москва, 1970, 1982. – Текст : непосредственный.
21. Новые товары : информационно-рекламный бюллетень. – Москва : Госторгиздат, 1968. – Текст : непосредственный.
22. Семья и школа : журнал для родителей. – Москва, 1973–1975. – Текст : непосредственный.

Учебники, методические и дидактические материалы

23. Берхин, И. Б. История СССР : учебник для 9-го класса / И. Б. Берхин, И. А. Федосов ; под редакцией М. П. Кима. – 7-е изд., перераб. – Москва : Просвещение, 1974. – 382 с. – Текст : непосредственный.
24. Валл, Я. И. Букварь : учебник для II класса школ с преподаванием немецкого (родного) языка / Я. И. Валл. – Москва : Просвещение, 1972. – 128 с. – Текст : непосредственный.
25. Васильева, М. С. Родная речь : кн. для чтения в третьем классе / М. С. Васильева, Л. А. Горбушина, Е. И. Никитина, М. И. Оморокова. – Москва : Просвещение, 1974. – 407 с. – 128 с. – Текст : непосредственный.
26. Винтовкина, И. С. Девочке-подростку / И. С. Винтовкина. – Москва : Медицина, 1988. – 45, [2] с. – 128 с. – Текст : непосредственный.
27. Голубева, Т. С. Рассказы по истории СССР для 4 класса : учебная книга / Т. С. Голубева, Л. С. Геллерштейн ; под редакцией Н. П. Кузина. – Москва : Просвещение, 1971, 1974. – 223 с. – 128 с. – Текст : непосредственный.
28. Индеева, Р. М. Книга для чтения : учебник для 2 класса школы слабослышащих / Р. М. Индеева, В. Г. Исачкова. – Москва : Просвещение, 1979. – 239 с. – 128 с. – Текст : непосредственный.
29. История СССР (1938–1978 гг.) : учебник для 10-го класса / [П. И. Потемкин, В. М. Балев, И. Б. Берхин, М. П. Ким] ; под редакцией М. П. Кима. – 8-е изд. – Москва : Просвещение, 1979. – 255 с. – 128 с. – Текст : непосредственный.
30. Кассиль, Л. А. О счастье и достоинстве / Л. А. Кассиль. – 128 с. – Текст : непосредственный // Будь мужчиной : [сборник]. –Свердловск : Среднеуральское книжное издательство, 1974. – С. 35–60.

31. Кон, И. С. Психология старшеклассника : пособие для учителей / И. С. Кон. – Москва : Просвещение, 1980. – 191 с. – 128 с. – Текст : непосредственный.
32. Коровкин, Ф. П. История древнего мира : учебник для 5-го класса средней школы. – Москва : Просвещение, 1984. – 255 с. – 128 с. – Текст : непосредственный.
33. Курм, Х. К. Тебе, девушка : [перевод с эстонского] / Х. К. Курм. – Таллин : Валгус, 1971. – 47 с. – 128 с. – Текст : непосредственный.
34. Нечкина, М. В. История СССР : учебное пособие для 7-го класса / М. В. Нечкина, П. С. Лейбенгруб. – 6-е изд. – Москва : Просвещение, 1971. – 255 с. – 128 с. – Текст : непосредственный.
35. Новейшая история (1917–1939 гг.) : учебник для девятого класса средней школы / под редакцией В. К. Фураева. – Москва : Просвещение, 1975. – 112 с. – 128 с. – Текст : непосредственный.
36. Новейшая история (1917–1939 гг.) : учебник для десятого класса средней школы / под редакцией В. К. Фураева. – Москва : Просвещение, 1976. – 270 с. – 128 с. – Текст : непосредственный.
37. Обществоведение : учебник для выпускного класса средней школы и средних специальных учебных заведений / Г. Х. Шахназаров (руководитель), А. Д. Боборыкин, Ю. А. Красин, В. В. Суходеев. – Москва : Политиздат, 1978, 1982. – 318 с. – 128 с. – Текст : непосредственный.
38. Петрунек, В. П. Младший школьник : (заметки врачей-психоневрологов) / В. П. Петрунек, Л. Н. Таран. – Москва : Знание, 1981. – 96 с. – 128 с. – Текст : непосредственный.
39. Санюкевич, Л. И. Половое воспитание детей и подростков / Л. И. Санюкевич. – Минск : Народная асвета, 1979 г. – 48 с. – 128 с. – Текст : непосредственный.

40. Смирнова, З. Н. Книга для чтения : учебник для 4 класса вспомогательной школы / З. Н. Смирнова, Н. Н. Морозова. – Москва : Просвещение, 1979. – 208 с. – 128 с. – Текст : непосредственный.
41. Федосов, И. А. История СССР : учебное пособие 8 класс / И. А. Федосов. – Москва : Просвещение, 1974. – 224 с. – 128 с. – Текст : непосредственный.
42. Фомина, Н. К. Обслуживающий труд в школе : IV–VI классы : пособие для учителей / Н. К. Фомина. – Москва : Просвещение, 1972. – 223 с. – 128 с. – Текст : непосредственный.
43. Цузмер, А. М. Человек. Анатомия. Физиология. Гигиена : учебник для 8 класса средней школы / А. М. Цузмер, О. Л. Петришина ; под ред. В. В. Парина. – Москва : Просвещение, 1979. – 255 с. – 128 с. – Текст : непосредственный.
44. Хрипкова, А. Г. Разговор на трудную тему / А. Г. Хрипкова. – Москва : Педагогика, 1970. – 61 с. – 128 с. – Текст : непосредственный.

Документы личного происхождения

45. Прожито : [сайт] / Европейский университет в Санкт-Петербурге. – Санкт-Петербург, 2024. – URL: https://prozhito.org/page/corpus/ (дата обращения: 18.08.2023). – Текст : электронный.
46. Абрамов, Б. Н. 8 марта 1970 : [фрагмент дневника]. – Текст : электронный // Прожито : [сайт]. – Раздел сайта «Корпус дневников». – URL: https://corpus.prozhito.org/note/668466 (дата обращения: 18.08.2023).
47. Агиш, С. «Эти страницы так манят...» : [дневник] / перевод с башкирского Л. Агишевой. – Текст : непосредственный // Бельские просторы. – 2008. – № 5–7. – С. 98–108.

48. Амитров, О. В. 8 марта 1968 : [фрагмент дневника]. – Текст : электронный // Прожито : [сайт]. – Раздел сайта «Корпус дневников». – URL: https://corpus.prozhito.org/note/498309 (дата обращения: 18.08.2023).
49. Артамонов, Д. А. 8 марта : [фрагмент дневника]. – Текст : электронный // Прожито : [сайт]. – Раздел сайта «Корпус дневников». – URL: https://corpus.prozhito.org/note/734448 (дата обращения: 18.08.2023).
50. Афонькин, Н. Е. 8 марта : [фрагмент дневника]. – Текст : электронный // Прожито : [сайт]. – Раздел сайта «Корпус дневников». – URL: https://corpus.prozhito.org/note/787469 (дата обращения: 18.08.2023).
51. Вронский, Б. И. 8 марта 1965, 1966 : [фрагменты дневника]. – Текст : электронный // Прожито : [сайт]. – Раздел сайта «Корпус дневников». – URL: https://corpus.prozhito.org/note/293001 ; https://corpus.prozhito.org/note/565895 (дата обращения: 18.08.2023).
52. Дневник Владимира Васильевича Щастного. 1970–1971 годы / [по публикации Л. Боярского ; подготовила М. Калинина]. – Текст : непосредственный // Своими словами. – 2022. – Вып. 3. – С. 245–268.
53. З., Антонина Афанасьевна. 8 марта 1977 : [фрагмент дневника]. – Текст : электронный // Прожито : [сайт]. – Раздел сайта «Корпус дневников». – URL: https://corpus.prozhito.org/note/604506 (дата обращения: 18.08.2023).
54. Красильников, В. А. 8 марта 1968 : [фрагмент дневника]. – Текст : электронный // Прожито : [сайт]. – Раздел сайта «Корпус дневников». – URL: https://corpus.prozhito.org/note/601229 (дата обращения: 18.08.2023).
55. Крупин, В. Н. Выбранные места из дневников 70-х годов / В. Н. Крупин. – Текст : непосредственный // Наш современник. – 2004. – № 4. – С. 1-42 ; № 5. – С. 1-37.

56. Н. Н. Дневник. – Текст : электронный // Прожито : [сайт]. – Раздел сайта «Корпус дневников». – URL: https://corpus.prozhito.org/person/2377 (дата обращения: 18.08.2023).
57. Орлов, А. Н. Дневник пехотного лейтенанта: воспоминания об афганской войне / А. Н. Орлов. – Москва : ВегаПринт, 2014. – 222 с.
58. Феминистский самиздат. 40 лет спустя / [редакция, составление О. Васяниной, Д. Козлова, С. Талавер]. – Москва : Common place, 2020. – 272 с.
59. Швец, В. А. 8 марта 1967 : [фрагмент дневника]. – Текст : электронный // Прожито : [сайт]. – Раздел сайта «Корпус дневников». – URL: https://corpus.prozhito.org/note/81295 (дата обращения: 18.08.2023).
60. 100 интервью с советскими женщинами : [сборник]. – Москва : Молодая гвардия, 1975. – 351 с. – Текст : непосредственный.

Философские, социологические, правоведческие и публицистические труды

61. Бебель, А. Женщина и социализм : [перевод с немецкого] / А. Бебель ; [предисловие В. Бильшая]. – Москва : Госполитиздат, 1959. – 592 с. – Текст : непосредственный.
62. Бовуар, С. Второй пол : тома 1-2 : перевод с французского / С. де Бовуар ; общая редакция и вступительная статья С. Айвазовой. – Москва : Прогресс ; Санкт-Петербург : Алетейя, 1997. – 831 с. – (Том 1 : Факты и мифы. Том 2 : Жизнь женщины). – Текст : непосредственный.
63. Брежнев, Л. И. Приветствие Генсека ЦК КПСС, Председателя Верховного совета СССР товарища Л. И. Брежнева участникам международной встречи «Женщина и социализм» / Л. И. Брежнев. – Текст : непосредственный // Женщина и социализм : сборник

выступлений участников Международной встречи женщин, посвященных 60-летию Великого Октября. – Москва : АПН, 1979. – С. 8–9.

64. Горичева, Т. Ведьмы в космосе / Т. Горичева. – Текст : непосредственный // Мария. – 1981. – № 1. – С. 9–13.
65. Груздева, Е. Б. Труд и быт советских женщин / Е. Б. Груздева, Э. С. Чертихина. – Москва : Политиздат, 1983. – 222 с. – Текст : непосредственный.
66. Коллонтай, А. М. Из моей жизни и работы: воспоминания и дневники / А. М. Коллонтай. – Москва : Сов. Россия, 1974. – 412 с. – Текст : непосредственный.
67. Коллонтай, А. М. Новая мораль и рабочий класс / А. М. Коллонтай. – Москва, 1919. – 61 с. – Текст : непосредственный.
68. Коллонтай, А. М. Общество и материнство. Государственное страхование материнства / А. М. Коллонтай. – Петроград : Жизнь и знание, 1916. – 641 с. – Текст : непосредственный.
69. Коллонтай, А. М. Социальные основы женского вопроса / А. М. Коллонтай. – Санкт-Петербург : Знание, 1909. – 431 с. – Текст : непосредственный.
70. Коршунова, Е. Н. Международное правовое регулирование положения женщин. Изменение в национальном законодательстве в течение десятилетия женщины Организации Объединенных Наций (1976–1985): проблемы и перспективы / Е. Н. Коршунова. – Текст : непосредственный // Роль женщины в современном обществе : (к итогам Х-летия женщины ООН) : сборник статей / редколлегия: В. В. Любимова (ответственный редактор) [и др.]. Часть 2. – Москва : ИНИОН РАН СССР, 1985. – С. 7–25.
71. Крупская, Н. К. Женщина равноправный гражданин СССР : сборник статей и речей / Н. К. Крупская. – Москва : Партиздат, 1937. – 69 с.

72. Кузнецова, Л. Н. Женщина на работе и дома / Л. Н. Кузнецова. – Москва : Политиздат, 1980. – 231 с. – Текст : непосредственный.
73. Курганов, И. А. Женщины и коммунизм / И. А. Курганов. – Нью Йорк, 1968. – 264 с. – Текст : непосредственный.
74. Ленин, В. И. Советская власть и положение женщины / В. И. Ленин. – Текст : непосредственный // О женском вопросе : [сборник] / К. Маркс, Ф. Энгельс, В. И. Ленин ; [составитель и автор предисловия В. Л. Бильшай]. – Москва : Политиздат, 1978. – С. 103–105.
75. Литвинова, Г. И. Надо ли повышать рождаемость? / Г. И. Литвинова. – Текст : непосредственный // Свет и тени прогресса : (социально-демографические проблемы СССР). – Москва : Совктская Россия, 1989. – С. 63–142.
76. Миндлин, Э. Л. Не дом, но мир : повесть об А. Коллонтай / Э. Л. Миндлин. – Москва : Политиздат, 1970. – 399 с. – Текст : непосредственный.
77. Николаева-Терешкова, В. Н. Женщина и социализм / В. Н. Николаева-Терешкова. – Текст : непосредственный // Женщина и социализм : сборник выступлений участников Международной встречи женщин, посвященных 60-летию Великого Октября. – Москва : АПН, 1979. – С. 10-27.
78. Новикова, Е. Ч. Забота партии о женщине-матери / Е. Ч. Новикова. – Текст : непосредственный // Опыт КПСС в решении женского вопроса / [Н. И. Кондакова, Н. И. Дубинина, Я. С. Мазурова и др. ; редколлегия: Н. И. Кондакова (отв. ред.) и др.]. – Москва : Мысль, 1981. – 269 с. – Текст : непосредственный.
79. Новикова, Э. Е. Женщина. Труд. Семья : (социологический очерк) / Э. Е. Новикова, В. С. Языкова, З. Л. Янкова. – Москва : Профиздат, 1978. – 112 с. – Текст : непосредственный.

80. Ответы на анкету журнала «Альтернативь» : [ответы составлены на собрании клуба «Мария»; их разделяют все участники клуба]. – Текст : непосредственный // Мария. – 1981. – № 1. – С. 22–31.

81. Поленина, С. В. Советская женщина в обществе и семье / С. В. Поленина. – Текст : непосредственный // Роль женщины в современном обществе : (к итогам X-летия женщины ООН) : сборник статей / редколлегия: В. В. Любимова (ответственный редактор) [и др.]. Часть 2. – Москва : ИНИОН РАН СССР, 1985. – С. 203–218.

82. Толкунова, В. Н. Советское законодательство в период десятилетия женщины ООН / В. Н. Толкунова. – Текст : непосредственный // Роль женщины в современном обществе : (к итогам X-летия женщины ООН) : сборник статей / редколлегия: В. В. Любимова (ответственный редактор) [и др.]. Часть 2. – Москва : ИНИОН РАН СССР, 1985. – С. 26–41.

83. Цеткин, К. Женский вопрос : перевод с немецкого / К. Цеткин. – [Гомель] : Гомельский рабочий, 1925. – 70 с. – Текст : непосредственный.

84. Цеткин, К. Ленин и освобождение женщины / К. Цеткин. – Москва : Московский рабочий, 1925. – 25 с. – Текст : непосредственный.

85. Цеткин, К. Международный женский коммунистический день : [инструктивный] доклад, [прочитанный т. Кларой Цеткин] на собрании агитаторов в МК РКП(б) 12 февраля 1925 г. / перевела с немецкого Ф. Нюрина. – Москва : Московский рабочий, 1925. – 61 с. – Текст : непосредственный.

86. Цеткин, К. Очерк истории возникновения пролетарского женского движения в Германии : перевод с рукописи / К. Цеткин. – Москва, 1929. – 159 с. – Текст : непосредственный.

87. Цеткин, К. Сборник статей и воспоминаний / К. Цеткин ; с предисловием Н. К. Крупской. – Москва : Партийное издательство, 1933. – 96 с. – Текст : непосредственный.
88. Чечот, Д. М. Социология брака и развода / Д. М. Чечот. – Ленинград : Знание, 1973. – 35 с. – Текст : непосредственный.
89. Шумилина, В. П. Деятельность КПСС по развитию общественно-политической активности женщин / В. П. Шумилина. – Текст : непосредственный // Опыт КПСС в решении женского вопроса / [Н. И. Кондакова, Н. И. Дубинина, Я. С. Мазурова и др. ; редколлегия: Н. И. Кондакова (отв. ред.) и др.]. – Москва : Мысль, 1981. – С. 200–219.
90. Энгельс, Ф. Происхождение семьи, частной собственности и государства. – Текст : непосредственный // Сочинения : в 30 томах / К. Маркс, Ф. Энгельс. – 2-е изд. Том 21. – Москва : Госполитиздат, 1961. – С. 28–178.
91. Юркевич, Н. Г. Избранные труды / Н. Г. Юркевич. – Минск : Промышленно-торговое право, 2015. – 592 с. – Текст : непосредственный.

Визуальные источники

92. Российский государственный архив кинофотофонодокументов (РГАКФФД) : официальный сайт. – Москва, 2024. – URL: http://www.rgakfd.ru/ (дата обращения: 20.08.2024). – Изображение (неподвижное ; двухмерное) : электронное.
93. Керимова Сурая Аббас-Кулу кызы звеньевая колхоза им. Тельмана Агдамского района : фотография / автор съемки Е. Шулепов. – Москва, 04.11.1969. – Изображение (неподвижное ; двухмерное) : электронное // РГАКФФД. Ед. хр. 295569. – URL: http://photo.rgakfd.ru/photo/456550 (дата обращения: 20.08.2024). – [Делегаты съезда колхозников

Азербаджанской ССР в зале заседания съезда; на переднем плане делегат 3-го Всесоюзного съезда колхозников, звеньевая колхоза им. Тельмана Агдамского района Герой Социалистического Труда, мать-героиня С. Керимова].

94. Терешкова Валентина Владимировна, лётчик-космонавт СССР и Попова Нина Васильевна, председатель Комитета советских женщин : фотография. – Москва, июнь 1964. – Изображение (неподвижное ; двухмерное) : электронное // РГАКФФД. Ед. хр. 114237. – URL: http://photo.rgakfd.ru/photo/95629267 (дата обращения: 20.08.2024). – [Председатель Комитета советских женщин, председатель президиума Союза советских обществ дружбы и культурных связей с зарубежными странами Н. В. Попова (слева) и др. во время посещения летчика-космонавта СССР, Героя Советского Союза В. В. Николаевой-Терешковой (лежит) в родильном доме].
95. Терешкова Валентина Владимировна, лётчик-космонавт СССР и Дэвис Анджела, участница антивоенного движения и движения черных : фотография / автор съемки В. Володкин. – Москва, 29.08.1972. – Изображение (неподвижное ; двухмерное) : электронное // РГАКФФД. Ед. хр. 397696. – URL: http://photo.rgakfd.ru/photo/227433641 (дата обращения: 20.08.2024). – [Член ЦК Коммунистической партии США Анджела Дэвис (в центре) и председатель Комитета советских женщин, Герой Советского Союза, летчик-космонавт СССР В. В. Николаева-Терешкова (справа) с участниками международного семинара «Опыт решения женского вопроса в многонациональном государстве» в дни пребывания А. Дэвис в Москве].

Аудиовизуальные источники

96. Белое солнце пустыни : художественный фильм / режиссер В. Мотыль ; в ролях: А. Кузнецов, П. Луспекаев, С. Мишулин, К. Кавсадзе, Р. Куркина [и др.]. – СССР : Мосфильм, 1969. – 1 файл (1:23:31 ч). – URL: https://yandex.ru/video/preview/438731153297932863 (дата обращения 20.08.2024). – Изображение (движущееся ; трехмерное) : видео.
97. Блондинка за углом : художественный фильм / режиссер В. Бортко ; в ролях: Т. Догилева, А. Миронов, М. Прудкин, Е. Ханаева [и др.]. – СССР : Ленфильм, 1984. – 1 файл (1:18:28 ч). – URL: https://yandex.ru/video/preview/9569335606507975578 (дата обращения 20.08.2024). – Изображение (движущееся ; трехмерное) : видео.
98. Большая перемена : художественный телевизионный фильм : 4 серии / режиссер А. Коренев ; в ролях: М. Кононов, Е. Леонов, С. Крючкова, А. Збруев [и др.]. – СССР : Мосфильм, 1984. – 1 файл (4:18:16 ч). – URL: https://yandex.ru/video/preview/16935066839556543503 (дата обращения 20.08.2024). – Изображение (движущееся ; трехмерное) : видео.
99. Бриллиантовая рука : художественный фильм / режиссер Л. Гайдай ; в ролях: А. Миронов, Ю. Никулин, А. Папанов, Н. Мордюкова, С. Светличная [и др.]. – СССР : Мосфильм, 1968. – 1 файл (1:38:21 ч). – URL: https://yandex.ru/video/preview/7006431451157405373 (дата обращения 20.08.2024). – Изображение (движущееся ; трехмерное) : видео.
100. Будьте моим мужем : художественный фильм / режиссер А. Сурикова ; в ролях: Е. Проклова, А. Миронов, Ф. Адамович, Н. Русланова [и др.]. – СССР : Мосфильм, 1981. – 1 файл (1:22:08 ч). – URL: https://yandex.ru/video/preview/12454375136386924249 (дата обращения 20.08.2024). – Изображение (движущееся ; трехмерное) : видео.

101. Валентин и Валентина : художественный фильм / режиссер Г. Натансон ; в ролях: М. Зудина, Н. Стоцкий, Т. Доронина, Н. Русланова [и др.]. – СССР : Мосфильм, 1985. – 1 файл (1:27:42 ч). – URL: https://yandex.ru/video/preview/12320499164649200500 (дата обращения 20.08.2024). – Изображение (движущееся ; трехмерное) : видео.

102. Вам и не снилось : художественный фильм / режиссер И. Фрэз ; в ролях: Т. Аксюта, Н. Михайловский, Е. Соловей, И. Мирошниченко, Л. Федосеева-Шукшина [и др.]. – СССР : Киностудия имени М. Горького, 1980. – 1 файл (1:26:09 ч). – URL: https://yandex.ru/video/preview/8564516214260617598 (дата обращения 20.08.2024). – Изображение (движущееся ; трехмерное) : видео.

103. Вас ожидает гражданка Никанорова : художественный фильм / режиссер Л. Марягин ; в ролях: Н. Гундарева, Б. Брондуков, Е. Киндинов [и др.]. – СССР : Мосфильм, 1978. – 1 файл (1:21:46 ч). – URL: https://yandex.ru/video/preview/596301988624870614 (дата обращения 20.08.2024). – Изображение (движущееся ; трехмерное) : видео.

104. Влюблен по собственному желанию : художественный фильм / режиссер С. Микаэлян ; в ролях: О. Янковский, Е. Глушенко, В. Шиловский [и др.]. – СССР : Ленфильм, 1982. – 1 файл (1:23:41 ч). – URL: https://yandex.ru/video/preview/15361498962990138737 (дата обращения 20.08.2024). – Изображение (движущееся ; трехмерное) : видео.

105. Вокзал для двоих : художественный фильм : 2 серии / режиссер Э. Рязанов ; в ролях: Л. Гурченко, О. Басилашвили, Н. Михалков, Н. Мордюков [и др.]. – СССР : Мосфильм, 1982. – 1 файл (2:12:20 ч). – URL: https://yandex.ru/video/preview/7901178090796210714 (дата обращения 20.08.2024). – Изображение (движущееся ; трехмерное) : видео.

106. Дамы приглашают кавалеров : художественный фильм / режиссер И. Киасашвили ; в ролях: М. Неёлова, Л. Куравлёв [и др.]. – СССР : Мосфильм, 1980. – 1 файл (1:11:58 ч). – URL: https://yandex.ru/video/preview/2988182648033353207 (дата обращения 20.08.2024). – Изображение (движущееся ; трехмерное) : видео.

107. Дневник директора школы : художественный фильм / режиссер Б. Фрумин ; в ролях: О. Борисов, И. Саввина, А. Покровская [и др.]. – СССР : Ленфильм, 1975. – 1 файл (1:13:36 ч). – URL: https://yandex.ru/video/preview/15346941928177405454 (дата обращения 20.08.2024). – Изображение (движущееся ; трехмерное) : видео.

108. Доживем до понедельника : художественный фильм / режиссер С. Ростоцкий ; в ролях: В. Тихонов, И. Печерникова [и др.]. – СССР : киностудия имени М. Горького, 1968. – 1 файл (1:40:12 ч). – URL: https://yandex.ru/video/preview/3128583585258466764 (дата обращения 20.08.2024). – Изображение (движущееся ; трехмерное) : видео.

109. Единственная… : художественный фильм / режиссер И. Хейфиц ; в ролях: В. Золотухин, Е. Проклова [и др.]. – СССР : Ленфильм, 1975. – 1 файл (1:30:27 ч). – URL: https://yandex.ru/video/preview/14915901410046900396 (дата обращения 20.08.2024). – Изображение (движущееся ; трехмерное) : видео.

110. Здравствуй и прощай : художественный фильм / режиссер В. Мельников ; в ролях: Л. Зайцева, М. Кононов, О. Ефремов [и др.]. – СССР : Ленфильм, 1972. – 1 файл (1:30:20 ч). – URL: https://yandex.ru/video/preview/522864389981253430 (дата обращения 20.08.2024). – Изображение (движущееся ; трехмерное) : видео.

111. Зимняя вишня : художественный фильм / режиссер И. Масленников ; в ролях: Е. Сафонова, В. Соломин, И. Калныньш [и др.]. – СССР : Ленфильм, 1985. – 1 файл (1:28:14 ч). – URL:

https://yandex.ru/video/preview/12337986843967210574 (дата обращения 20.08.2024). – Изображение (движущееся ; трехмерное) : видео.

112. Иван Васильевич меняет профессию : художественный фильм / режиссер Л. Гайдай ; в ролях: Ю. Яковлев, Л. Куравлёв, А. Демьяненко , Н. Селезнёва [и др.]. – СССР : Мосфильм, 1973. – 1 файл (1:31:39 ч). – URL: https://yandex.ru/video/preview/9369947986390699821 (дата обращения 20.08.2024). – Изображение (движущееся ; трехмерное) : видео.

113. Ирония судьбы, или С легким паром : художественный телевизионный фильм : 2 серии / режиссер Э. Рязанов ; в ролях: А. Мягков, Б. Брыльска, Ю. Яковлев [и др.]. – СССР : Мосфильм, 1975. – 1 файл (3:04:12 ч). – URL: https://yandex.ru/video/preview/6335467302904515 83 (дата обращения 20.08.2024). – Изображение (движущееся ; трехмерное) : видео.

114. Кавказская пленница, или Новые приключения Шурика : художественный фильм / режиссер Л. Гайдай ; в ролях: А. Демьяненко, Н. Варлей, В. Этуш, Ю. Никулин [и др.]. – СССР : Мосфильм, 1967. – 1 файл (1:19:53 ч). – URL: https://yandex.ru/video/preview/16344455564360128688 (дата обращения 20.08.2024). – Изображение (движущееся ; трехмерное) : видео.

115. Карантин : художественный фильм / режиссер И. Фрэз ; в ролях: А. Кремер , Е. Симонова, Ю. Дуванов, С. Немоляева [и др.]. – СССР : киностудия имени М. Горького, 1983. – 1 файл (1:16:19 ч). – URL: https://yandex.ru/video/preview/16461065923299974176 (дата обращения 20.08.2024). – Изображение (движущееся ; трехмерное) : видео.

116. Любимая женщина механика Гаврилова : художественный фильм / режиссер П. Тодоровский ; в ролях: Л. Гурченко, С. Шакуров [и др.]. – СССР : Мосфильм, 1981. – 1 файл (1:14:53 ч). – URL:

https://yandex.ru/video/preview/14598242903076617421 (дата обращения 20.08.2024). – Изображение (движущееся ; трехмерное) : видео.

117. Любовь и голуби : художественный фильм / режиссер В. Меньшов ; в ролях: А. Михайлов, Н. Дорошина, Л. Гурченко [и др.]. – СССР : Мосфильм, 1984. – 1 файл (1:44:42 ч). – URL: https://yandex.ru/video/preview/10281664730962300867 (дата обращения 20.08.2024). – Изображение (движущееся ; трехмерное) : видео.

118. Мачеха : художественный фильм / режиссер О. Бондарев ; в ролях: Т. Доронина, Л. Неведомский [и др.]. – СССР : Мосфильм, 1973. – 1 файл (1:24:13 ч). – URL: https://yandex.ru/video/preview/11709624203314909321 (дата обращения 20.08.2024). – Изображение (движущееся ; трехмерное) : видео.

119. Место встречи изменить нельзя : телевизионный фильм : 5 серий / режиссер С. Говорухин ; в ролях: В. Конкин, В. Высоцкий [и др.]. – СССР : Одесская киностудия, 1979. – 1 файл (5:57:03 ч). – URL: https://yandex.ru/video/preview/10893296935414963366 (дата обращения 20.08.2024). – Изображение (движущееся ; трехмерное) : видео.

120. Молодая жена : художественный фильм / режиссер Л. Менакер ; в ролях: А. Каменкова, В. Бирюков [и др.]. – СССР : Ленфильм, 1978. – 1 файл (1:32:58 ч). – URL: https://yandex.ru/video/preview/16601024812091079116 (дата обращения 20.08.2024). – Изображение (движущееся ; трехмерное) : видео.

121. Москва слезам не верит : художественный фильм : 2 серии / режиссер В. Меньшов ; в ролях: В. Алентова, И. Муравьёва, А. Баталов, Р. Рязанова [и др.]. – СССР : Мосфильм, 1979. – 1 файл (2:22:09 ч). – URL: https://yandex.ru/video/preview/15731582283602342004 (дата обращения 20.08.2024). – Изображение (движущееся ; трехмерное) : видео.

122. Мужики!.. : художественный фильм / режиссер И. Бабич ; в ролях: А. Михайлов, И. Иванова [и др.]. – СССР : Мосфильм, 1981. – 1 файл

(1:32:19 ч). – URL: https://yandex.ru/video/preview/12824524712687940866 (дата обращения 20.08.2024). – Изображение (движущееся ; трехмерное) : видео.

123. Не было печали : художественный фильм / режиссер Ю. Даниялов ; в ролях: Л. Куравлёв, Т. Пельтцер [и др.]. – СССР : Мосфильм, 1982. – 1 файл (1:06:07 ч). – URL: https://yandex.ru/video/preview/3707780398088124300 (дата обращения 20.08.2024). – Изображение (движущееся ; трехмерное) : видео.

124. Не могу сказать прощай : художественный фильм / режиссер Б. Дуров ; в ролях: С. Варчук, А. Иванова, Т. Паркина [и др.]. – СССР : киностудия имени М. Горького, 1982. – 1 файл (1:25:38 ч). – URL: https://yandex.ru/video/preview/10805689291878397392 (дата обращения 20.08.2024). – Изображение (движущееся ; трехмерное) : видео.

125. Одинокая женщина желает познакомиться : художественный фильм / режиссер В. Криштофорович ; в ролях: И. Купченко, А. Збруев, Е. Соловей [и др.]. – СССР : киностудия имени А. Довженко, 1986. – 1 файл (1:24:26 ч). – URL: https://yandex.ru/video/preview/13985321895138742728 (дата обращения 20.08.2024). – Изображение (движущееся ; трехмерное) : видео.

126. Одиноким предоставляется общежитие : художественный фильм / режиссер С. Самсонов ; в ролях: Н. Гундарева, А. Михайлов [и др.]. – СССР : Мосфильм, 1983. – 1 файл (1:23:44 ч). – URL: https://yandex.ru/video/preview/16794547713036090382 (дата обращения 20.08.2024). – Изображение (движущееся ; трехмерное) : видео.

127. Однажды двадцать лет спустя : художественный фильм / режиссер Ю. Егоров ; в ролях: Н. Гундарева, В. Проскурин, М. Яковлева [и др.]. – СССР : киностудия имени М. Горького, 1980. – 1 файл (1:14:26 ч). – URL: https://yandex.ru/video/preview/16811640048016460920 (дата

обращения 20.08.2024). – Изображение (движущееся ; трехмерное) : видео.

128. Ольга Сергеевна : телевизионный фильм : 8 серий / режиссер А. Прошкин; в ролях: Т. Доронина, Р. Плятт, А. Джигарханян [и др.]. – СССР : Мосфильм, 1975. – 1 файл (9:33 ч). – URL: https://yandex.ru/video/preview/12323039315284714313 (дата обращения 20.08.2024). – Изображение (движущееся ; трехмерное) : видео.

129. Осенний марафон : художественный фильм / режиссер Г. Данелия ; в ролях: О. Басилашвили, М. Неёлова, Н. Гундарева [и др.]. – СССР : Мосфильм, 1979. – 1 файл (1:28:44 ч). – URL: https://yandex.ru/video/preview/4352790331017688300 (дата обращения 20.08.2024). – Изображение (движущееся ; трехмерное) : видео.

130. Отпуск за свой счет : художественный телевизионный фильм : 2 серии / режиссеры В. Титов, Я. Буйташ ; в ролях: О. Мелихова, И. Костолевский, М. Калочаи, Л. Гурченко [и др.]. – СССР : Мосфильм ; ВНР : телевидение ВНР, 1981. – 1 файл (2:16:41 ч). – URL: https://yandex.ru/video/preview/16214269459532440685 (дата обращения 20.08.2024). – Изображение (движущееся ; трехмерное) : видео.

131. По семейным обстоятельствам : художественный телевизионный фильм : 2 серии / режиссер А. Коренев ; в ролях: Г. Польских, Е. Ханаева, Е. Евстигнеев, М. Дюжева, Е. Стеблов [и др.]. – СССР : Мосфильм, 1977. – 1 файл (2:08:52 ч). – URL: https://yandex.ru/video/preview/10395410019205227166 (дата обращения 20.08.2024). – Изображение (движущееся ; трехмерное) : видео.

132. Родня : художественный фильм / режиссер Н. Михалков ; в ролях: Н. Мордюков, С. Крючкова, Ю. Богатырёв, Ф. Стуков [и др.]. – СССР : Мосфильм, 1981. – 1 файл (1:32:27 ч). – URL: https://yandex.ru/video/preview/10125362760178699366 (дата обращения 20.08.2024). – Изображение (движущееся ; трехмерное) : видео.

133. Розыгрыш : художественный фильм / режиссер В. Меньшов ; в ролях: Е. Ханаева, Н. Вавилова, Д. Харатьян [и др.]. – СССР : Мосфильм, 1977. – 1 файл (1:31:05 ч). – URL: https://yandex.ru/video/preview/9726453765807933719 (дата обращения 20.08.2024). – Изображение (движущееся ; трехмерное) : видео.

134. Самая обаятельная и привлекательная : художественный фильм / режиссер Г. Бежанов ; в ролях: И. Муравьёва, Т. Васильева, А. Абдулов [и др.]. – СССР : Мосфильм, 1985. – 1 файл (1:20:16 ч). – URL: https://yandex.ru/video/preview/18035612186219305215 (дата обращения 20.08.2024). – Изображение (движущееся ; трехмерное) : видео.

135. Сладкая женщина : художественный фильм / режиссер В. Фетин ; в ролях: Н. Гундарева, О. Янковский [и др.]. – СССР : Ленфильм, 1976. – 1 файл (1:33:02 ч). – URL: https://yandex.ru/video/preview/2720813690918723023 (дата обращения 20.08.2024). – Изображение (движущееся ; трехмерное) : видео.

136. Служебный роман : художественный фильм : 2 серии / режиссер Э. Рязанов ; в ролях: А. Фрейндлих, А. Мягков, О. Басилашвили, С. Немоляева [и др.]. – СССР : Мосфильм, 1977. – 1 файл (2:37:30 ч). – URL: https://yandex.ru/video/preview/6501962819043638722 (дата обращения 20.08.2024). – Изображение (движущееся ; трехмерное) : видео.

137. Старики-разбойники : художественный фильм / режиссер Э. Рязанов ; в ролях: Ю. Никулин, Е. Евстигнеев, О. Аросева [и др.]. – СССР : Мосфильм, 1971. – 1 файл (1:23:45 ч). – URL: https://yandex.ru/video/preview/7279323506181358226 (дата обращения 20.08.2024). – Изображение (движущееся ; трехмерное) : видео.

138. Странная женщина : художественный фильм : 2 серии / режиссер Ю. Райзман ; в ролях: И. Купченко, В. Лановой [и др.]. – СССР : Мосфильм, 1977. – 1 файл (2:18:24 ч). – URL:

https://yandex.ru/video/preview/14926484171410239627 (дата обращения 20.08.2024). – Изображение (движущееся ; трехмерное) : видео.

139. Суета сует : художественный фильм / режиссер А. Сурикова ; в ролях: Г. Польских, Ф. Мкртчян, Л. Куравлёв [и др.]. – СССР : Мосфильм, 1979. – 1 файл (1:22:18 ч). – URL: https://yandex.ru/video/preview/8724879041979528618 (дата обращения 20.08.2024). – Изображение (движущееся ; трехмерное) : видео.

140. Урок литературы : художественный фильм / режиссер А. Коренев ; в ролях: Е. Стеблов, Л. Куравлёв, И. Макарова [и др.]. – СССР : Мосфильм, 1968. – 1 файл (1:12:05 ч). – URL: https://yandex.ru/video/preview/15760901107897951871 (дата обращения 20.08.2024). – Изображение (движущееся ; трехмерное) : видео.

141. Усатый нянь : художественный фильм / режиссер В. Грамматиков ; в ролях: С. Проханов, Л. Шагалова [и др.]. – СССР : киностудия имени М. Горького, 1977. – 1 файл (1:10:24 ч). – URL: https://yandex.ru/video/preview/8226349907333955613 (дата обращения 20.08.2024). – Изображение (движущееся ; трехмерное) : видео.

142. Уходя – уходи : художественный фильм / режиссер В. Трегубович ; в ролях: В. Павлов, Л. Гурченко [и др.]. – СССР : Ленфильм, 1978. – 1 файл (1:25:47 ч). – URL: https://yandex.ru/video/preview/6083031459345250267 (дата обращения 20.08.2024). – Изображение (движущееся ; трехмерное) : видео.

143. Школьный вальс : художественный фильм / режиссер П. Любимов ; в ролях: Е. Цыплакова, С. Насибов [и др.]. – СССР : киностудия имени М. Горького, 1977. – 1 файл (1:30:29 ч). – URL: https://yandex.ru/video/preview/7093903429709668662 (дата обращения 20.08.2024). – Изображение (движущееся ; трехмерное) : видео.

Специальная литература

1. Абашин, С. Н. Советский кишлак : между колониализмом и модернизацией / С. Н. Абашин. – Москва : Новое литературное обозрение, 2015. – 848 с. – Текст : непосредственный.
2. Ажгихина, Н. «Девочки просят внимания!» / Н. Ажгихина. – Текст : непосредственный // Неприкосновенный запас: дебаты о политике и культуре. – 2018. – № 3. – С. 169–179.
3. Айвазова, С. Г. Свобода и равенство советских женщин [очерк] / С. Г. Айвазова. – Текст : непосредственный // Русские женщины в лабиринте равноправия : очерки политической теории и истории. Документальные материалы. – Москва : РИК Русанова, 1998. – С. 66–99.
4. Айвазова, С. Г. Русские женщины в лабиринте равноправия : очерки политической теории и истории. Документальные материалы / С. Г. Айвазова. – Москва : РИК Русанова, 1998. – 405 с. – Текст : непосредственный.
5. Аксенова, Е. Женщина с большой буквы / Е. Аксенова. – Текст : непосредственный // Семья и школа. – 1970. – № 3. – С. 44–45.
6. Антонова, М. Сатира как инструмент дисциплины тела в эпоху хрущевских реформ : формирование идентичности советской женщины в 1950-1960-е годы (по материалам журнала «Крокодил», «Работница», «Здоровье» / М. Антонова. – Текст : непосредственный // Советская социальная политика: сцены и действующие лица, 1940–1985 : научная монография / под редакцией Е. Р. Ярской-Смирновой, П. В. Романова. – Москва : Вариант, 2008. – С. 290–312.
7. Арефьев, А. Л. Об инженерно-техническом образовании в России / Л. А. Арефьев, М. А. Арефьев. – Текст : непосредственный // Высшее образование в России. – 2012. – № 3. – С. 122–131.

8. Арефьева, Т. К. Участие женщин в диссидентском движении / Т. К. Арефьева. – Текст : непосредственный // Женщина в российском обществе. – 1996. – № 4. – С. 40–44.
9. Арнольд, Р. Мода, желание и тревога. Образ и мораль в XX веке / Р. Арнольд ; [перевод с английского Е. Канищевой, А. Красниковой]. – Москва : Новое литературное обозрение, 2016. – 176 с. – Текст : непосредственный.
10. Арон, Р. Эссе о свободах / Р. Арон ; [перевод с французского Н. А. Руткевич]. – Москва : Праксис, 2005. – 195 с. – Текст : непосредственный.
11. Афанасьев, А. С. Женщина как Другой в советском дискурсе 1970–80-х гг. / А. С. Афанасьев. – Текст : непосредственный // Вестник ТГГПУ. – 2019. – № 3 (57). – С. 128–131.
12. Барабан, Е. В меру упитанный и в полном расцвете сил / Е. Барабан. – Текст : непосредственный // (N)ственности : сборник статей / составитель С. Ушакин. – Москва : Новое литературное обозрение, 2002. – С. 126–161.
13. Барандова, Т. Л. Визуальная семиотика российской моды в процессе политических трансформаций / Т. Л. Барандова, Е. А. Воронцова. – Текст : непосредственный // ΠΡΑΞΗΜΑ [Праенма]. Проблемы визуальной семиотики. – 2014. – Вып. 1 (1). – С. 41–60.
14. Бар, К. Политическая история брюк / К. Бар ; [перевод с французского С. Петрова]. – Москва : Новое литературное обозрение, 2013. – 316 с. – Текст : непосредственный.
15. Барчунова, Т. В. Сексизм в букваре / Т. В. Барчунова. – Текст : непосредственный // ЭКО. – 1995. – № 3. – С. 133–155.
16. Батуренко, С. А. Марксистский феминизм: теоретический проект, генезис и опыт практической реализации в XX в. / С. А. Батуренко. –

Текст : непосредственный // Вестник Московского университета. Серия 18, Социология и политология. – 2019. – № 1. – С. 111–129.

17. Белова, Н. А. Повседневная жизнь учителей / Н. А. Белова. – Москва : ИЭА РАН, 2015. – 228 с.
18. Белякова, Н. А. Женщины в евангельских общинах послевоенного СССР. 1940–1980-е гг. : исследование и источники / Н. А. Белякова, М. Добсон. – Москва : Индрик, 2015. – 512 с. – Текст : непосредственный.
19. Бильшай, В. Л. Решение женского вопроса в СССР / В. Л. Бильшай. – Москва : Госполитиздат, 1956. – 247 с. – Текст : непосредственный.
20. Богданов, К. А. Повседневность и мифология : исследования по семиотике фольклорной действительности / К. А. Богданов. – Санкт-Петербург : Искусство-СПБ, 2001. – 438 с. – Текст : непосредственный.
21. Бодрийяр, Ж. Общество потребления : его мифы и структуры / Ж. Бодрийяр ; [перевод с французского, послесловие и примечание Е. А. Самарской]. – Москва : Республика : Культурная революция, 2006. – 269 с. – Текст : непосредственный.
22. Бойм, С. Общие места : мифология повседневной жизни : [перевод с английского] / С. Бойм. – Москва : Новое литературное обозрение, 2002. – 320 с. – Текст : непосредственный.
23. Брайдотти, Р. Женские исследования и политики различия / Р. Брайдотти. – Текст : непосредственный // Введение в гендерные исследования. Часть II : Хрестоматия / под редакцией С. В. Жеребкина. – Харьков : ХЦГИ ; СПб. : Алетейя, 2001. – С. 13–22.
24. Брандт, Г. А. Философская антропология феминизма. Природа женщины / Г. А. Брандт. – Санкт-Петербург : Алетейя, 2006. – 160 с.
25. Бредихина, Л. М. Предисловие / Л. М. Бредихина. – Текст : непосредственный // Гендерная теория и искусство : антология: 1970–2000 : [перевод с английского] / под редакцией Л. М. Бредихиной, К. Дипуэлл. – Москва : РОССПЭН, 2005. – С. 5–14.

26. Бушмакина, О. Н. Событие пола в поле социального бытия / О. Н. Бушмакина. – Текст : непосредственный // Гендерная теория и историческое знание : материалы второй международной научно-практической конференции / ответственные редакторы А. А. Павлов, В. А. Семенов. – Сыктывкар : Изд-во СыктГУ, 2005. – С. 20–28.
27. Вайнштейн, О. Улыбка чеширского кота: взгляд на российскую модницу / О. Вайнштейн. – Текст : непосредственный // Женщина и визуальные знаки : [сборник] / под общей редакции А. Альчук. – Москва : Идея-Пресс, 2000. – С. 30–40.
28. Василенко, М. В. Гендерные стереотипы в современном российском обществе : результаты социологических исследований / М. В. Василенко, А. В. Михайленко, Н. В. Полторацкая, М. Ю. Шевяков. – Волгоград : «АМК», 2006. – 140 с. – Текст : непосредственный
29. Вента, Р. Эволюция образа мусульманки в исследованиях XX–XXI вв. / Р. Вента. – Текст : непосредственный // Женщина в российском обществе. – 2012. – № 1. – С. 81–88.
30. Виниченко, И. В. Адаптация модных образцов в повседневной жизни советского общества / И. В. Виниченко, И. В. Лапшина. – Текст : непосредственный // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. – Тамбов, 2012. – № 12 (26), ч. I. – С. 48–56.
31. Виниченко, И. В. Исторические практики трансформации женского образа в советском обществе / И. В. Виниченко. – Текст : непосредственный // Современные исследования социальных проблем. – 2017. – № 3-1. – С. 162–174.
32. Виниченко, И. В. Мода в условиях социализма / И. В. Виниченко. – Текст : непосредственный // Russian Journal of Education and Psychology. – 2011. – № 2. – С. 168–171.

33. Воронина, О. А. Гендерная культура в России: традиции и новации / О. А. Воронина. – Москва : ИФ РАН, 2018. – 111 с. – Текст : непосредственный.
34. Воронина, О. А. Феминизм и гендерное равенство / О. А. Воронина. – Москва : Эдиториал УРСС, 2003. – 320 с.
35. Гапова, Е. Гендер и постсоветсткие нации: личное как политическое / Е. Гапова. – Текст : непосредственный // Ab Imperio. – 2007. – № 1. – С. 309–328.
36. Гапова, Е. Классы наций: феминистская критика нациостроительства / Е. Г апова. – Москва : Новое литературное обозрение, 2016. – 368 с. – Текст : непосредственный.
37. Гевиннер, И. Гендерные стереотипы: о чем свидетельствуют имиджи женщин в популярных женских журналах СССР и ГДР? / И. Гевиннер. – Текст : непосредственный // Лабиринт. Журнал социально-гуманитарных исследований. – 2014. – № 6. – С. 25–34.
38. Гендерная теория и искусство : антология: 1970–2000 : [перевод с английского] / под редакцией Л. М. Бредихиной, К. Дипуэлл. – Москва : РОССПЭН, 2005. – 592 с. . – Текст : непосредственный.
39. Гладарев, Б. Дом, школа, врачи и музеи: потребительские практики среднего класса / Б. Гладарев, Ж. Цинман. – Текст : непосредственный // Новый быт в современной России: гендерные исследования повседненности : коллективная монография / под редакцией Е. Здравомысловой, А. Роткирх, А. Тёмкиной. – Санкт-Петербург : Изд-во Европейского университета, 2009. – С. 189–222.
40. Годси, К. Почему у женщин при социализме секс лучше. Аргументы в пользу экономической независимости / К. Годси. – Москва : Альпина нон-фикшн, 2020. – 218 с.

41. Голубев, А. В. Вещная жизнь : материальность позднего социализма / А. В. Голубев ; перевод с английского Т. Пирусской. – Москва : Новое литпратурное обозрение, 2020. – 328 с. – Текст : непосредственный.
42. Гофман, И. Гендерный дисплей / И. Гофман. – Текст : непосредственный // Введение в гендерные исследования. Часть II : Хрестоматия / под редакцией С. В. Жеребкина. – Харьков : ХЦГИ ; Санкт-Петербург : Алетейя, 2001. – С. 306-335.
43. Градскова, Ю. Кули семьи кули: «женщины отсталых народов» и советские политики культурности / Ю. Градскова. – Текст : непосредственный // Там, внутри. Практики внутренней колонизации в культурной истории России : сборник статей / под редакцией А. Эткинда, Д. Уффельманна, И. Кукулина. – Москва : Новое литературное обозрение, 2012. – С. 664-683.
44. Градскова, Ю. «Обычная» советская женщина – обзор описаний идентичности / Ю. Градскова. – Москва : Спутник+, 1999. – 158 с. – Текст : непосредственный.
45. Громов, Д. В. Качалка – место не для девчонок : организация мужского пространства на примере люберецких качалок 1980-х гг. / Д. В. Громов. – Текст : непосредственный // Российская повседневность в зеркале гендерных отношений : сборник статей / [ответственный редактор и составитель Н. Л. Пушкарёва]. – Москва : Новое литературное обозрение, 2013. – С. 770–798.
46. Груздева, Е. Б. Оплата труда и семейные доходы работающих женщин: проблемы и перспективы / Е. Б. Груздева, Э. С. Чертихина. – Текст : непосредственный // Женщины в современном мире : к итогам X-летия женщины ООН / [Т. Н. Сидорова, Н. А. Бережная, Е. Н. Коршунова и др.] ; ответственный редактор В. В. Любимова. – Москва : Наука, 1989. – С. 93–104.

47. Губанова, Т. С. Гендерный аспект в исследованиях 1990–2020-х годов о религиозном компоненте в российском школьном образовании / Т. С. Губанова. – Текст : непосредственный // Женская история сегодня: источниковедение, историография, новые методологические подходы : материалы XIV Международной научной конференции РАИЖИ и ИЭА РАН : в 2 частях / ответственный редактор Н. Л. Пушкарёва, составители А. И. Громова, А. В. Жидченко. Часть 2. – Москва : ИЭА РАН, 2021. – С. 222–226.
48. Губанова, Т. С. Гендерные проблемы развития российского школьного образования в 2000-е годы / Т. С. Губанова. – Текст : непосредственный // Женское и мужское в традиционной и современной культуре: сохранение, фиксация, понимание : материалы XIII Международной научной конференции РАИЖИ и ИЭА РАН : в 2 частях / ответственный редактор Н. Л. Пушкарёва, составитель А. И. Громова. Часть 2. – Москва : ИЭА РАН, 2020. – С. 52–55.
49. Губанова, Т. С. Гендерные стереотипы в российских школьных учебниках и рабочих программах 2000–2020 гг. / Т. С. Губанова. – Текст : непосредственный // Самарский земский сборник. – 2020. – № 1 (30). – С. 68-70.
50. Губанова, Т. С. Гендерные стереотипы в содержании школьного образования РФ / Т. С. Губанова. – Текст : непосредственный // Апрельские тезисы : материалы междисциплинарной научно-исследовательской конференции. Пермь, 2021. – С. 240–246.
51. Губанова, Т. С. Гендерные стереотипы в советских школьных учебниках по истории и обществоведению 1970-х – начала 1980-х годов / Т. С. Губанова. – Текст : непосредственный // Преподаватель XXI век. – 2023. – № 1-2. – С. 262–269.
52. Губанова, Т. С. Гендерные стереотипы в современных российских школьных учебниках по истории и обществознанию / Т. С. Губанова. –

Текст : непосредственный // Платоновские чтения : материалы и доклады XXVII Всероссийской конференции молодых историков / ответственный редактор П. С. Кабытов. – Самара, 2021. – С. 115–117.

53. Губанова, Т. С. Европейское кино как источник формирования исторической памяти : (на примере фильмов о Первой мировой войне) / Т. С. Губанова. – Текст : непосредственный // Исследования зарубежной истории. Мемориал им. С. Б. Семёнова. Выпуск 2 / под редакцией Е. П. Бариновой, Е. А. Гуськова. – Самара, 2021. – С. 152–155.
54. Губанова, Т. С. Женская повседневность и стереотипы феминности по материалам советского кинематографа конца 1960-х – начала 1980-х гг. / Т. С. Губанова. – Текст : непосредственный // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. Исторические науки. – Самара, 2024. – Т. 6, № 1 (21). – С. 103–112.
55. Губанова, Т. С. Понимание проблемы феминизма в контексте развития либеральной философской мысли XX века / Т. С. Губанова. – Текст : непосредственный // Платоновские чтения : материалы и доклады XXVII Всероссийской конференции молодых историков / ответственный редактор П. С. Кабытов. – Самара, 2022. – С. 111–113.
56. Губанова, Т. С. «Постиндустриальный вызов» и проблема гендерного неравенства в российском образовании / Т. С. Губанова, Л. Н. Попкова. – Текст : непосредственный // Человек в информационном обществе : сборник материалов научно-практической международной конференции, посвященной 60-летию полета в космос Ю.А. Гагарина. – Самара : Изд-во Самарского университета, 2021. – С. 739–743.
57. Губанова, Т. С. Проблема гендера в системе российского школьного образования / Т. С. Губанова. – Текст : непосредственный // Платоновские чтения : материалы и доклады XXVII Всероссийской

конференции молодых историков / ответственный редактор П. С. Кабытов. – Самара, 2020. – С. 130–131.

58. Губанова, Т. С. Проблема гендерных стереотипов в современном российском школьном образовании / Т. С. Губанова. – Текст : непосредственный // Тенденции развития образования. Глобальные вызовы и неравные возможности : материалы XVIII ежегодной Международной научно-практической конференции / под редакцией М. Г. Пугачёвой. – Москва, 2021. – С. 64–72.
59. Губанова, Т. С. Репрезентация моделей семейных отношений на страницах советских журналов конца 1960-х – 1970-х гг. / Т. С. Губанова. – Текст : непосредственный // Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология. – 2023. – Т. 29, № 3. – С. 59–64.
60. Губанова, Т. С. Стереотипы мужественности и женственности в советской гендерно-ориентированной литературе о половом воспитании 1970-х годов / Т. С. Губанова. – Текст : непосредственный // Прошлое, память, нарратив: гендерное измерение повседневности : материалы XV международной научной конференции РАИЖИ и ИЭА РАН : в 2 частях. Часть 2. – Москва : ИЭА РАН, 2022. – С. 352–356.
61. Губанова, Т. С. «Хочешь быть красивой – трудись!» – эстетические стандарты женственности по материалам советской периодической печати 1970-х годов / Т. С. Губанова. – Текст : непосредственный // Семейное, женское, повседневное в историко-антропологическом измерении : материалы XVI Международной научной конференции РАИЖИ и ИЭА РАН : в 2 частях. Часть 2. – Москва, 2023. – С. 446–449.
62. Гудова, М. Ю. Ценностная специфика хронотопа советского и российского женского иллюстрированного журнала (на примере журналов «Советская женщина» и «Крестьянка») / М. Ю. Гудова. –

Текст : электронный // Советская культура в современном социопространстве России: трансформации и перспективы : материалы научной интернет-конференции. – Екатеринбург, 2008. – URL: https://elar.urfu.ru/handle/10995/1826 (дата обращения: 14.04.2024).

63. Гуменюк, А. А. Неудача создания общества потребления в СССР (1953-1985 гг.) как один из факторов распада единого государства / А. А. Гуменюк, А. П. Мякшев. – Текст : непосредственный // Известия Саратовского университетата. Новая серия. Серия : История. Международные отношения. – Саратов, 2022. – №4. – С. 470–476.
64. Девятых, С. Ю. Проблемы нравственно-полового воспитания в советской школе 1920-х – 1980-х годов / С. Ю. Девятых. – Текст : непосредственный // Социальное воспитание. – Витебск, 2013. – № 1. – С. 36–44.
65. Емельянова, Е. Д. Революция, партия, женщина : опыт работы Коммунистической партии среди трудящихся женщин (октябрь 1917–1925 гг.) / Е. Д. Емельянова. – Смоленск, 1971. – 236 с. – Текст : непосредственный.
66. Еременко, К. С. «Море принадлежит мужчинам?»: женщины в профессиональном сообществе советского торгового флота в 1960-1970-х гг. / К. С. Еременко, Е. А. Поливанчук. – Текст : непосредственный // Женщина в российском обществе. – 2021. – № 4. – С. 149–168.
67. Ершова, Э. Гарнизонные Женсоветы в Советской Армии в 60-е – 80-е годы / Э. Ершова. – Текст : электронный // «О нас и нашем деле» : информационный журнал. – Москва, 1999. – № 3-4. – URL: http://womnet.ru/aboutus/3-4/ (дата обращения 20.09.2024).
68. Женский проект: метаморфозы диссидентского феминизма во взглядах молодого поколения России и Австрии / под редакцией С. Ярошенко. – Санкт-Петербург : Алетейя, 2011. – 336 с. – Текст : непосредственный.

69. Жеребкина, И. «Прочти мое желание...» : постмодернизм, психоанализ, феминизм / И. Жеребкина. – Москва : Идея-Пресс, 2000. – 251 с. – Текст : непосредственный.
70. Жеребкина, И. Это сладкое слово... : гендерные 60-ые и далее / И. Жеребкина. Санкт-Петербург : Алетейя, 2012. – 408 с. – Текст : непосредственный.
71. Жирнова, Г. В. Брак и свадьба русских горожан в прошлом и настоящем : (по материалам городов средней полосы РСФСР) / Г. В. Жирнова. – Москва : Наука, 1980. – 150 с. – Текст : непосредственный.
72. Журавлев, С. В. Мода по плану: история моды и моделирования одежды в СССР, 1917–1991 / С. В. Журавлев, Ю. Гронов. – Москва : ИРИ РАН, 2013. – 496 с. – Текст : непосредственный.
73. Завадская, Л. Н. Российские реалии: проблема равенства полов / Л. Н. Завадская. – Текст : непосредственный // Интеграция женщин в процесс общественного развития. Часть 2. – Москва : Луч, 1994. – С. 393–417.
74. Звонарева, А. Е. Образ отца в позднесоветской журнальной периодике (вторая половина 50-х – 80-е годы XX века) / А. Е. Звонарева. – Текст : непосредственный // Женщина в российском обществе. – 2009. – № 1. – С. 64–73.
75. Здравомыслова, Е. А. Государственное конструирование гендера в советском обществе / Е. А. Здравомыслова, А. А. Тёмкина. – Текст : непосредственный // Журнал исследований социальной политики. – 2003. – № 3-4. – С. 299–321.
76. Здравомыслова, Е. А. Кризис маскулинности в позднесоветском дискурсе / Е. А. Здравомыслова, А. А. Тёмкина. – Текст : непосредственный // О муже(N)ственности : сборник статей / составитель С. Ушакин. – Москва : Новое литературное обозрение, 2002. – С. 433–449.

77. Здравомыслова, Е. А. Советский этакратический гендерный порядок / Е. А. Здравомыслова, А. А. Тёмкина. – Текст : непосредственный // Российский гендерный порядок: социологический подход : коллективная монография / [ответственные редакторы Е. А. Здравомыслова, А. А. Тёмкина]. – Санкт-Петербург : Изд-во Европейского университета, 2007. – С. 96–138.
78. Здравомыслова, Е. А. Что такое «маскулинность»? Понятийные отмычки критических исследований мужчин и маскулинностей / Е. А. Здравомыслова, А. А. Тёмкина. – Текст : непосредственный // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. – 2018. – № 6. – С. 48–73.
79. Здравомыслова, Е. А. 12 лекций по гендерной социологии / Е. А. Здравомыслова, А. А. Тёмкина. – Санкт-Петербург : Изд-во Европейского университета, 2015. – 768 с. – Текст : непосредственный.
80. Здравомыслова, О. М. Как рождался «Советский патриархат». Григорий Баткис о сексуальной революции в России / О. М. Здравомыслова. – Текст : непосредственный // Демографическое обозрение. 2017. – Т. 4, №1. – С. 124–141.
81. Здравомыслова, О. М. «Постсоветская сексуальная революция»: история и современность : материалы круглого стола / О. М. Здравомыслова. – Текст : непосредственный // INTER. – 2019. – № 17. – С. 7–31.
82. Иванова, А. С. Магазины «Березка»: парадоксы потребления в позднем СССР / А. С. Иванова. Москва : Новое литературное обозрение, 2017. – 304 с. – Текст : непосредственный.
83. Ивлиев, С. А. Повседневная жизнь людей в 1953 - 1964 гг. (на примере Мордовской АССР) / С. А. Ивлиев, Т. Н. Кадерова. – Текст : непосредственный // Вестник НИИ гуманитарных наук при

Правительстве Республики Мордовия. – Саранск, 2022. № 1 (61). – С. 124–136.

84. Иглтон, Т. Почему Маркс был прав / Т. Иглтон ; [перевод с английского П. Норвилло]. – Москва : Карьера Пресс, 2012. – 304 с. – Текст : непосредственный.
85. История России. XX век : в 3 томах. Том III : Деградация тоталитарного государства и движение к новой России (1953–2008) / под редакцией А. Б. Зубова. – Москва : Эксмо, 2017. – 688 с. – Текст : непосредственный.
86. Йоргенсен, М. В. Дискурс-анализ : теория и метод / М. В. Йоргенсен, Л. Дж. Филлипс. – Харьков : Гуманитарный Центр, 2008. – 352 с. – Текст : непосредственный.
87. Казьмина, О. Брак в России XX века: традиционные установки и инновационные эксперимент / О. Казьмина, Н. Пушкарёва. – Текст : непосредственный // Семейные узы. Модели для сборки : сборник статей / [составитель и редактор С. Ушакин]. Книга 1. – Москва : Новое литературное обозрение, 2004. – С. 185–218.
88. Калабихина, И. Е. Как мы узнаем, что наступает гендерное равенство? / И. Е. Калабихина. – Текст : непосредственный // Женщина в российском обществе. – 2021. – № 2. – С. 3–16.
89. Карпова, Г. «Выпьем за Родину!» Питейные практики и государственный контроль в СССР / Г. Карпова. – Текст : непосредственный // Советская социальная политика: сцены и действующие лица, 1940–1985 : научная монография / под редакцией Е. Р. Ярской-Смирновой, П. В. Романова. – Москва : Вариант, 2008. – С. 337–357.
90. Кащенко, Е. А. Основы социокультурной сексологии / Е. А. Кащенко. – Москва : ЛИБРОКОМ, 2011. – 256 с. – Текст : непосредственный.

91. Киналь, А. В. Независимый альманах «Женщины и Россия» в СССР / А. В. Киналь, Л. А. Королева. – Текст : электронный // Современные научные исследования и инновации. 2015. – № 3, ч. 3. – URL: https://web.snauka.ru/issues/2015/03/48685 (дата обращения: 21.07.2023).
92. Климашевская, О. В. Гендерная политика государства: генезис понятия / О. В. Климашевская, А. В. Крутов. – Текст : непосредственный // Женщина в российском обществе. – 2010. – № 4. – С. 22–31.
93. Кон, И. С. Клубничка на березке. Сексуальная культура в России / И. С. Кон. – Москва : ОГИ, 1997. – 606 с. – Текст : непосредственный.
94. Кононенко, Р. Советская женщина за рулем : государственная политика и культурные коды гендерного равенства / Р. Кононенко. – Текст : непосредственный // Советская социальная политика: сцены и действующие лица, 1940–1985 : научная монография / под редакцией Е. Р. Ярской-Смирновой, П. В. Романова. – Москва : Вариант, 2008. – С. 358–371.
95. Копосов, Н. Е. Память строгого режима : история и политика в России / Н. Е. Копосов. – Москва : Новое литературное обозрение, 2011. – 320 с. – Текст : непосредственный
96. Королева, Л. А. Российская мусульманка-татарка: из советского прошлого, 1940–1980-е гг. (по материалам Среднего Поволжья) / Л. А. Королева, А. А. Королев. – Текст : непосредственный // Женщина в российском обществе. – 2010. – № 2 (57). – С. 9–13.
97. Котылев, А. Ю. Оппозиция мужское/женское в процессе развития российской социокультурной системы конца XIX – начала XXI вв. / А. Ю. Котылев. – Текст : непосредственный // Гендерная теория и историческое знание : материалы семинаров / [ответственный редактор А. А. Павлов]. – Сыктывкар : СыктГУ, 2004. – С. 57–91.

98. Кузнецова, Л. Н. Вначале было слово (Женская проблематика на газетных страницах 70-х) / Л. Н. Кузнецова. – Текст : электронный // Женская пресса [сайт]. – URL: https://a-z.ru/women/texts/kusnez6-e.htm (дата обращения 22.07.2022).

99. Левинсон, А. Об эстетике насилия. Армия и общество в СССР / А. Левинсон. – Текст : непосредственный // Неприкосновенный запас: дебаты о политике и культуре. – 1999. – № 2. – С. 10–20.

100. Лушников, А. М. «Женский вопрос» и отечественное трудовое право : историко-правовой очерк / А. М. Лушников. – Текст : непосредственный // Актуальные проблемы российского права. – 2015. – № 3. – С. 182–189.

101. Макколлум, К. Судьба Нового человека : репрезентация и реконструкция маскулинности в советской визуальной культуре, 1945-1965 / К. Макколлум ; перевод с английского Н. Проценко. – Москва : Новое литературное обозрение, 2021. – 328 с. – Текст : непосредственный.

102. Маркузе, Г. Марксизм и феминизм : (лекция, прочитанная в Стенфордском университете 7 марта 1974 года) / Г. Маркузе. – Б.м. : Свободное марксистское изд-во, 2008. – 18 с. – Текст : непосредственный.

103. Медведев, Ф. Н. Екатерина Фурцева. Любимый министр / Ф. Н. Медведев. – Москва : Алисторус, 2012. – 158 с. – Текст : непосредственный.

104. Меньшикова, Е. Н. Формирование особой гендерной идентичности советских женщин-железнодорожниц в конце 1960–1980-х годах / Е. Н. Меньшикова. – Текст : непосредственный // НИР. Российский журнал управления проектами. – 2020. – № 3. – С. 747–756.

105. Митрохин, Н. Очерки советской экономической политики в 1965–1989 годах / Н. Митрохин. Том 2. – Москва : Новое литературное обозрение, 2023. – 800 с. – Текст : непосредственный.

106. Михайлова, Е. В. Гендерная философия: маскулинность и фемининность / Е. В. Михайлова. – Текст : непосредственный // Вестник Марийского государственного университета. – 2011. – № 6. – С. 11–14.

107. Михель, Д. Супружеская спальня: к «святая святых» современной семьи и от нее / Д. Михель. – Текст : непосредственный // Семейные узы. Модели для сборки : сборник статей / [составитель и редактор С. Ушакин]. Книга 1. – Москва : Новое литературное обозрение, 2004. – С. 493–514.

108. Мищенко, Т. А. Советское потребительство в эпоху оттепели: гендерный аспект / Т. А. Мищенко. – Текст : непосредственный // Вестник Брянского государственного университета. – 2012. – № 2 (1). – С. 63–69.

109. На пороге кризиса: нарастание застойных явлений в партии и обществе / [Л. Н. Гордон, Э. В. Клопов, И. А. Алуф и др. ; под общей редакцией и с предисловием В. В. Журавлева]. – Москва : Политиздат, 1990. – 447 с. – Текст : непосредственный.

110. Нагорная, О. С. Женщины в структурах советской культурной дипломатии холодной войны: пространства мобилизации и практики соучастия / О. С. Нагорная. – Текст : непосредственный // НИР. Российский журнал управления проектами. – 2020. – № 2. – С. 451–467.

111. Некрасов, С. Н. Частное и общественное при переходе от индустриального к информационному обществу / С. Н. Некрасов. – Текст : непосредственный // Частное и общественное: гендерный аспект : материалы Четвертой Международной научной конференции РАИЖИ и ИЭА РАН. Том 2. – Москва : ИЭА РАН, 2011. – С. 551–552.

112. Новикова, А. А. Современные телевизионные зрелища: истоки, формы и методы воздействия / А. А. Новикова. – Санкт-Петербург : Алетейя, 2008. – 208 с. – Текст : непосредственный.

113. Новикова, И. «Тонкие дела» за «горными вершинами»: ориентализм в советских фильмах / И. Новикова. – Текст : непосредственный // Гендерные исследования. – Харьков : ХЦГИ. – 2004. – № 10. – С. 66–86.

114. Оришева, О. Постмарксизм и «женский вопрос» / О. Оришева. – Текст : непосредственный // Гендерные исследования. – Харьков : ХЦГИ, 2010. – № 20-21. – С. 253–256.

115. Орлов, И. Б. Советская повседневность : исторический и социологический аспекты становления / И. Б. Орлов. – Москва : Изд. дом Гос. ун-та Высш. шк. экономики, 2010. – 316 с. – Текст : непосредственный.

116. Пальванова, Б. П. Дочери Советского Востока / Б. П. Пальванова. – Москва : Госполитиздат, 1961. – 174 с. – Текст : непосредственный

117. Полозова, К. А. Гендерный аспект реализации законодательства, регулирующего религиозную сферу в СССР в 1929–1990 гг. / К. А. Полозова, А. А. Федотов. – Текст : непосредственный // Женщина в российском обществе. – 2013. – № 4 (69). – С. 57–64.

118. Пушкарёва, Н. Л. Гендерная система Советской России и судьбы россиянок / Н. Л. Пушкарёва. – Текст : непосредственный // Новое литературное обозрение. – 2012. – № 5. – С. 8–23.

119. Пушкарёва, Н. Л. Гендерная теория и историческое знание / Н. Л. Пушкарёва. – Санкт-Петербург: Алетейя, 2007. – 495 с. – Текст : непосредственный.

120. Пушкарёва, Н. Л. Гендерный аспект «истории повседневности»: содержание и перспективы изучения / Н. Л. Пушкарёва. – Текст : непосредственный // Частное и общественное: гендерный аспект :

материалы Четвертой международной научной конференции РАИЖИ и ИЭА РАН. Том 2. – Москва : ИЭА РАН, 2011. – С. 538–539.

121. Пушкарёва, Н. Л. Динамика женского присутствия в российской экономике второй половины XX – начала XXI в. : глазами историка / Н. Л. Пушкарёва. – Текст : непосредственный // Гендерная политика в России и в мире: экономика, управление, общество : материалы Всероссийской научной конференции. – Иваново : Ивановский государственный университет, 2021. – С. 94–101.

122. Пушкарёва, Н. Л. «Жену с почину берут»? Устыдительные наказания девушек в традиционной русской культуре XIX в. / Н. Л. Пушкарёва. – Текст : непосредственный // Женщина в российском обществе. – 2009. – № 2. – С. 3–12.

123. Пушкарёва, Н. Л. Сексуальность в частной жизни русской женщины (X-XX вв.): влияние православного и этакратического гендерных порядков / Н. Л. Пушкарёва. – Текст : непосредственный // Женщина в российском обществе. – 2008. – № 2. – С. 3–17.

124. Рис, Н. Гендерные стереотипы в российском обществе: взгляд американского этнографа / Н. Рис. – Текст : непосредственный // Этнографическое обозрение. – 1994. – № 5. – С. 44–52.

125. Рольф, М. Советские массовые праздники / М. Рольф ; [перевод с немеукого В. Т. Алтухова]. – Москва : РОССПЭН : Фонд Первого Президента России Б.Н. Ельцина, 2009. – 439 с. – Текст : непосредственный.

126. Российский гендерный порядок: социологический подход : коллективная монография / [ответственные редакторы Е. А. Здравомыслова, А. А. Тёмкина]. – Санкт-Петербург : Изд-во Европейского университета, 2007. – 306 с. – Текст : непосредственный.

127. Роткирх, А. Советские гендерные контракты и их трасформация в современной России / А. Роткирх, А. Тёмкина. – Текст :

непосредственный // Российский гендерный порядок: социологический подход : коллективная монография / [ответственные редакторы Е. А. Здравомыслова, А. А. Тёмкина]. – Санкт-Петербург : Изд-во Европейского университета, 2007. – С. 169–201.

128. Роткирх, А. Советские гендерные контракты и их трансформация в современной России / А. Роткирх, А. Темкина. – Текст : непосредственный // Социологические исследования. – 2002. – № 11. – С. 4–15.

129. Роткирх, А. Советские культуры сексуальности / А. Роткирх. – Текст : непосредственный // В поисках сексуальности : [сборник статей] / под редакцией Е. Здравомысловой и А. Темкиной. – Санкт-Петербург : Дмитрий Буланин, 2002. – С. 128–171.

130. Рыков, С. Л. Гендерное измерение содержания отечественных букварей / С. Л. Рыков. – Текст : непосредственный // Проблемы современного образования. – 2012. – № 5. – С. 83–89.

131. Рябцева, И. А. Население в ходе экономического развития СССР: роль и специфика включения женского населения в экономику СССР (историографический анализ) / И. А. Рябцева. – Текст : непосредственный // Экономика и управление инновациями. – 2021. – № 3 (18). – С. 47–56.

132. Свендсен, Л. Философия моды / Л. Свендсен ; перевод с норвежского А. Шипунова. – Москва : Прогресс-Традиция, 2007. – 256 с. – Текст : непосредственный

133. Силласте, Г. Г. Гендерная политика и социальный механизм ее возможной реализации / Г. Г. Силласте. – Текст : непосредственный // Гендерная политика в России и в мире: экономика, управление, общество : материалы Всероссийской научной конференции. – Иваново : Ивановский государственный университет, 2021. – С. 3–13.

134. Смагина, С. Новая женщина в кинематографе переходных исторических периодов / С. Смагина. – Москва : Новое литературное обозрение, 2023. – 376 с. – Текст : непосредственный.

135. Смеюха, В. В. Женские журналы СССР в 1945–1991 гг. : типология, проблематика, образная трансформация / В. В. Смеюха. – Текст : непосредственный // Женщина в российском обществе. – 2012. – № 1. – С. 55–67.

136. Смеюха, В. В. Отечественные женские журналы : история и типология / В. В. Смеюха // Вопросы теории и практики журналистики. – 2012. – № 2. – С. 50–57.

137. Смирнова, А. В. Учимся жить в обществе : гендерный анализ школьных учебников / А. В. Смирнова. – Москва : Олита, 2005. – 80 с. – Текст : непосредственный.

138. Смирнова, А. В. Учителя как агенты гендерной социализации в школе / А. В. Смирнова. – Текст : непосредственный // Женщина в российском обществе. – 2007. – № 1 (42). – С. 37–49.

139. Смирнов, Д. Г. Семиотика международных отношений: гендерное измерение (к постановке проблемы) / Д. Г. Смирнов. – Текст : непосредственный // Женщина в российском обществе. – 2018. – № 4 (89). – С. 60–70.

140. Стайтс, Р. Женское освободительное движение в России : феминизм, нигилизм и большевизм, 1860-1930 / Р. Стайтс ; [перевод с английского И. А. Школьникова, О. В. Шныровой]. – Москва : РОССПЭН, 2004. – 616 с. – Текст : непосредственный.

141. Стяжкина, Е. В. Женская и мужская повседневность в условиях смены гендерных контрактов второй половины XX в. / Е. В. Стяжкина. – Текст : непосредственный // Российская повседневность в зеркале гендерных отношений : сборник статей / [ответственный редактор и

составитель Н. Л. Пушкарёва]. – Москва : Новое литературное обозрение, 2013. – С. 650–700.

142. Суковатая, В. А. От «Маскулинности травмы» – к «Маскулинности невроза»: гендерные политики в советской и постсоветской массовой культуре / В. А. Суковатая. – Текст : непосредственный // Лабиринт. Журнал социально-гуманитарных исследований. – 2012. – № 5. – С. 37–59.

143. Сюзюмов, М. Я. Модернизация и сепаратизация / М. Я. Сюзюмов. – Текст : непосредственный // Античная древность и средние века. – Свердловск, 1975. – Вып. 11. – С. 41–51.

144. Тартаковская, И. Н. Гендерная социология / И. Н. Тартаковская. – Москва : Вариант, 2005. – 368 с. – Текст : непосредственный.

145. Тарусина, Н. Н. Гендерная экспертиза российского законодательства / Н. Н. Тарусина. – Ярославль : ЯрГУ, 2012. – 44 с. – Текст : непосредственный.

146. Тёмкина, А. Гендерный порядок: постсоветские трансформации (Северный Таджикистан) / А. Тёмкина. – Текст : непосредственный // Гендер: традиции и современность : сборник статей по гендерным исследованиям / под редакцией С. Р. Касымовой. – Душанбе, 2005. – С. 6–91.

147. Тёмкина, А. Новый быт, сексуальная жизнь и гендерная революция / А. Тёмкина. – Текст : непосредственный // Новый быт в современной России: гендерные исследования повседненности : коллективная монография / под редакцией Е. Здравомысловой, А. Роткирх, А. Тёмкиной. – Санкт-Петербург : Изд-во Европейского университета, 2009. – С. 33–67.

148. Тёмкина, А. Подчинение старшим и модернизация патриархата: женская сексуальность в браке (Таджикистан) / А. Тёмкина. – Текст : непосредственный // Сексуальная жизнь женщины: между

подчинением и свободой. – Санкт-Петербург : Издательство Европейского университета, 2008. – С. 67–144.

149. Тёмкина, А. Половая жизнь в позднесоветском браке / А. Тёмкина. – Текст : непосредственный // Семейные узы. Модели для сборки : сборник статей / [составитель и редактор С. Ушакин]. Книга 1. – Москва : Новое литературное обозрение, 2004. – С. 515–547.

150. Тёмкина, А. А. Сексуальная жизнь женщины: между подчинением и свободой / А. Тёмкина. – Санкт-Петербург : Издательство Европейского университета, 2008. – 376 с. – Текст : непосредственный.

151. Торбург, М. Р. Эволюция образа женщины-руководительницы в советском кино / М. Р. Торбург, С. В. Добронравов. – Текст : непосредственный // Женщина в российском обществе. – 2021. – № 3. – С. 127–134.

152. Тюрикова, И. И. Дихотомия частного / публичного в классических и современных политических теориях : феминистская критика / И. И. Тюрикова. – Текст : непосредственный // Частное и общественное: гендерный аспект : материалы Четвертой Международной научной конференции РАИЖИ и ИЭА РАН. Том 2. – Москва : ИЭА РАН, 2011. – С. 539–543.

153. Уиллис, Э. Женщины и миф о потреблении / Э. Уиллис. – Текст : непосредственный // Женщины в политике: новые подходы к политическому : феминистский образовательный альманах. Выпуск 2 : Пол политики / редакторы А. Ю. Першай и Е. М. Иванова. – Прага: Адліга, 2013. – С. 38–43.

154. Урланис, Б. Ц. Берегите мужчин! / Б. Ц. Урланис. – Текст : непосредственный // Литературная газета. – 1968. – 24 июля (№ 30). – С. 12.

155. Усманова, А. «Девчата»: девичья честь и возраст любви в советской комедии 1960-х годов / А. Усманова. – Текст : непосредственный //

Визуальная антропология: режимы видимости при социализме / Центр социальной политики и гендерных исследований ; под редакцией Е. Р. Ярской-Смирновой, П. В. Романова. – Москва : ЦСПГИ : Вариант, 2009. – С. 395–413.

156. Утехин, И. В. Очерки коммунального быта / И. В. Утехин. – Москва : ОГИ, 2004. – 277 с. – Текст : непосредственный.

157. Ушакин, С. «Человек рода он»: знаки отсутствии / С. Ушакин. – Текст : непосредственный // О муже(N)ственности : сборник статей / составитель С. Ушакин. – Москва : Новое литературное обозрение, 2002. – С. 7–42.

158. Федеричи, С. Патриархат заработной платы : заметки о Марксе, гендере и феминизме / С. Федеричи. – Москва : Новое литературное обозрение, 2023. – 144 с. – Текст : непосредственный.

159. Федченко, М. Н. Повседневная жизнь советского человека (1945–1991 гг.) : монография / М. Н. Федченко. – Курган : Курганский гос. ун-т, 2009. – 231 с. – Текст : непосредственный.

160. Хабермас, Ю. Структурное изменение публичной сферы : исследование относительно категории буржуазного общества : с предисловием к переизданию 1990 года / Ю. Хабермас ; [перевод с немецкого В. В. Иванова]. – Москва : Весь Мир, 2016. – 342 с. – Текст : непосредственный.

161. Ханиш, К. Личное есть политическое (февраль 1969 года) / К. Ханиш. – Текст : непосредственный // Женщины в политике: новые подходы к политическому : феминистский образовательный альманах. Выпуск 2 : Личное как политическое / редакторы А. Ю. Першай и Е. М. Иванова. – Прага : Адліга, 2013. – С. 16–21.

162. Харрис, С. Приглашение в социологию эмоций : учебник / С. Харрис ; перевод с английского О. А. Симоновой. – Москва : Издательский дом Высшей школы экономики, 2020. – 224 с. – Текст : непосредственный.

163. Хартман, Х. Несчастливый брак марксизма с феминизмом: путь к более прогрессивному союзу / Х. Хартман. – Москва : Свобмарксизд, 2016. – 784 с. – Текст : непосредственный.

164. Хасбулатова, О. А. Технологии создания мифа о равноправии полов: советские практики / О. А. Хасбулатова. – Текст : непосредственный // Женщина в российском обществе. – 2018. – № 4 (89). – С. 49–59.

165. Холландер, Э. Пол и костюм : эволюция современной одежды / Э. Холландер ; [перевод с английского Е. Канищевой, Л. Сумм]. – Москва : Новое литературное обозрение, 2018. – 171 с. – Текст : непосредственный.

166. Чвыкалов, В. В. Гендерная политика советского государства в социальной сфере в целях защиты прав женщин / В. В. Чвыкалов. – Текст : непосредственный // Юристъ-Правоведъ. – 2011. – № 3. – С. 74–78.

167. Черепанова, Р. С. Быт и бытие. Советский интеллигент в обретении пола, возраста и личной жизни / Р. С. Черепанова. – Текст : непосредственный // Российская повседневность в зеркале гендерных отношений : сборник статей / [ответственный редактор и составитель Н. Л. Пушкарёва]. – Москва : Новое литературное обозрение, 2013. – С. 701–769.

168. Черепанова, Р. С. Дискурс частной жизни в позднем СССР : к постановке проблемы / Р. С. Черепанова. – Текст : непосредственный // Вестник ЮУрГУ. Серия: Социально-гуманитарные науки. – 2012. – № 10 (269). – С. 95–98.

169. Черепанова, Р. С. Личный дневник В. Н. Антонова как исторический источник: к вопросу об особенностях интеллигентских автобиографических текстов / Р. С. Черепанова. – Текст : непосредственный // Наука ЮУрГУ : материалы 66-й научной

конференции. – Челябинск : Издательский Центр ЮУрГУ, 2014. – С. 982–989.

170. Черепанова, Р. С. Личный дневник: уровни приватного и дискурсы публичного (на примере нескольких дневников советской эпохи) / Р. С. Черепанова. – Текст : непосредственный // Вестник ЮУрГУ. Серия: Социально-гуманитарные науки, 2018. – № 2. – С. 49-53.

171. Чернова, Ж. Модель «советского» отцовства: дискурсивные предписания / Ж. Чернова. – Текст : непосредственный // Российский гендерный порядок: социологический подход : коллективная монография / [ответственные редакторы Е. А. Здравомыслова, А. А. Тёмкина]. – Санкт-Петербург : Изд-во Европейского университета, 2007. – С. 138–169.

172. Чернова, Ж. Романтик нашего времени: с песней по жизни / Ж. Чернова. – Текст : непосредственный // О муже(N)ственности : сборник статей / составитель С. Ушакин. – Москва : Новое литературное обозрение, 2002. – С. 453–476.

173. Чернова, Ж. Семья как политический вопрос : государственный проект и практики приватности / Ж. Чернова. – Санкт-Петербург : Изд-во Европейского университета, 2013. – 288 с. – Текст : непосредственный.

174. Чернова, Ж. В. Три режима гендерного гражданства: опыт восприятия социальной политики российскими женщинами трех поколений / Ж. В. Чернова, Л. Л. Шпаковская. – Текст : непосредственный // Интеракция. Интервью. Интерпретация. – 2021. – Т. 13, № 3. – С. 12–43.

175. Чодороу, Н. Воспроизводство материнства: психоанализ и социология гендера / Н. Чодороу. – Москва: РОССПЭН, 2006. – 496 с. – Текст : непосредственный.

176. Чуйкина, С. Быт неотделим от политики: официальные инеофициальные нормы «половой» морали в советском обществе 1930–1980-х годов / С. Чуйкина. – Текст : непосредственный // В поисках сексуальности : [сборник статей] / под редакцией Е. Здравомысловой и А. Темкиной. – Санкт-Петербург : Дмитрий Буланин, 2002. – С. 99–127.

177. Чуйкина С. Открытый дом и его хозяйка : (из истории участниц диссидентского движения) / С. Чуйкина. – Текст : непосредственный // Феминистская теория и практика: Восток-Запад : материалы международной научно-практической конференции / ответственный редактор Ю. Жукова. – Санкт-Петербург, 1996. – С. 287–294.

178. Чуйкина, С. Участие женщин в диссидентском движении (1956-1986) / С. Чуйкина. – Текст : непосредственный // Гендерное измерение социальной и политической активности в переходный период : сборник научных статей / редакторы Е. Здравомыслова, А. Тёмкина ; Центр независимых социальных исследований. – Санкт-Петербург, 1996. – С. 61–81.

179. Чухров, К. Был ли гендер в СССР / К. Чухров. – Текст : непосредственный // Гендерные исследования. – Харьков : ХЦГИ, 2010. – № 20-21. – С. 249–256.

180. Шадрина, А. Не замужем : секс, любовь и семья за пределами брака / А. Шадрина. – Москва : Новое литературное обозрение, 2014. – 240 с.

181. Шаталова, О. Кухня и освобождение от нее: домашняя работница в советской прессе 70-х гг. / О. Шаталова. – Текст : непосредственный // Квир-коммунизм это этика / О. Шаталова, Г. Мамедов. – Москва : Свободное марксистское изд-во, 2016. – С. 85–103.

182. Шевченко, М. Н. Гендерные стереотипы / М. Н. Шевченко. – Текст : непосредственный // Вестник Амурского государственного

университета. Серия: Гуманитарные науки. – 2010. – № 48. – С. 173–176.

183. Штылева, Л. В. Фактор пола в образовании: гендерный подход и анализ : [монография] / Л. В. Штылева. – Москва : Per Se, 2008. – 315 с. – Текст : непосредственный.

184. Шубин, А. В. От «застоя» к реформам. СССР в 1917–1985 гг. / А. В. Шубин. – Москва : РОССПЭН, 2000. – 768 с. – Текст : непосредственный.

185. Эллиот А. Теории феминизма / А. Эллиот, Н. Менделл. – Текст : непосредственный // Введение в гендерные исследования. Часть II : Хрестоматия / под редакцией С. В. Жеребкина. – Харьков : ХЦГИ ; СПб. : Алетейя, 2001. – С. 93–126.

186. Юкина, И. И. Русский феминизм как вызов современности / И. И. Юкина. – Санкт-Петербург : Алетейя, 2007. – 544 с. – Текст : непосредственный.

187. Юрчак, А. Это было навсегда, пока не кончилось : последнее советское поколение / А. Юрчак. – Москва : Новое литературное обозрение, 2014. – 664 с. – Текст : непосредственный.

188. Ядов, В. А. К вопросу о стереотипизации в социологии / В. А. Ядов. – Текст : непосредственный // Философские науки. – 1960. – № 2. – С. 47–58.

189. Яргомская, Н. Трансформация сценария женского сексуального дебюта: «прощание с невинностью» и гименопластика / Н. Яргомская. – Текст : непосредственный // Новый быт в современной России: гендерные исследования повседненности : коллективная монография / под ред. Е. Здравомысловой, А. Роткирх, А. Тёмкиной. – Санкт-Петербург : Изд-во Европейского университета, 2009. – С. 290–292.

190. Ярская-Смирнова, Е. Р. Гендерное неравенство в образовании: понятие скрытого учебного плана / Е. Р. Ярская-Смирнова. – Текст :

непосредственный // Гендерные исследования. – 2000. – № 2. – С. 295–301.

191. Attwood, L. The new soviet man and woman: Sex-Role Socialization in the USSR / L. Attwood. – Bloomington ; Indianapolis : Indiana univ. press, 1990. – 263 p. – Text : direct.

192. Behzadi, N. E. Gender and ethnicity in the Soviet Muslim peripheries: a feminist postcolonial geography of women's work in the Tajik SSR (1950–1991) / N. E. Behzadi, L. Direnberger. – Text : direct // Central Asian Survey. – 2020. – Vol. 39, № 1. – P. 202–219.

193. Bystydzienski, J. M. Women and Socialism: A Comparative Study of Women in Poland and the USSR / J. M. Bystydzienski. – Text : direct // Signs. – 1989. – Vol. 14, № 3. – P. 668–684.

194. Carnaghan, E. Political Attitudes and the Gender Gap in the USSR / E. Carnaghan, D. Bahry. – Text : direct // Comparative Politics. – 1990. – Vol. 22, № 4. – P. 379–399.

195. Chernyshova, N. Soviet Consumer Culture in the Brezhnev Era / N. Chernyshova. – New York : Routledge, 2013. – 260 p. – Text : direct.

196. Gibson, J. T. Sex roles in the family, school and workplace: The Soviet example / J. T.Gibson. – Text : direct // International Journal for the Advancement of Counselling. – 1988. – № 11. – P. 209–218.

197. Harden, J. Beyond the dual burden: Theorising gender inequality in Soviet Russia / J. Harden. – Text : direct // Critique : Journal of Socialist Theory. – 2002. – № 30 (1). – P. 43–68.

198. Heinen, J. Inequalities at Work: The Gender Division of Labour in the Soviet Union and Eastern Europe / J. Heinen. – Text : direct // Studies in Political Economy. – 1990. – № 33. – P. 39–61.

199. Hochschild, A. R. Emotion Work, Feeling Rules and Social Structure / A. R. Hochschild. – Text : direct // American Journal of Sociology. – 1979. – Vol. 85, № 3. – P. 551–575.

200. Leinarte, D. Family and the State in Soviet Lithuania / D. Leinarte. – New York : Bloomsbury Publishing Plc, 2021. – 226 p. – Text : direct.

201. Maurer, E. Gender in Détente and Disaster: Women Climbers in the Soviet International Pamir Camp 1974 / E. Maurer. – Text : direct // The International Journal of the History of Sport. – 2020. – № 37 (9). – P. 1–23.

202. Mespoulet, M. Women in Soviet society: Cahiers du CEFRES / M. Mespoulet. – Text : direct // Communism from the viewpoint of societies, Communism from the viewpoint of societies. – 2006. – № 30. – P. 9–117.

203. Noonan, N. C. Marxism and Feminism in the USSR / N. C. Noonan. – Text : direct // Women & Politics. – 1988. – Vol. 8, № 1. – P. 31–49.

204. Rywkin, M. Soviet society today / M. Rywkin. – New York : M. E. Sharpe, Inc., 1989. – 243 p. – Text : direct.

205. Smirnova, M. Multiple Masculinities: Gender Performativity in Soviet Political Humor / M. Smirnova. – Text : electronic // Men and Masculinities. – 2016. – Vol. 20, № 2. – URL: https://www.researchgate.net/publication/289686897_Multiple_Masculinities_Gender_Performativity_in_Soviet_Political_Humor.

206. Strum, Ph. Conversations with Women Policy-Makers in the USSR / Ph. Strum. – Text : direct // Women & Politics. – 1980. – № 1 (3). – P. 21–33.

207. Tartakovskaya, I. The changing representation of gender roles in the Soviet and post-Soviet press / I. Tartakovskaya. – Text : direct // Gender, State and Society in Soviet and Post-Soviet Russia. – New York : Routledge, 2012. – P. 118–136.

208. Tedin, K. L. The Gender Factor in Soviet Mass Politics: Survey Evidence from Greater Moscow / K. L. Tedin, O.-K. F. Yap. – Text : direct // Political Research Quarterly. – 1993. – Vol. 46, № 1. – P. 179–211.

209. Tolmacheva, M. A. The Muslim woman in Soviet Central Asia / M. A. Tolmacheva. – Text : direct // Central Asian Survey. – 1993. – Vol. 12, № 4. – P. 531–548.

210. Vogel, L. Marxism and the oppression of women : Toward a unitary theory / L. Vogel. – Leichhardt (New South Wales) : Pluto press, 1983. – 218 p. – Text : direct.

Диссертации и авторефераты

211. Алферова, И. В. «Женский вопрос» в теории и практике большевизма : первое десятилетие Советской власти, 1917–1927 гг. : автореферат диссертации … доктора исторических наук / И. В. Алферова. – Санкт-Петербург, 2011. – 34 с. – Текст : непосредственный.

212. Батурина, З. П. Исторический опыт привлечения женщин на военную службу в отечественные вооруженные силы в XX веке : автореферат диссертации … кандидата исторических наук / З. П. Вашурина. – Москва, 2004. – 24 с. – Текст : непосредственный.

213. Виниченко, И. В. Советская повседневность 50-х – середины 60-х гг. XX века: женский костюм в моделях одежды и бытовой практике : автореферат диссертации … кандидата исторических наук / И. В. Виниченко. – Омск, 2009. – 22 с. – Текст : непосредственный.

214. Григорьева, Г. Н. Советская власть и женское движение в СССР в 20-е гг. XX в. : автореферат диссертации … кандидата исторических наук / Г. Н. Григорьева. – Москва, 2004. – 16 с. – Текст : непосредственный.

215. Ельникова, Г. А. Духовные и социокультурные основания российского феминизма : автореферат диссертации … доктора социологических наук / Г. А. Ельникова. – Белгород, 2004. – 41 с. – Текст : непосредственный.

216. Захаров, Д. В. Трансформация образа женщины в средствах массовой информации России в 70-90 гг. XX века на примерах журналов : «Работница», «Крестьянка», «Космополитен» : автореферат

диссертации … кандидата исторических наук / Д. В. Захаров. – Москва, 2004. – 26 с. – Текст : непосредственный.

217. Котовская, М. Г. Социокультурные аспекты гендерных проблем в России: история и современность : автореферат диссертации … доктора исторических наук / М. Г. Котовская. – Москва, 2005. – 52 с. – Текст : непосредственный.

218. Кутырова, О. В. «Женский вопрос» в Советском Союзе и механизмы его решения в Мурманской области (1917–1980-е гг.) : автореферат диссертации … кандидата исторических наук / О. В. Кутырова. – Мурманск, 2007. – 27 с. – Текст : непосредственный.

219. Полякова, И. П. Повседневность в социально-философском контексте: теоретико-методологический анализ : автореферат диссертации … доктора философских наук / И. П. Полякова. – Москва, 2011. – 45 с. – Текст : непосредственный.

220. Преснякова, И. Б. Исторический опыт реализации государственной социальной политики решения женского вопроса в период реконструкции народного хозяйства (1925–1937 гг.) : на примерах областей Верхне-Волжского региона : автореферат диссертации … кандидата исторических наук / И. Б. Преснякова. – Иваново, 2004. – 24 с. – Текст : непосредственный.

221. Скороспелова, Т. В. Концепт маскулинности в российском коммуникативном пространстве : на материале киноискусства 1930–1990 годов : автореферат диссертации … кандидата социологических наук / Т. В. Скороспелова. – Москва, 2002. – 25 с. – Текст : непосредственный.

222. Смирнова, А. В. Гендерная социализация в общеобразовательной школе : автореферат диссертации … кандидата социологических наук / А. В. Смирнова. – Нижний Новгород, 2005. – 25 с. – Текст : непосредственный.

223. Смирнова, В. Н. Женский вопрос на демократическом и социалистическом этапах революции : женщины Татарии в революции и гражданской войне : диссертация .... доктора исторических наук / В. Н. Смирнова. – Воронеж, 1971. – 691 с. – Текст : непосредственный.

224. Селиванова, О. С. Гендерные стереотипы как способ репрезентации патриархатной культуры: социально-философский анализ : автореферат диссертации … кандидата философских наук / О. С. Селиванова. – Екатеринбург, 2006. – 21 с. – Текст : непосредственный.

225. Сытник, И. Г. Женский вопрос в политике государства и его решение на Южном Урале : 1918–1930 гг. : автореферат диссертации … кандидата исторических наук / И. Г. Сытник. – Оренбург, 2006. – 26 с. – Текст : непосредственный.

226. Тарабрина, О. А. Политика советского государства в решении «женского вопроса» в годы Гражданской войны (ноябрь 1917–1920 гг.) : замыслы и реалии : автореферат диссертации … кандидата исторических наук / О. А. Тарабрина. – Самара, 2006. – 24 с. – Текст : непосредственный.

227. Теплякова, А. Ю. Исторический опыт вовлечения женщин в трудовую и общественно-политическую деятельность во второй половине XX – начале XXI веков (на примере Воронежской области) : автореферат диссертации … кандидата исторических наук / А. Ю. Теплякова. – Белгород, 2013. – 20 с. – Текст : непосредственный.

228. Черевако, Е. И. социально-политическое положение женщин Тюменской области (II-я половина 1940-х – начало 1990-х гг.) : диссертация … кандидата исторических наук / Е. И. Черевако. – Тюмень, 2005. – 183 с. – Текст : непосредственный.

229. Шевченко, Л. А. История женского движения в Иркутской области (1920–1990-е гг.). : автореферат диссертации … кандидата

исторических наук / Л. А. Шевченко. – Улан-Удэ, 2012. – 25 с. – Текст : непосредственный.

ПРИЛОЖЕНИЯ

Рисунок 1. Иллюстрация «Что такое хорошо и что такое плохо».

Книга для чтения в третьем классе/ М.С. Васильева, Л.А. Горбушина, Е.И. Никитина, М.И. Оморокова. Родная речь. Москва: Просвещение, 1974. С.135.

Художественный редактор М.Л. Фрам. Рисунки художников Е.В. Викторова, Н.А. Игнатьева, А.А. Колейникова, В.Н. Лосина, Б.Л. Рытмага, М.М. Салтыкова.

Рисунок 2. Иллюстрация «Встреча москвичами на перроне Ржевского (ныне Рижского) вокзала воинов-победителей, возвращающихся домой после демобилизации. Июль 1945 г.»

История СССР (1938-1978 гг.): Учебник для 10-го класса / П. И. Потемкин, В. М. Балев, И. Б. Берхин, М. П. Ким; Под ред. М. П. Кима. 8-е изд. М.: Просвещение, 1979. 250 с. С. 125.

Редактирование методического аппарата, подбор документальных материалов и иллюстраций провёл П. И. Потёмкин.

Встреча москвичами на перроне Ржевского (ныне Рижского) вокзала воинов-победителей, возвращающихся домой после демобилизации. ***Июль 1945 г.***

Рисунок 3. Фрагмент иллюстрации «Наказание крепостных актёров» на развороте учебника.

Рассказы по истории СССР для 4 класса: Учебная книга / Т. С. Голубева, Л. С. Геллерштейн; Под ред. Н. П. Кузина. 4-е изд. Москва: Просвещение, 1974. 223 с. С. 67.

Оформление и иллюстрации художников А. И. Бабановского и Г. Д. Новожилова.

Рисунок 4. Иллюстрация «На занятиях в школе по ликвидации безграмотности».

История СССР: Переходная эпоха от капитализма к социализму. (1917-1937 гг.): Учебное пособие для 9-го кл./ Под ред. чл.-кор. АН СССР М. П. Кима. 9-е изд. Москва: Просвещение, 1972. - 240 с. С.216.

Художественный редактор А.Ф. Сергеев.

На занятиях в школе по ликвидации неграмотности.

Рисунок 5. Карикатура к статье «Отцы, это ваш долг!».

Здоровье. 1971. №7. С. 26.

Художник В.Шкарбан.

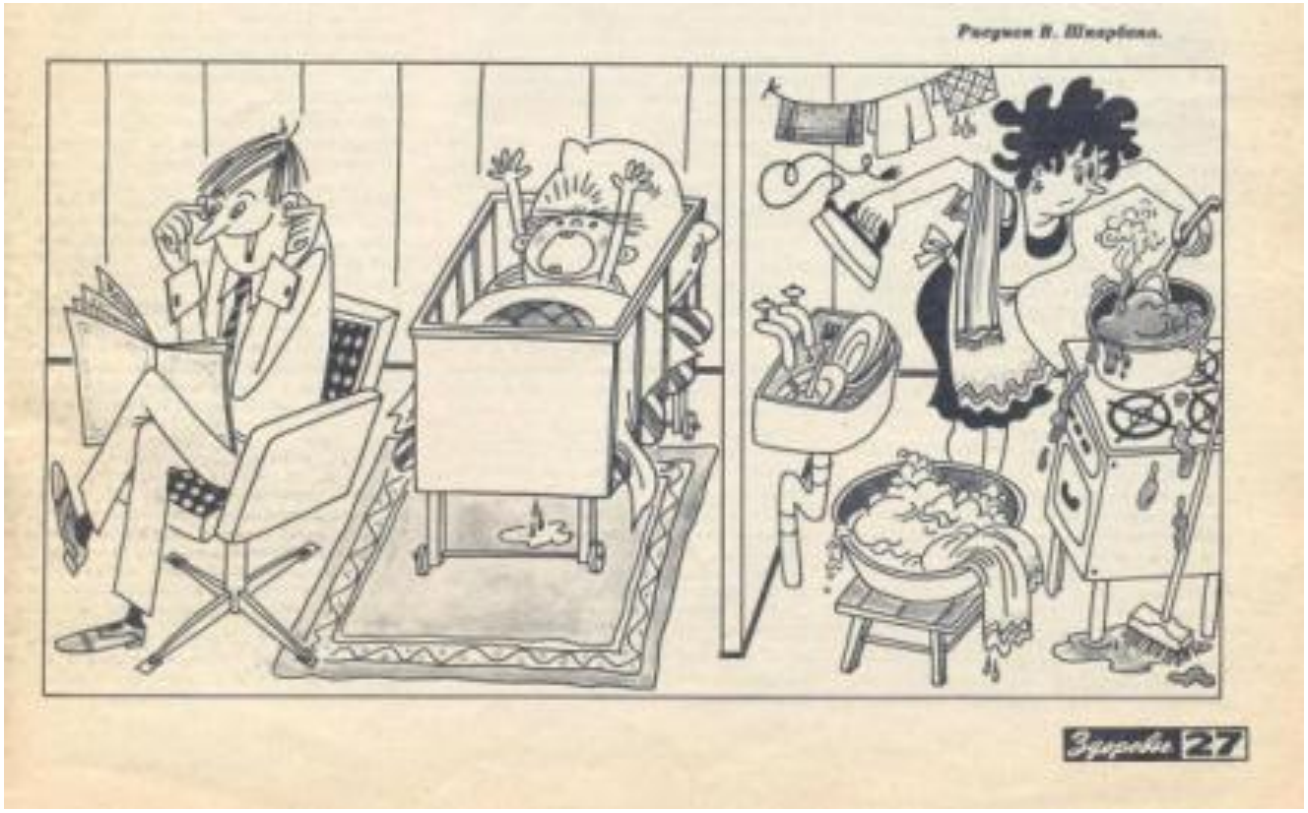


Рисунок 6. Иллюстрация к рекламе газовых плит производства Воронежского механического завода.

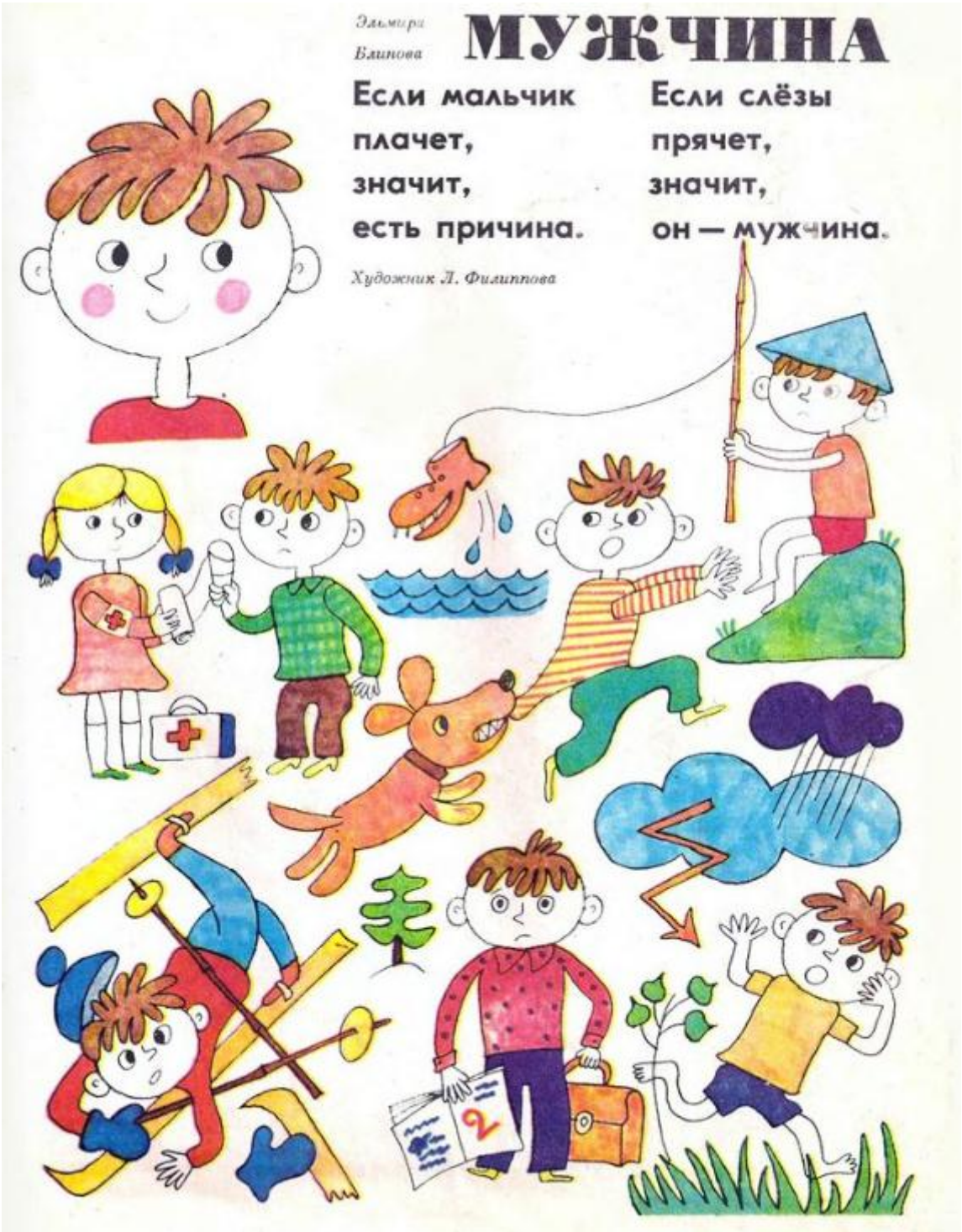
Новые товары. 1973. №1. С.22.

Художественный редактор А.С. Мунтян. Графика, фото, ретушь: Е.В. Волконский, В.А. Казьмин, О.В. Каханов, Б.М. Каплуненко, Л.А. Клопов, Э.Г. Кусс, И.Ф. Мальчевская, П.Г. Митюшин, В.Ф. Свиридов.

Рисунок 7. Реклама косметических средств.

Новые товары. 1968. №12.

Художественный редактор А.С. Мунтян. Художественный редактор А.С. Мунтян. Графика, фото, ретушь: Е.В. Волконский, И.Ф. Мальчевская, В.А. Казьмин, Б.М. Каплуненко, О.В. Каханов, Л.А. Клопов, В.Ф. Свиридов, В.Л. Черников.

Рисунок 8. Стихотворение Э.Блиновой «Мужчина» с иллюстрацией Л. Филипповой.

Веселые картинки. 1982. №2.